

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI
TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

455

ФИННО-УГОРСКИЕ НАРОДЫ
И ВОСТОК

Труды по востоковедению
Oriental Studies

IV

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHIK 455 ВЫПУСК ОСНОВАН В 1893.g.

ФИННО-УГОРСКИЕ НАРОДЫ И ВОСТОК

Труды по востоковедению
Oriental Studies

IV

TARTU 1978

Редакционная коллегия: Я.Конкс (председатель), Л.Мяль,
П.Нурмекунд (отв. редактор)

© Тартуский государственный университет, 1978

О ПОНЯТИИ ВОСТОК

Настоящая юбилейная конференция имеет особую тематику, а именно — она посвящена исключительно изучению ряда вопросов, касающихся взаимоотношений языковых семей (или групп), которые нам известны под названием финно-угорских и восточных языков. Противопоставление обеих групп представляет немалый интерес в решении вопроса, совпадают ли они друг с другом (и насколько), или не имеют ничего общего.

Пределы и охват финно-угорских языков нам довольно известны. Относительно восточных языков этого сказать нельзя.

В течение веков понятие Восток претерпело значительные изменения. Его значение и содержание постоянно менялись.

Впервые противопоставили себя как представителей Запада Востоку греки и римляне, которые под Востоком подразумевали, прежде всего, древнюю Персию, а затем все, что лежало к востоку за пределами эллинского мира. Когда понятие Восток для греков потеряло свое специфическое значение, оно появилось у римлян. Таким образом, в первые столетия нашей эры Востоком было все, что лежало к востоку от Италии, или точнее говоря — к числу стран Древнего Востока относились, следовательно, Балканский полуостров, Малая Азия, Сирия, Египет, Иран.

В средние века понятие Восток значительно расширилось. Востоком стали страны Азии, заселенные арабами, тюрками, монголами, иранцами, индийцами, малайцами, китайцами, японцами, корейцами. Все эти многочисленные народы Азии говорят на многих, часто неродственных языках. В прошлом они были (да и сегодня находятся) на разных ступенях развития. Опираются они на далеко не близкие друг другу традиции в области материальной и духовной культуры. Наименование Востока получили также страны, находившиеся под властью вышеупомянутых восточных народов, т.е. Северная Африка от Египта до Марокко и части Пиренейского полуострова, завоеванные арабами. Далее — Востоком стали и славянские земли Балканского полуострова, находившиеся под властью турок. Этим объясняется и тот факт, что при определении восточных языков и народов некоторые справочники исходят из религиозных соображений. По их мнению, название восточных языков, в общем, свойственно для языков всех народов Азии, магометанской Европы и Африки. В средние

века и даже позднее, народы Западной Европы к Востоку относили и страны Восточной Европы. Таким образом, еще до второй мировой войны (пожалуй, даже в наши дни) французы считали Востоком всю Восточную Европу. Поэтому в Париже все финно-угорские и славянские языки без исключения преподавались в т.н. Школе живых восточных языков (*École Nationale des Langues Orientales Vivantes*).

Далее - понятие Востока не учитывает целостности данной группы народностей и языковой семьи (или даже отдельной языковой подгруппы). Точно так обстоит дело с индо-европейской семьей языков, а именно - в то время как бесспорными восточными считаются языки иранцев, армян и индийцев, к славянским языкам относятся далеко не так, хотя славяне не только обитают на обширных пространствах Центральной и Восточной Европы, но являются и непосредственными соседями народов Средней Азии и Дальнего Востока.

В наши дни территориальное распределение восточных народов (и языков) представляет собой весьма пеструю картину. В частности, под Востоком подразумевают:

во-первых, Малую Азию, Сирию и Египет;

во-вторых, Азию и северо-восточную часть Африки;

в-третьих, Северную Африку и юго-западную Азию, в отдельности включающие Аравию, Палестину, Сирию, Месопотамию (все в Северной Африке), Малую Азию, Армению, Кавказ, Иран, Афганистан, Туркестан;

в-четвертых, всю южную и юго-восточную Азию;

в-пятых, страны Азии и частично Африки (преимущественно Северной);

в-шестых, Переднюю и Среднюю Азию;

в-седьмых, Азию, часть Египта, и - в противопоставление Западной Европе - часть Европы.

Относительно финно-угорских языков (и народов) данные ранних справочников нередко противоречат друг другу. Согласно одним - финны принадлежат к монгольской расе, а именно, к ее урало-алтайской ветви, прародина которой лежала соответственно на Урале и на Алтае.

Другие справочники же, наоборот, подчеркивают, что теории азиатского происхождения финно-угорских народов нельзя поддерживать. Все результаты, достигнутые путем историко-лингвистического исследования, указывают на то, что колыбель доисторических финно-угров - местность по эту сторону Урала,

и, как доказано, финны (в узком смысле слова), венгры, вогулы (нынешние манси) и остяки (нынешние ханты) отправились к своему современному местожительству именно из этой прародины.

Зарубежные справочники склонны рассматривать финно-угорские и самодийские языки как одну из основных частей т.н. урало-алтайской семьи языков. Урало-алтайское родство языков считают возможным К. Менгес, Н. Поппе, М. Рясänen, Б. Коллиндер, Д. Фокош-Фукс, О. Соважо.

Среди советских языковедов эта давняя гипотеза имеет как последователей, так и противников. Однако последние не отрицают возможности древнего родства уральских и алтайских языков (и народов). По их мнению, до сих пор получено мало доказательств этому.

Зарубежные справочники также неоднократно подчеркивают многочисленные древние контакты уральцев с т.н. народами Востока (преимущественно с иранцами, турками, кетами) на разных этапах их истории.

Возможно, что на древние контакты ориентируются и советские ученые, высказывавшиеся следующим образом: можно лишь предположительно судить, что те родовые группы, из языка которых развились современные финно-угорские языки, когда-то в глубокой древности находились в тесной связи с теми родами и племенами, язык которых лег в основу индо-европейских, тюркских, монгольских, какагирского и других языков. Этим и объясняется наличие в названных языках некоторого количества общих с финно-угорскими языками слов и суффиксов. Утверждается, что особенно многочисленные контакты — главным образом с племенами, говорящими на индо-иранских языках — возникли у финно-угорских племенных групп в конце неолита и в бронзовом веке.

Намеки на вероятность древних межязыковых контактов имеются также в следующем высказывании, а именно: уральская языковая семья состояла в очень древней и тесной связи с несколькими другими языковыми семьями. Мы же убеждены в том, что уральский пранарод когда-то имел общий язык с предшественниками какагиров, индо-европейцев или алтайцев, но весьма реально предположение, что он вступил в языковые связи с этими языковыми семьями.

Относительно места уральской прародины существуют лишь предположительные теории. Приведем для примера некоторые из

них:

Ф.Й. Видеман высказал предположение, что прародина финно-угров находилась в Средней Азии, по соседству с родственными татарскими, маньчжурскими и монгольскими народами.

М. Кастрен считал, что колыбель финно-угорских и самодийских, а также тюркских (алтайских) языков, состоящих в генетическом родстве с финно-угорскими языками, находилась в Средней Азии, в Саянских горах, на западном Алтае, в районе истоков Оби, Иртыша и Енисея.

О. Доннер и Х. Паасонен пришли к выводу, что прафинно-угры жили где-то в районе уральских гор на границе между Европой и Азией.

По мнению венгерского ученого П. Хайду, прародина уральцев в период с У по III тысячелетие до н.э. находилась в северной части Западной Сибири, в районе между нижней Обью и Уральскими горами. После распада уральской общности финно-угорская ветвь отодвинулась к западу и не позднее III тысячелетия до н.э. осела в бассейне Печоры, Камы к западу от Урала. Таким образом, исходя из гипотезы П. Хайду можно предположить, что прародина финно-угров занимала южную и западную (к западу от Уральских гор) части территории уральской прародины.

По-видимому, на восточной части Волго-Уральско-Енисейской территории прауральцев жили предки самодийцев. Таким образом, данная территория должна считаться прародиной самодийцев.

Придерживаясь взгляда древних межкультурных контактов, советский эстонский археолог Лембит Яанитс считает, что формирование уральского языка-основы, по всей вероятности, началось уже в период позднего палеолита.

В то время как языковые данные указывают на очень древние контакты уральского языка-основы с индо-европейским и с алтайским языком-основой, то с точки зрения археологии надо учитывать именно тот самый период, когда большие группы племен, отчасти общего, отчасти разного происхождения, проживали и передвигались на обширных территориях. Время от времени они соприкасались друг с другом, иногда даже соединялись и смешивались. По мнению Л. Яанитса, где-то на рассматриваемой территории и примерно в то же время развивалась и уральская раса, территориальное распространение которой оказывается почти соответствующим распространению уральского

праязыка. Большинство археологов считают, что уральская раса сформировалась путем слияния европейцев и монголоидов где-то в пограничной зоне Европы и Азии в последнюю эпоху позднего палеолита. Однако некоторые исследователи утверждают, что уральская раса сформировалась как результат местного развития *homo sapiens'a*. На основании более позднего распространения уральской расы можно сказать, что и в данном случае она все-таки сформировалась на какой-то промежуточной между европейцами и монголоидами территории.

Однако теории языковых контактов между прауральцами и праалтайцами противоречит предположение, что в уральскую эпоху алтайские племена не проживали вблизи предполагаемой прародины уральцев. Следовательно, объяснение всем соответствиям в уральских и алтайских языках следует искать лишь в предуральскую эпоху. Поэтому и нелегко опровергнуть гипотезу урало-алтайского генетического родства.

Древнее родство финно-угорских и самодийских языков сегодня уже можно считать доказанным.

Относительно юкагирского языка даже сейчас неясно, куда его отнести. До сих пор его причисляли к палеоазиатским языкам. Также возможно, что он является каким-то арктическим языком. Однако возможно и то, что юкагирский язык состоит в близкой связи с уральскими языками, так что правильнее говорить об урало-юкагирской языковой семье, третьей ветвью которой наряду с финно-угорскими и самодийскими языками является юкагирский. По-видимому, в период, предшествовавший распаду уральской языковой семьи, предков юкагиров с уральской общностью связывали весьма слабые узы.

В настоящее время на уральских языках говорит примерно двадцать миллионов человек. Проживают они на необъятной территории, простирающейся от Скандинавии и Венгрии (в северной части Восточной Европы и в Центральной Европе) до бассейна рек Обь и Енисей в северо-западной Сибири. А если причислить к ним также юкагиров, то это пространство будет простираться до Индигирки и Колымы в северо-восточной Сибири.

Итак, существует гипотеза о сибирском происхождении уральцев. Если это так, то еще раз обнаруживается необоснованность существующей ныне классификации языков (и народов) на восточные и невоcточные. В то время как алтайцы, являясь также народностью сибирского происхождения, где они ни появляются, везде и всегда считаются восточными, об уральцах нам

пока неизвестно, куда их отнести.

х х

х

В настоящем сборнике опубликованы доклады, прочитанные на научной конференции, посвященной 20-летию кабинета востоковедения ТГУ (ноябрь 1975 г.). В связи с ограниченным размером сборника, статьи Гумилева К.Н. и Мазинга У. опубликованы в сб. "*Studia orientalia et antiqua II*", а статьи Топорова В.Н. и Рассадина В.И. включены в сб. "Труды по востоковедению У".

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

Э.Г. Беккер (Томск)

В статье "Общность падежных суффиксов самодийских языков с енисейскими" А.П. Дульзон обращает внимание исследователей на тот факт, что вопрос о составе падежей в самодийских языках нельзя считать окончательно решенным. Основание тому — недостаточная изученность этих языков и отчасти неправильный подход к их выделению¹.

С этими замечаниями применительно к селькупскому языку, в частности к языку селькупов Томской области, нельзя не согласиться.

Вплотную изучением современного состояния языка селькупов Томской области начали заниматься совсем недавно, несколько лет тому назад на кафедре немецкого языка и общего языкознания, кафедре английского языка Томского пединститута, а также в университете города Новосибирска.

Одной из первых работ явилась кандидатская диссертация Ю.А. Морева "Звуковой строй среднеобского (ласкинского) говора селькупского языка" (Томск, 1973 г.), затем диссертация Н.А. Воеводиной "Аналитические глагольные конструкции в селькупском языке. (Деепричастие плюс вспомогательный глагол)" (Томск, 1974 г.). В том же году вышло учебное пособие А.И. Кузьминой "Грамматика селькупского языка", ч. I (Новосибирск). На материалах, собранных в экспедициях, разрабатываются темы кандидатских диссертаций "Средства выражения модальности в селькупском языке" (Томск) и "Словообразование прилагательных в селькупском языке" (Томск), готовятся монографии "Историческая фонетика селькупского языка" (Томск), "Становление и употребление падежей в селькупском языке" (Томск). Опубликовано также ряд статей, посвященных исследованию различных сторон селькупского языка.

Правомерна точка зрения А.П. Дульзона и в отношении вопроса методики выделения падежных словоформ, которая сводится

¹ См. А.П. Дульзон. Общность падежных суффиксов самодийских языков с енисейскими. — Вопросы финно-угроведения, вып. V, Ишкар-Ола, 1969, с. 31.

к учету аффиксов в зависимости от одушевленности и неодушевленности предмета и к учету всех окончаний, разных, как следует полагать, с точки зрения морфологической оформленности². В пользу замечания А.П. Дульзона: "...там, где имеются разные окончания, следует говорить о разных падежах"³ — говорят наши наблюдения, а также сравнительные и сравнительно-исторические исследования по самодийским языкам последних лет, в частности монография А.Ю. Кюннапа "System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe" и его докторская диссертация "Склонение и спряжение в самодийских языках. (Сравнительно-исторический анализ первичных словоизменительных суффиксов)" (Тарту, 1974 год), в которых находит отражение вопрос о происхождении окончаний восьми падежей абсолютного склонения селькупского языка: номинатива, генитива, аккузатива, латива, локатива, аблатива, прозекутива и инструментала. Мы не будем останавливаться на результатах, полученных в ходе исследования этого вопроса, однако вывод один: каждый падежный формант имеет свою историю возникновения, развития с точки зрения исторической морфологии и, следовательно, право на самостоятельное существование в сфере номенклатуры падежных окончаний.

Именно с этих позиций мы исходим при выделении падежных словоформ в селькупском языке и при рассмотрении вопроса об их функционировании.

Современное состояние изученности языка селькупов Томской области позволяет выделить следующие падежи абсолютного склонения: именительный, родительный, дательно-направительный, местно-личный, местно-временной, отложительный, продолжный, совместный, орудно-совместный, лишительный, назначительно-превратительный, назначительно-причинный, предельный, разделительный, причем последние три находятся в стадии становления, совместный — на грани исчезновения. Следует, вероятно, говорить о наличии также сравнительного падежа на -sak, -šak.

В данном изложении речь пойдет лишь о некоторых словоформах, которые в силу определенных обстоятельств находятся

² А.П. Дульзон. Указанная работа.

³ Там же.

⁴ А. Кюннап. System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe. Helsinki, 1971.

на грани исчезновения, и тех, которые возникают вновь на базе последованных конструкций.

Многие исследователи самодийских языков отмечают наличие в селькупском языке *n*-овой словоформы в функции орудности, типа: Кар. *pažá olin pal'd'urut* "старуха кивает головой"; *andun éwan sátsam sážacu* "на лодке (т.е. лодкой) было тяжело ехать" и т.п. Падежная отнесенность этой орудной словоформы не решена. Имеются различного рода предположения, которые обобщены и находят свое отражение в статье А.Ю. Киннапа "Об инструментале южносамодийских языков"⁵. Мы склонны классифицировать *n*-овую словоформу наряду с *t*-овой в функции орудности как одну из древнейших функций селькупского генитива, падежным показателем которого является *-n/-t*.⁶

Функции орудности присущи не только селькупскому генитиву. В аналогичной функции, ставшей сейчас архаичной, выступал некогда генитив в немецком языке⁷.

Во всяком случае, под каким углом зрения мы бы ни рассматривали падежную словоформу на *-n* в функции орудности, она все реже фиксируется, уступая место орудно-совместному падежу на *-ai* и его вариантам. Рукописные материалы М.А. Кастрена и К. Доннера по селькупскому языку, приводимые А.Й. Йоки в статье "*Über das Element n in der samojedischen Deklination*"⁸ говорят о некогда определенной продуктивности этой словоформы. По данным М.А. Кастрена она имела место в чulyмском, кетском и среднеобском диалектах; исходя из материалов К. Доннера она была представлена в тымском, тазовском, кетском диалектах, а также в языке селькупов, проживавших на Чае и Верхней Оби. В наших записях падежная словоформа на *-n* в функции орудности зафиксирована в верхнеобском (СтС.) и кетском (Кар.) диалектах, причем в очень редких случаях.

Из парадигмы склонения исчезает падежная словоформа на

⁵ А.Ю. Киннап. Об инструментале южносамодийских языков. - СФУ, № 3, 1971, с. 205 и др.

⁶ Г.Н. Прокофьев. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л., 1935, с. 86.

⁷ O. Behaghel. Deutsche Syntax, Bd. I, Heidelberg, 1923, S. 602.

⁸ A.J. Jokinen. Über das Element *n* in der samojedischen Deklination. - FUF XXXIX, Helsinki, 1971, S. 8-9.

Ареал на *-opti*, судя по материалам М.А. Кастрена и Т. Лехтисало, ограничивался натско-пумпокольским и чулымским диалектами селькупского языка¹³. В наших записях словоформы на *-opti* зафиксированы в кетском и среднеобском диалектах.

Однако совместный падеж на *-opti* непродуктивен¹⁴, видимо, вследствие своей функциональной узости, заложенной в самой природе аффикса *-opti*, окончательно уступит место орудно-совместному падежу на *-sä*, поскольку даже в только что названных диалектах он обнаруживает лишь остаточные рефлексy, сосуществующие с формами орудно-совместного падежа, разделяющими с ним его функцию совместности, ср.: УО *att'ä indisä mat'öndä t'ümbattä* "отец со своим сыном в тайгу пошли"; Кар. *äsit indise kwonnadi matt'öndä sürujgy* "отец со своим сыном в тайгу идут охотиться"; Марк. *esat indepti mač-čömb'i kwinnati* "отец со своим сыном по тайге идут"; Ласк. *äd indopti nabäčugu kwännar* "отец со своим сыном белковать пошли"; *čömböne lo'asä äden mäd'rađn* "волк с лисой настигли оленя".

Таким образом, идеи совместности и орудности, передававшиеся в целом ряде диалектов селькупского языка с помощью специальных падежных словоформ, получили свое воплощение в развивающемся орудно-совместном падеже на *-sä*, который оказался чрезвычайно продуктивным для всех диалектов селькупского языка и может быть образован от существительных, обозначающих одушевленные и неодушевленные предметы. При этом функции орудно-совместного падежа значительно абстрагировались и выходят за рамки комитативности и орудности¹⁵.

Для современной падежной системы селькупского языка характерен не только процесс отмирания отдельных падежных словоформ и передачи функций исчезающих вновь возникающим, как это мы видим на примерах совместного падежа на *-opti*, падежной словоформы на *-n/-t* в функции орудности. Для данной па-

¹³ М.А. К а с т р е н, Т. Л е х т и с а л о. *Samojedische Sprachmaterialien*. Helsinki, 1960, S. 117.

¹⁴ Г.Н. Прокофьев пишет по поводу этого падежного показателя: "Суфф. с. п. *opti* (омертвелый), сохранившийся в таз. д. в некоторых словах ... "См. Г.Н. П р о к о ф ь е в. Указ. соч., с. 38.

¹⁵ Э.Г. Б е к к е р. К употреблению падежей в селькупском языке. - Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974, с. 251.

дежной системы характерна тенденция к образованию новых падежных словоформ на базе послеложных конструкций. Процесс перехода послелогов в разряд агглютинативных морфем отмечен во многих языках и давно уже признан исторической морфологией¹⁶. В селькупском языке этот процесс обнаруживает себя при сопоставлении и анализе полевых записей, собранных в различных местах проживания его носителей. Говоря о послелог-е как об агглютинативном аффиксе, мы имеем в виду сращение его с основой слова, порождающее: 1) ассимилятивные процессы на стыке морфем, 2) утрату паузы и главного ударения, 3) редукцию послелога, т.е. мы принимаем во внимание основные фонетические критерии, отличающие послелог от падежного аффикса, которых традиционно придерживаются другие исследователи¹⁷. Такими зарождающимися падежами являются, прежде всего, назначительно-причинный, названный нами ранее вслед за А.П. Дульзоном "назначительный"¹⁸, предельный падеж и разделительный, которые в одних говорах и диалектах представляют собой сложившиеся падежные словоформы, в других - они в стадии становления, в третьих - это все еще послеложная конструкция.

Назначительно-причинный, названный так вместо "назначительного", более точно отражает реализуемые им значения. Он развивается из сочетания имени в родительном падеже и послелога, представленного в зависимости от говора и диалекта в разных вариантах. Приведем варианты, отмеченные в работе

¹⁶ См. С.В. Панфилов. Грамматика нивхского языка, ч. I, М.-Л., 1962, с. 122; А.С. Чикобава. О некоторых процессах трансформации аналитических образований в синтетические. - Аналитические конструкции в языках различных типов. (Тезисы докладов). М., 1963, с. 20; Б.А. Серебряников. Историческая грамматика мордовских языков. М., 1967, с. 18; T. Mikola. Die alten Postpositionen des Nenzischen (Juraksamojedischen), Budapest, 1975, S. 130.

¹⁷ См. Н.Г. Зайцева. Послеложные падежи в вепском языке. - Вопросы советского финно-угроведения. Саранск, 1972, с. 61.

¹⁸ См. А.П. Дульзон. Общность падежных аффиксов самодийских языков с енисейскими. - Вопросы финно-угроведения, вып. V, Йошкар-Ола, 1969, с. 31; Э.Т. Беккер. К употреблению назначительно-превратительного и назначительного падежей в селькупском языке. - Вопросы советского финно-угроведения. Саранск, 1972, с. 57.

"Samojedische Sprachmaterialien", которые могли послужить основой для формирования назначительно-причинного падежа; tjaat od. tjaadä (К. Tschl.) - про, вместо, против; tjaat (MP.00), tjaad (B) čad - против; tjaade (Tas) - вместо, для, про, против¹⁹ и варианты из словаря Й. Эрдеи по та-зовскому диалекту селькупского языка, тождественные вышеназванным в материальном и семантическом аспектах: čäti, čäti, čoti 1) для (кого-нибудь); 2) против (кого, чего-нибудь); 3) вместо (кого-нибудь); 4) за, ради; 5) из-за, по, про²⁰.

В наших записях они реализуются в следующих диалектных и фонетических вариантах, ставших в ряде говоров аттлютинативными морфемами, либо они на грани перехода в падежный аффикс:

УО. -d'at, -t'at, -dat, -d'it; (Зуб.) -d'at;
Ласк. -čad, -čad; (Тухт.) -čad; (Ив.) -t'at;
СтС. t'attə; (НС.) -d'sat, -dat, -d'at;
Ванж. t'ättə;
Кел. -čot, čotə, -čot; (Фарк.) čoati, tšoat, čoat, tšät, сравните: УО. nēdə t'uraŋ teband'it "дочь плачет о ней"; kotja kətʔ onēnd indid'at "бабушка, расскажи о своем сыне"; tand'it maŋ muŋom mādʔandāŋ "я палец из-за тебя порезала"; Ласк. kadéd meka onēndə indčad "расскажи мне о своем сыне"; но: ti cadēndəgo mat klubond a kwānnak "из-за вас я в клуб пойти не мог"; СтС. mand'ät "из-за меня"; med'ät "из-за нас"; Кел. mejt t'amo macot "сделай это для меня"; tepecot maŋ te tūsaŋ "из-за него я приехал сюда"; ʔaraŋ tarcele maŋ kind'aŋ kilēcika tacot "отец, сегодня я вместо тебя рыбачить пойду"; но: me kumaimit čumotin neičandə cotə "наши (люди) родители плачут о дочери своей", Ванж. tab'ejRat t'ättə "из-за них (двоих)"; tabatə t'ättə "из-за них"; mat t'ättə "из-за меня"; Фарк. ma amām ešām čurisoat nete-čoat "моя мать, отец плачут о дочери"; ija sojōncə loyo-čoati, netik čura tebh-čoati "мальчик спрашивает о ли-сине, а девочка плачет о ней" (loyot čoati > loyo-čoati; te-bät čoati > tebh-čoati).

¹⁹ M. A. Castrén, T. Lehtisalo. Samojedische Sprachmaterialien. Helsinki, 1960, S. 94.

²⁰ J. Erdélyi. Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt. Budapest, 1969, S. 231.

Процесс формирования словоформы назначительно-причинного падежа коснулся почти всех диалектов языка селькупов Томской области, в том числе и говора енисейских селькупов. Наиболее последовательно этот процесс прослеживается в кетском диалекте, в меньшей степени он проявил себя в других диалектах и говорах, где в одних случаях мы можем говорить о назначительно-причинном падеже как о сложившейся падежной словоформе, в других послелог на пути агглютинации. Примеры, которыми мы располагаем по тымскому наречию (пос. Ванжилыкнак), содержат исключительно послеложные конструкции.

Назначительно-причинный падеж разделяет в ряде говоров сферу функционирования назначительно-превратительного падежа²¹. За назначительно-превратительным падежом сохраняются во всех рассматриваемых нами говорах, кроме енисейских, функции назначительно-превратительного цели, ср.: Лос. *man tendi onen kajlango tū'an* "я к тебе за своими вещами пришел"; и назначительно-превратительный транслатив, ср.: Ласк. *nadə šə-gəŋ lagatko lagangu* "смаывать надо нитки в клубок". В енисейских говорах функцию цели, ради которой субъект совершает действие, выполняет иногда также назначительно-причинный падеж, ср.: Фарк. *ma onək kili-šəatī kel telūt kisse* "я схожу за своей рыбой, которую вчера добыл". Сфера назначительно-превратительного объекта сохраняется за всеми говорами, исключая только енисейские (п.п. Фарково, Келлог), в которых в этой функции употребляется назначительно-причинный падеж, либо его послеложная конструкция, ср.: УО. *utšəŋgo* "для ребенка", но: *mit'ad* "для нас"; Тухт. *kiba utko* "для малыша", но: Фарк. *ijat tšəat* "для ребенка"; Кел. *ūdət šot* "для сена"; назначительно-превратительный причины имеет место в енисейских говорах, а также в кетском, среднеобском, тымском диалектах, в которых он разделяет причинную сферу действия с назначительно-причинным падежом. В верхнеобском диалекте (СтС., НС) зафиксированы для данной сферы назначительно-причинные формы, например: УО. *mudand'it kot't'ɣ kum kumbind* "из-за войны многие люди умерли"; Кел. *šūte-šəotʔ...* "из-за войны..."; Ласк. *mat tat šat* *muŋom mašəŋam* "из-за тебя палец порезала"; Ив. *tūt'it muŋom mašəmbam* "из-за тебя палец порезала"; СтС. *med'at...* "из-за нас..."; Тухт. *peŋ-*

²¹ Э.Г. Беккер. К употреблению назначительно-превратительного и назначительного падежей в селькупском языке. - Вопросы советского финно-угроведения, Саранск, 1972, с. 37.

žadʔ... "из-за дочери"; Ванж. mat t'ättʔ "из-за меня".

В настоящее время имеется достаточно оснований, чтобы говорить о наличии в селькупском языке предельного падежа и зачатков разделительного.

Отсутствие более ранних высказываний относительно существования этих падежных словоформ объясняется все тем же обстоятельством, что долгое время оставался неизученным язык селькупов Томской области.

Существительное в предельном падеже указывает исключительно на предельный пункт или предельный момент совершения того или иного действия в пространстве или во времени. В своем становлении он проходит стадию развития, аналогичную другим локальным падежам селькупского языка²², аналогичную дательному падежу мордовских языков²³.

Он сложился в результате слияния имени в родительном падеже и послелога *tetti* (Келлог, Фарково) "до", "к" (ср. *tetti* до, к/*bis*, *bis zu*; *zu*; *Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt, von Istvan Erdélyi. Budapest, 1969, S. 264*), обнаруживающего функциональную общность (а в ряде случаев и материальное тождество) с суффиксами предельного падежа в языке селькупов Томской области, представленными в следующих диалектных и фонетических вариантах: Нап. čennʔ; Марк. -čen; ženni; УО. tennʔ, -ten, -ti, -žan, -žinna; Лос. tenni, *ten-ik* tendʔ; Тухт. čan, -čan; Ласк. čan, žan; Ив. -čan, -žan, -čanž; СтС. -žan, -žan.

Не во всех случаях можно говорить о предельном падеже как о сложившейся словоформе, где послелог воедино слился с именем и неотделим от него. Во всех диалектах селькупского языка, по крайней мере, в языке енисейских селькупов, чумлькупов на Васюгане и Тыме, сискумов на Кети, шешкумов или шешкупов на Оби выше Нарыма²⁴ для передачи идеи распространения действия в его пределе все еще существуют послеложные

²² Э. Г. Беккер. О формах выражения падежных отношений в селькупском языке (на материале языка нарымских селькупов). - Языки и топонимия, вып. 1, Томск (в печати).

²³ Б. А. Сребренников. Историческая морфология мордовских языков. М., 1967, с. 18.

²⁴ См. диалектное членение языка селькупов. Предложенное А. П. Дульзоном: A. D u l s o n. Über die räumliche Gliederung des Sélkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen. - СФУ, №1, 1971, S. 43.

Конструкции, ср.: Фарк. ме monninon? kit tet? tot metra "от нашего дома до реки сто метров"; УО. ütcekka toron?n? olan tenn? tawand'imba "мальчик запачкался; видеть, с ног до головы"; Тххт. tab? ollowand tobet čan čānditpa "он промок с головы до ног"; Нап. karemnto ūdimit čenn? ter kwelinnin "с утра до вечера он рыбу ловил он".

Тем не менее полевые записи позволяют утверждать, что послелог на пути перехода в аффикс, а в ряде случаев — это аффикс вследствие его адаптации и слияния с именем, например: Кел. ме qartit (<*qartit tetti) qond?səmit "мы спали до утра"; тебан qarettit qil'esotin "они рыбачили до утра"; УО. ме garotte (<*qarrot, tenn?) qond?so "мы спали (двое) до утра"; теб? олоуанна torānten (<*toran tenn?) ūttu?an "он в воде с головы до ног"; ме mātu?ann? qōtt? (<*qōt tenn?) ton metra "от нашего дома до реки сто метров"; Ив. uciti?n? tjawelt'elʒan (<*tjawelt'elat ʒan) qwōdʒəp "работу я отложил до завтра"; СтС. mādʒān kurólgu nādə "до леса бежать надо".

Ту же стадию развития проходит разделительный падеж, зачатки которого наблюдаются в языке ряда диалектных групп. Эта падежная словоформа сосуществует с послеложными конструкциями.

В основе аффикса разделительного падежа лежит, на наш взгляд, послелог čarə по/zu, -weise, je; на, в/auf, in; вроде/wie, -weise (См. I. E r d é l y i. *Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt.* Budapest, 1969, S. 253), лексическое содержание которого позволяет отождествить его с корнем глагола tārigo "(раз)делить(ся)".

Данный послелог обнаруживает себя в языке енисейских селькупов и селькупов Томской области в следующих вариантах, являющихся в ряде случаев агглютинативными морфемами: УО. darre, dar, dər, d'arə, d'ari; Тххт. ʒaře, čare, čare, taře, čar, čar, čir; Ив. t'are, d'are, t'ar, tir; Ласк. čar, taře, ʒaře, tar; Кел. tara; Фарк. ʒara, ʒar, čera.

Разделительный падеж имеет, прежде всего, узко разделительное значение. Он соответствует в этой функции разделительным сочетаниям с предлогом "по" в русском языке, ср.: Ив. ʒəd nalgunan oq?r It'ar (<*it čar) t'elimba "у двух женщин по сыну родилось"; УО. taupsan?an surul'd'i kūla tonan sēbakkandər (<*sēbakkan d'ar?) qwotqwatte "осенью охотники добывают по сто бурбундуков".

Таким образом, современный уровень изученности падежной системы селькупского языка, прежде всего языка селькупов Томской области, позволяет говорить о процессах, связанных с фактом исчезновения одних падежных словоформ, как то совместного падежа *-ortı* и родительного падежа в значении орудности, с одной стороны, и возникновения других, как то орудно-совместного падежа на *-wä*, явления более позднего времени²⁵, с другой. Происходит процесс перераспределения функций. Функции совместного падежа и родительного в значении орудности берет на себя орудно-совместный падеж.

Для падежной системы селькупского языка характерно развитие новых падежных словоформ на базе послеложных конструкций. В стадии становления находятся назначительно-причинный, предельный и разделительный падеж.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Ванж. - н. п. Ванжилыкынак на Тyme
- Ив. - н. п. Иванкино на Оби
- Кар. - н. п. Карелино на Кети
- Кел. - н. п. Келлог на Елогуе, левом притоке Енисея
- Ласк. - н. п. Ласкино на Оби
- Лос. - н. п. Лосиноборск на Кети (за пределами Томской области)
- Марк. - н. п. Марково на Кети (за пределами Томской области)
- Нап. - н. п. Напас на Тyme
- НС. - н. п. Новосондрово на Оби, выше Колпашева
- СтС. - н. п. Старосондрово на Оби, выше Колпашева
- Тхт. - н. п. Тххтерево на Оби
- УО. - н. п. Усть-Озерное на Кети
- Фарк. - н. п. Фарково в Туруханском р-не Красноярского края

²⁵ См.: А.Ю. К ю н н а п. Об инструментале южносамодийских языков. - СФУ, № 3, 1971, с. 215.

ZUR FRAGE DER ENTWICKLUNG DES KASUSSYSTEMS IM SÖLKUPISCHEN

E. Becker (Tomsk)

Z u s a m m e n f a s s u n g

Der gegenwärtige Erforschungsstand des Sölkupischen (der Sprache der Sölkupen des Tomsker Gebietes) erlaubt von Prozessen zu sprechen, die auf gewisse Veränderungen, die im Kasussystem vor sich gehen, hinweisen. Es ist offenbar, daß aus dem sölkupischen Kasussystem der opti-Komitativ, von dem nur noch Reste in der ketischen Mundart und in der Mundart des Mittleren Ob zu finden sind, allmählich verschwinden wird. Es verschwindet der Genitiv-Instrumentalis auf -n/-t. Reste dieser Kasusform sind sowohl in der ketischen Mundart, als auch in der Mundart des Oberen Ob zu finden.

Die Funktionen der erwähnten absterbenden Kasusformen nimmt im Sölkupischen der Komitativ-Instrumentalis auf -sə auf sich.

Für das sölkupische Kasussystem ist die Entwicklung neuer Kasusformen aufgrund postpositionaler Konstruktionen charakteristisch. Es entwickeln sich folgende Kasus: der FUNKTIONAL-KAUSALE, der TERMINATIVE und der PARTITIVE. Der Prozeß der Herausbildung dieser Kasusformen ist nicht vollendet. In einigen Mundarten ist er der Vollendung nah, in anderen ist dieser Prozeß erst im Entstehen, in dritten haben wir es immer noch mit postpositionalen Konstruktionen zu tun.

всех говорах и представлял собой диалектные варианты:¹ ол-дэгу встречается только в речи информантов кетских говоров группы сискум, глагол ў:быргу характерен для обских говоров группы сискум, глаголы Кваттыгу Кватаджигу – для групп чумылкуп и шёшкуп.

Глагол "начать" в обследуемых диалектах в самостоятельном употреблении не отмечен. Этот глагол в качестве компонента аналитической конструкции выражает грамматическое значение, сохраняя в то же время и первоначальную лексическую семантику, а вся конструкция употребляется для обозначения начинательного вида; синтетические формы образования данного вида употребляются редко. Еще Г.Н. Прокофьев в своей грамматике селькупского языка при описании аффиксальных форм начинательного вида в тазовском диалекте отмечал вытеснение их синтаксическом словосочетанием, в котором глагол в форме инфинитива вступает в соединение с глаголом оламко "начать", "собраться".² С аналогичным явлением мы встречаемся в группе нарымских говоров, где аналитическая форма начинательного вида имеет регулярное и повсеместное употребление, с той лишь разницей, что вместо инфинитивной формы употребляется деепричастная. В виде исключения встречаются примеры с инфинитивной формой в качестве первого компонента конструкции, которые являются кальками – переводами с русского языка.

Хотя глагол "начать" сохраняет первоначальную семантику в составе аналитической конструкции, сочетание деепричастия на -ле с ним представляет собой несвободное словосочетание, где возможно синтаксическое членение. Выступающая в составе данного образования деепричастная форма на -ле не несет той синтаксической функции показателя обстоятельственных отношений, которая свойственна деепричастиям вне аналитической конструкции. Содержание деепричастия уточняется с точки зрения своей заставки, а также в отношении к соответствующим грамматическим категориям, показатели которых присоединяются

¹ В качестве рабочей схемы мы пользуемся диалектным членением языка, предложенным А.П. Дульзоном. См. A. P. Du l z o n. Über die räumliche Gliederung des Sälkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen. – СФУ, УП, 1971, стр. 43.

² Г.Н. Прокофьев. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л., 1935, стр. 62.

к глаголу "начать". В данной конструкции глагол "начать" лишен всяких самостоятельных отношений с другими членами предложения; он вступает в непосредственную связь только с деепричастием, а через него — с другими членами предложения. Оба элемента аналитической конструкции имеют одну и ту же предметную ориентированность, один и тот же референт — одно и то же действие, выраженное деепричастием. Глагол "начать" не имеет своего самостоятельного референта, он выступает на правах того же уточнителя, что и соответствующие показатели вида.

Глагол "начать" в служебной функции может выступать при деепричастии на -ле, образованном от любого глагола. Исключения очень редки, так как идея начала приложима почти ко всякому действию.

Аналитические конструкции с глаголом "начать" служат для обозначения исчерпанности начального этапа действия. При этом лексико-семантическое значение данной конструкции выражается деепричастной формой знаменательного глагола.

Примеры на аналитические конструкции с глаголами одыгу, ʉ:быргу, Кваталджигу приводятся параллельно с целью иллюстрации идентичности значений этих конструкций и подтверждения ограниченной употребляемости того или другого глагола со значением "начать" в соответствующем говоре или диалекте:

1. Сунг. м'е Канджиз'е ча:жизаутт'е неден сыдѣжн т'урл'е ʉбырн "мы ехали на нарте, девочка проснулась, плакать начала" /XJY, 118/; ʉ0. м'е тшалжисот Канджокън нейКитч'еКа с'ит'ин, т'урл'е олдаң, "мы ехали на нартах, девочка проснулась и начала плакать" /XXXVI, 421/; Саг. м'и Кандже ча:джи-ґут недеґлика еине Кел'ча ч'урел'е Кваталджит "мы ехали на нарте, девочка проснулась и начала плакать" /XJY, 213/;

2. Сунг. Кусан м'е ча: жезаутт'е теп Куґал'джимонс лакВаннин ч'аптерл'е ʉбырн "сколько мы ехали, он молчал, засмеялся и начал сказки рассказывать" /XJY, 118/; ʉ0 Кудкон'ин, м'е тшаджисот теп оґырґл'е Куйґал'джимонс нен п'иссес'ил'е олдаң, ч'еноч'ул'е олдаң, ґитансей т'апт "сколько мы ехали, она все молчала, потом рассмеялась и начала рассказывать всякие сказки" /XJY, 422/; Саг. кушан м'и чаджигут таб Кул'ґал'джимон пабъ лакВанна ч'аптерл'е Кваталджит "сколько мы ехали, она молчала, вдруг засмеялась и сказки начала рассказывать" /XJY, 213/;

3. Сунг. е:сты тѹва соґынґил'е ʉбырн кайґын теп и:т јен

"его отец пришел, начал спрашивать, где его сын" /XLII, 102/;
 УО. есат м'итал'джин, матъ соКанд'иКул'е олдаң. Кун тепан
 итте "его отец домой прибежал и начал спрашивать, где его
 сын" /XXXVI, 410/; Саг. е:дъ ч'вессе тб:Га соҢиндешпыл'е
 Кваталджа мет и:м Кучан еја "его отец домой пришел и начал
 спрашивать: "Где мой сын?" /XLII, 198/;

4. Сунг. кан арын Кула м'е едоҢнто тў:л'е ўбереджатъ. таб-
 ланч'ат колуватпыл'е ўбератъ "зимой в нашу деревню начали
 приезжать чужие люди. О них стали говорить" /XLII, 94/; УО.
 Кын м'е етоКинит оран кула т'укул'е олдадыт. теґатко етла-
 Кин кыткул'е олдадыт "зимой в нашу деревню начали приходить
 чужие люди. О них в деревне говорить они начали" /XXXVI,
 403/; Саг. кат миґнут арк кут тб:л'е Кваталджат. табтКо
 в'езд'е ч'енч'ел'е Кваталджат "зимой к нам чужие люди прихо-
 дить начали. О них везде говорить стали" /XLII, 189/.

Для передачи других оттенков протекания действия как
 первый, так и второй компонент аналитической конструкции мо-
 гут быть осложнены соответствующими показателями вида. На-
 пример, показателем повторного вида -къ /-ккъ/. Если этот
 показатель присоединяется к основе вспомогательного глагола,
 то вся конструкция указывает на повторяемость начального
 этапа действия: Нар. кузатъ Каґыл'е КматтКут мат урут'обл
 пор'а ш'еґундақ "когда зима начинается, я одеваю меховую шу-
 бу" /XXXVIII, 758/; Саг. Кумат ъдыт Кваталджикут сырп кудыл'е
 Кваталджикут "когда начинается весна, снег таять начинает"
 /XLII, 202/; Сунг. теп т'урл'е ўбыркус еудъ пон'е Кваджин
 "она начинала плакать /каждый раз/, когда ее мать уходила на
 улицу" /XLII, 37/; УО. Кет Кандл'е олдакун ерран Кал'еКьндъ
 "Кетъ начинает замерзать в конце осени" /XXXVI, 431/; полан
 таупсанан'ин т'абла оравл'е олдакуват "ранней весной листья
 расти начинают" /XXXVI, 425/; СтС. сел'ди пой Кыб'ан'ажала
 оґуджожел'е ў:быркуват "семигодовалые дети учиться начина-
 ют" /УІ, 200/; Кобым петкыл'е: ўбыркватт пұрың, коґемпди
 педерса поґын "кожу она начинает мять в круглой, русской
 мялке" /УІ, 587/. В последнем предложении подчеркивается по-
 вторяемость начала в многократно совершающемся действии.
 Многократность выражена суффиксом -кыл в первом компоненте
 аналитической конструкции - в деепричастии.

Если показателем повторного вида маркирован первый ком-
 понент конструкции, то вся аналитическая конструкция выража-
 ет начало повторяющегося действия, например: УО. ненне ти

тав варРъ тондъ пал'д'укул'е олдат Кыелел'д'и Кула "потом на это большое озеро начали ездить рыбаки" /XXII, 50/, т.е. было сделано начало, а потом действие повторялось. теп н'еКаннйт ѳкумдъ уттыламдъ питкал'е осыдыт сырсе "он шапку свою натянул и начал руки свои снегом растирать" /XXXVI, 63/; с'итем ман нпкылекул'е олдат "сердце мое щемить /досл.: давить/ начало" /XXXVI, 420/.

Следовательно, аналитические конструкции с глаголом "начать" указывают на характер протекания действия. Но любое действие, невзирая на его видовое значение, совершается в определенный отрезок времени, и в контексте аналитическая конструкция оформляется соответствующими формантами, характеризующими грамматическое время.

Действие, происходящее в определенный момент времени, может быть определенным с точки зрения характера протекания, т.е. эти две глагольные категории – вид и время, выражая разные значения и имея разные системы форм и средств выражения, взаимосвязаны. В следующих примерах аналитические конструкции выражают исчерпанность начального этапа действия в прошедшем времени изъявительного наклонения. Показателем этого времени является суффикс –с/–з, который чередуется с –Ғ. Примеры: УО. ман синдъ кол'д'исаң, то:натт'аннь кунджандъ тан н'ил'д'и сайл'а:ндосе пизал'л'е олдае путшосе "я тебя издалика увидел, пропадешь ты с такими глазами, и стал он /лебедь/ смеяться над бообром /XXXVI, 323/; иннем КыКас еще т'аптем кетку в'ес Кодамб'ил'е олдызат "мой брат хотел рассказать еще сказку, но все петь начали" /XXXVI, 446/; Сунг. тепнан опылат ертё Койерл'е ѳбырызатъ "его волосы рано сесть начали" /XIVII, 109/; СтС. ман уш те:л'д'ан ѳ:бърызәу шарл'е "я уже вчера начала носить /платье/ (УП, 57I); Саг. табъ Канджип наКыҒыт ч'аптерл'е КватәдджеҒа "он трубку выкурил и сказки начал рассказывать" /XIVII, 196/; мат сәлл'е КватәдджиҒап "я шить начала" /XIVII, 176/.

На основании рассмотренного материала мы можем сделать вывод о том, что аналитические конструкции с глаголом "начать" наряду с видовым значением исчерпанности этапа действия выражают в контексте действие, протекающее, в определенный момент времени, т.е. могут быть классифицированы как видо-временные конструкции. Аналитические конструкции с глаголом "начать" весьма употребительны в нарымских говорах селькупского языка. Синтетические формы встречаются редко. Мы

ограничимся лишь несколькими примерами, которые служат доказательством синонимичности этих двух форм. Начинательный вид выражается суффиксом -ель. Примеры: Саг. кала елл'е алч'а паналла кьоб'ел'икка Кычбаннан ч'урыл'е Кваталджит "чашка упала и сломалась. Ребенок испугался и плакать начал" /ХЛУП, 214/, кала елл'е алч'а паналла кьоб'ел'икка Кычбаннан ч'ур'ела "чашка упала и разбилась. Мальчик испугался и заплакал" /ХЛУП, 214/; над'ел'ика чвечонд'е ал'ча паркул'е Кваталджит "девочка упала на землю и кричать начала" /ХЛУП, 216/, окыр над'ел'ика чвечонд'е ал'ча паркв'ела "одна девочка на землю упала и закричала" /ХЛУП, 216/; Куп ма:т шер'еджа ка:д'ыд'е кьоб'ел'ика Ыт Коңна ед'е ч'урл'е Кваталджит "человек вошел в дом и сказал, что мальчик утонул, его мальчика отец начал плакать" /ХЛУП, 201/, Куп ма:т шер'еджа ка:д'ыд'е кьоб'ел'ика Ыт Коңна ед'е ч'ур'ела "человек в дом вошел и сказал, что мальчик утонул, отец его заплакал" /ХЛУП, 201/.

ANALYTISCHE KONSTRUKTIONEN MIT DEM VERB "BEGINNEN" IM SÖLKUPISCHEN

N. Wojewodina (Taganrog)

Z u s a m m e n f a s s u n g

In narymischen Mundarten des Sölkupischen gibt es vier Verben mit der Bedeutung "beginnen": олд'гу, ү: бьр'гу, Кват-тыгу, Кваталджигу. Wie aus unseren Forschungen hervorgeht, sind es Dialektenvarianten.

Mit diesen Verben werden im Sölkupischen analytische Konstruktionen gebildet. Sie bestehen aus dem Gerundium mit -le und dem Hilfsverb "beginnen". Diese Konstruktionen dienen zum Ausdruck der Kathégorie der Aktionsart, sie drücken nämlich den Beginn der Handlung aus. Jede Handlung aber verläuft in der Zeit. Im Kontext werden die Formanten, die die grammatische Zeit charakterisieren, an den Stamm des Hilfsverbs hinzugefügt, z.B.: СтС.ман уш те:л'д'ан ү: бьр'зау варле'е "я уже вчера начала носить /платье/"; Саг.мат сөлл'е Кваталджиап "я шить начала"; УО иннем КыКас ед'е т'аптем кетку в'ес Кодамб'ил'е олдизат "мой брат хотел ещё сказку рассказать, но все начали петь".

Zum Ausdruck des Beginns der Handlung gibt es auch synthetische Formen, jedoch werden sie weniger gebraucht als die analytischen.

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ГИПОТЕТИЧЕСКИХ САМОДИЙСКО-ЕНИСЕЙСКИХ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ

А. Кюннап (Тарту)

Следует отдать должное той поместине большой работе, которая проведена ныне покойным А.П. Дульзоном, выдавшимся исследователем и организатором исследования языков Сибири, и его томской лингвистической школой в области выявления исторических связей и типологических сходств между самодийскими и енисейскими языками. Достижения А.П. Дульзона и его учеников в этой области хорошо известны и представляют большой интерес для изучения истории и строя как самодийских, так и всех уральских языков. Однако нельзя не отметить, что при разысканиях в области самодийско-енисейских лингвистических параллелей не всегда учитывались данные сравнительно-исторического анализа самодийских языков. Специалисты по истории самодийских языков легко обнаружат подобные недочеты. Но многие лингвисты могут быть введены в заблуждение некоторыми публикациями последних лет, на основании которых создается впечатление, что самодийские и енисейские языки имеют довольно большое количество общих по происхождению морфологических элементов. Поэтому мы считаем необходимым пересмотреть ряд самодийско-енисейских, в частности селькупско-кетских, морфологических соответствий, которые предполагаются в этих публикациях. С целью экономии места мы будем вместо детального сравнительно-исторического анализа морфологических элементов самодийских языков ссылаться на работы, в которых проводится такой анализ или подытоживаются его результаты с реферированием точек зрения соответствующих исследователей.

Начнем с недавно вышедшего из печати текста доклада на III международном конгрессе финно-угроведов.¹

Исходя из селькупского окончания генитива -n, -t и предполагая в нем переход d > n, автор доклада сопоставляет самодийские окончания генитива с окончанием генитива -d, -t

¹ A. D u l s o n. Gemeinsame Kasusendungen in den samoje-
dischen und jenesischen Sprachen. - Congressus tertius
internationalis fennougristarum Tallinnae habitus 17.-
23. VIII 1970 I, Acta linguistica, Tallinn, 1975, стр.
723-725.

в кетском языке. Но хорошо известно, что вариант -t употребляется только в известных селькупских диалектах и является вторичным диалектным фонетическим вариантом первичного окончания -n, образовавшимся в результате позднего перехода -n > -t, ср. тот же переход, напр., в селькупском местном имени уральского происхождения nan > nat 'я'.²

Ю.А. Морев, изучая фонетику среднеобского (ласкинского) говора селькупского языка, пришел к выводу, что намечаемое в этом говоре чередование -n ~ -t является не диалектным или морфологическим чередованием, а фонетическим варьированием комбинаторной природы, так как -n выступает перед сонорными согласными, а -t — перед паузой и шумными согласными, напр., nan äñäðeräm 'я не люблю', но nat kigak 'я хочу'.³ Э.Г. Беккер толкует такую обстановку в рассматриваемом говоре в качестве фонетически обусловленной замены t-ового окончания генитива n-овым, напр., koruon ör < koruot ör 'медвежье сало'.⁴ Более древним следует здесь считать все же не -t, а -ni: об этом свидетельствуют данные всей уральской семьи языков.

Далее А.П. Дульзон считает, что селькупское окончание латива -nak, -nin возводится к форме -dan, -din и связывает его с енисейским окончанием датива -dan, -däna. Но селькупский язык не знает и никогда не знал подобного перехода -d > -n, не говоря уже о том, что селькупское окончание латива -nak, -nin происходит, несомненно, из самодийского послелога *nā(-).⁵

А.П. Дульзон пишет: "Die Endung des Aditivs kam. -do, -to enz. -ne, -de, -te, ngan. -d'a, -sa, söl. -nda, -nta, -dda, -dde kann man auf -n-ta zurückführen, wo -n Genitivformans

² См. А. J. J o k i. Über das Element n in der samojedischen Deklination. — FUF XXXIX, стр. 4–6.

³ Ю.А. М о р е в. Варианты со взрывными и гоморганными носовыми в среднеобском говоре селькупского языка. — В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973, стр. 51–53.

⁴ Э.Г. Б е к к е р. Употребление и функциональная направленность родительного падежа в селькупском языке. — В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков, стр. 54.

⁵ См. А. К u n n a r. System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion. Helsinki, 1971 (MSFOu 147), стр. 86–88, 91, 94–95.

ist und -ta das jen. Direktivsuffix repräsentiert" (стр. 723). Во-первых, нганасанское окончание -d'a (возможно и -sa) не является этимологическим соответствием других перечисленных самодийских окончаний, а происходит из самодийского послелога *iV(-), ср., напр., нган. (Кастрен) mada-jān 'домой' и jān 'für, wegen' (позже i > d'). Во-вторых, неясно, почему указанный компонент -ta должен обязательно представлять енисейский суффикс директива. Ведь он вполне убедительно объясняется и на самодийской почве: предполагаемые послеложные конструкции типа селькупской *utš-p te (генитив + послелог) слились в единую падежную форму латива utš-ndš (от utš 'рука'), ср. и селькупскую местоименно-наречную частицу to 'тот; туда'.⁶

Селькупское окончание аблатива -nan не может иметь по происхождению ничего общего с кетским -dan-al, как предполагает А.П. Дульзон: оно происходит из селькупского послелога na-.⁷

А.П. Дульзон пишет: "Im Sëlкупischen und Ketischen ist ferner der Destinativ identisch, vgl. sëlк. mad'at 'für mich', tatt'ät 'für dich' tebind'at 'für ihn' - ket. pe-dat 'für sich', tuntet 'für dies'" (стр. 723). Э.Г. Беккер также указывает на полное совпадение по способу образования и употребления селькупского "назначительного падежа" на -t'at, -t'it, -d'at, -d'it с назначительным падежом в кетском языке.⁸ Это действительно так, но несмотря на такую фонетическую и семантическую близость, указанные суффиксы имеют совсем различное происхождение. Окончание -dat, -dit, -data, -dita кетского назначительного падежа, указывающего, "для кого или чего выполняется действие, о ком или о чем (т.е. для кого, чего) ведется речь", входит органически в систему кетских падежных окончаний: притяжательный -da, -di,

⁶ См. А. К ü н н а р. System und Ursprung, стр. 110-117.

⁷ См. V. T a u l i. Structural Tendencies in Uralic Languages. The Hague, 1966 (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series 17), стр. 118; A.J. J o k i. Fragen der samojedischen Deklination. - Congressus tertius internationalis fenno-ugristarum. Tallinn, 17.-23. VIII 1970. Тезисы I /Tallinn, 1970/, стр. 177; А. К ü н н а р. System und Ursprung, стр. 86-89, 92-93, 99, 119.

⁸ Э.Г. Б е к к е р. К употреблению назначительно-превратительного и назначительного падежей в селькупском языке. - В сб.: Вопросы советского финно-угроведения. Языковедение. Саранск, 1972, стр. 57-58.

-i. дательный -dapa, -dipä, местно-личный -dant, -dint, исходный -dapał, -dipał, назначительный -dat, -dit, -data, -dita, орудно-совместный -daś.⁹ М.Н. Валл дает суффикс назначительного падежа в кетском языке в форме -dit, -dita, -ditn, -dat, -data, -datn, считая, что материально равнозначными элементами у родительного и назначительного падежей являются d, a и i.¹⁰ М.Н. Валл и Г.К. Вернер констатируют, что исследования последних лет доказали следующее: падежи енисейских языков образованы от абсолютного и родительного падежей с помощью послелогов.¹¹ Указанный же селькупский суффикс -d'at и т.д. - ср. и его вариант (Кузьмина) -čoti - образовался от общесамодийского послелога *ivt(V), ср. селькупские послелоги (Кастрен) t'at, t'ad, čad 'wegen, für, anstatt', t'ida 'про, вместо, против', čad 'против', t'ada 'вместо, для, про, против', (Прокофьев, Прокофьева) čati, čati, čoti 'для; против; вместо, на месте; за, о, ради; из-за, к, на, над, про, по'. Эти селькупские послелоги имеют этимологические соответствия и в других самодийских языках.¹²

Окончания инструментально-комитативно-инструктивного падежа сельк. -se, -sa и кам. -se можно считать соответствиями енисейского -as, -es лишь в том случае, если последний заимствован из самодийских языков или образовался в енисейских языках от инфинитивной формы вспомогательного глагола 'быть', как это произошло в самодийских языках.¹³ Нет никаких оснований считать указанные самодийские суффиксы метате-

⁹ А.П. Дульзон. Кетский язык. Томск, 1968, стр. 71, 86.

¹⁰ М.Н. Валл. Назначительный падеж в кетском языке. - В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков, стр. 31.

¹¹ М.Н. Валл, Г.К. Вернер. Об истоках падежной системы в енисейских языках. - В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков, стр. 29-30.

¹² А.Кюннап. Самодийские послелоги *ivt(V) и *iv- čuv VII, 1976, стр. 53-57.

¹³ См. А.Кюннап. Об инструментале южносамодийских языков. - Čuv VII 1971, стр. 205-217; иначе П. Хайду, см., напр. Р. Н а j d u. Uralistik und areale Sprachforschung. - Congressus tertius internationalis fenno-ugristarum Tallinnae habitus 17.-23.VIII 1970 I, стр. 98; ср. далее и Н.М. Терещенко. Синтаксис самодийских языков. Простое предложение. Л., 1973, стр. 280-281.

зой енисейского -aa, -ee, как это сделано в докладе на Всесоюзной конференции финно-угроведов в Йошкар-Оле.¹⁴

В этом же докладе А.П. Дульзон высказывает мнение, что селькупское окончание локатива -nan, как и нганасанское окончание локатива -n-tanu, близко к кетскому окончанию место-личного падежа -dan-t и связывается с окончанием кетского генитива *-dan. Это -nan, как и селькупское окончание аблатива -nan, на самом деле происходит из селькупского послелoga na- (см. выше). Далее автор утверждает, что все самодийские посессивные суффиксы разъясняются из енисейских. Однако это никак не соответствует действительности. Возьмем лишь один пример: посессивные суффиксы 2-го лица ед.ч. нен., эн. -r, нган. -rʔ, сельк. -lʔ, кам. -l, -lʔ А.П. Дульзон сопоставляет с кетскими -ku, -ki, -cu, -ci! Но очень интересным следует считать проводимое им сопоставление реконструированного самодийского посессивного суффикса 3-го лица ед.ч. *-tu с кетскими местоимениями tu-di 'эта', tu-da 'этот'.

Перейдем к третьей работе того же автора.¹⁵ Рассматривая ненецкое глагольное окончание 1-го лица ед.ч. -(d)u³, А.П. Дульзон возводит его к форме *-(d)uən, которую можно считать в принципе правильной.¹⁶ Но он необоснованно идентифицирует конечный элемент *-n этого суффикса с енисейским "классовым формантом" d и реконструирует самодийский суффикс *-uən в форме *-ba-d. Предполагаемый здесь переход -d > -n самодийским языкам не свойствен. Ничем нельзя доказать также предполагаемое им происхождение глагольных окончаний 2-го лица ед.ч. сельк. (сам.) *-nti из енисейского *ati ~ tid или *ta-d и нган. -n из праенисейского *qi-d (nq ~ qn < qad, qi-d). Эти личные глагольные окончания имеют совсем иное, исконно самодийское происхождение.¹⁷

¹⁴ А.П. Дульзон. Общность падежных аффиксов самодийских языков с енисейскими. - Вопросы финно-угроведения У. Йошкар-Ола, 1970, стр. 31-36.

¹⁵ A. Dulzon. Über die ursamojedischen Suffixe zur Bezeichnung der verbalen Person. - СФУ VIII, 1972, стр. 139-144.

¹⁶ Ср. A. Künnäp. Über eine samojedische Personalendung. - JSFOu 72, стр. 191-196.

¹⁷ См. A. Künnäp. Kamassi keele pöördelõpud. - Emakeele Seltsi Aastaraamat 18, 1972, стр. 215-234, особенно стр. 216, 223, 225; его же, Über eine samojedische Personalendung, стр. 195.

Нет также никаких оснований реконструировать селькупский показатель двойственного числа -q на конце глагольных форм 3-го лица дв. ч. (напр., ila-q 'они двое живут') в форме *-qi-n и считать его соответствием праенисейского *qi-d 'dieser, der Nahe' (> кетский kid). Указанный показатель дв. ч. -q является одним из фонетических вариантов селькупского показателя дв. ч. -pa, -pa, -pi, -pi, -pa, -pa, -ga, -ge, -g, -qi, -q, -k, -x и т.д., который берет свое начало от пресамодийской формы *-ka(j).¹⁸

Все сказанное нами выше нисколько не означает, что мы вообще отрицаем возможность наличия морфологических соответствий между самодийскими и енисейскими языками. Следует еще раз подчеркнуть, что выявление исторических связей и типологических сходств между этими языками представляет большой интерес для изучения истории не только самодийских, но и всех уральских языков. Путь к таким исследованиям проложен прежде всего А.П. Дульзоном. Мы с интересом ждем появления новых работ, посвященных вопросам самодийско-енисейских лингвистических соответствий и связей с учетом опыта и достижений самодийского языкознания.

¹⁸ См. А. К ü н н а р. *System und Ursprung*, стр. 24, 29-31; А. К ü н н а р. Показатели числа финитных глагольных форм и некоторые проблемы показателей двойственного числа в северносамодийских языках. - СФУ IX, 1973, стр. 296-298.

ZUR FRAGE EINIGER HYPOTHETISCHER SAMOJEDISCH-JENISSEISCHER MORPHOLOGISCHER ENTSPRECHUNGEN

A. Künnap (Tartu)

Z u s a m m e n f a s s u n g

Man muß die gebührende Würdigung dieser wirklich großen Arbeit geben, die von dem nun verstorbenen hervorragenden Forscher und Organisator der Forschung der sibirischen Sprachen Andreas Dulson und von seiner Tomsker linguistischen Schule auf dem Gebiet der Untersuchung historischer Beziehungen und typologischer Ähnlichkeiten zwischen samojedischen und jenisseischen Sprachen geleistet worden ist.

Dabei darf man nicht übersehen, daß bei der Forschung im Bereich der samojedisch-jenisseischen linguistischen Parallelen die Angaben der historisch-vergleichenden Analyse der samojedischen Sprachen nicht immer in Betracht gezogen worden sind. Im Artikel werden mehrere samojedisch-jenisseische morphologische Entsprechungen, die in einigen Veröffentlichungen letzter Jahre angenommen werden, einer Überprüfung unterzogen.

Das soll keineswegs bedeuten, daß der Verfasser des vorliegenden Artikels die Möglichkeit morphologischer Entsprechungen zwischen samojedischen und jenisseischen Sprachen völlig verneint. Doch muß man bei den Versuchen der Feststellung solcher Entsprechungen unbedingt die Erfahrungen und Errungenschaften der samojedischen Sprachwissenschaft berücksichtigen.

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ ФОНЕТИКИ САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Н.А. Морев (Томск)

Наша конференция "Финно-угорские языки и Восток" посвящена двадцатилетнему юбилею Кабинета востоковедения Тартуского государственного университета. Тартуский университет широко известен как один из признанных центров финно-угроведения и самоедологии; ученые, работавшие здесь ранее и работающие в настоящее время, внесли заметный вклад в лингвистическую науку своими исследованиями по финно-угорским и самодийским языкам. В истории любой отрасли науки на определенных этапах ее развития бывает нужным подвести итоги выполненных исследований, рассмотреть достижения в той или иной области и — на этой основе — наметить очередные задачи и направления дальнейшего поступательного движения вперед. Это тем более уместно сделать к юбилейной дате. Задачей данного сообщения как раз и является показ некоторых итогов развития финно-угроведения и самоедологии и, в связи с этим, выявление насущных проблем исследования фонетики самодийских языков. Все это представляется необходимым несмотря на то, что определенная часть предполагаемых для рассмотрения вопросов была недавно затронута в статье Н.М. Терещенко,^I одного из наших ведущих специалистов в области самоедологии.

К настоящему времени финно-угроведение усилиями отечественных и зарубежных исследователей стало развитой комплексной наукой, имеющей объектом своего изучения финно-угорские народы и их языки. В специальной литературе еще со времен М.А. Кастрена получили широкое освещение вопросы о связях финно-угорских языков с самодийскими. Более чем столетняя история исследования различных аспектов этих связей привела к тому, что теперь генетическое родство финно-угорских и самодийских языков считается всесторонне обоснованным и доказанным. Финно-угорские языки вместе с самодийскими образуют

^I Н.М. Терещенко. Основные проблемы изучения самодийских языков. — "Вопросы языкознания", 1975, № 1, стр. III-121.

семью уральских языков;² уральская семья является той научно вполне доказанной древнейшей языковой общностью, дальше которой еще не удалось проследить историю финно-угорских и самодийских языков. Попытки обнаружить родственные связи уральских языков с языками других семей (например, с индо-европейскими, алтайскими, енисейскими и др.), будучи довольно разрозненными, можно сказать, атомарными, пока еще не привели к абсолютно достоверным, надежным результатам.

В уральском языкознании, органическими частями которого является финно-угроведение и самоедология, вопросы финно-угристики разработаны неизмеримо полнее, чем вопросы строя самодийских языков, причем это относится абсолютно ко всем аспектам, и к фонетике, и к морфологии, и к синтаксису, и к лексикологии. Объяснение такого положения можно найти в целом ряде причин, часть которых имеет вполне объективный характер: например, исследование самодийских языков затруднялось прежде (а в определенной степени осложнено и теперь) значительной удаленностью территорий распространения этих языков от культурных и научных центров. Кроме того, было время, когда самоедология рассматривалась не как самостоятельная научная дисциплина с собственным объектом исследования, а как нечто подсобное для финно-угроведения. Теперь же положение меняется, самоедология становится самостоятельной отраслью уралистики, хотя ее связи с финно-угроведением не утратились, а только крепнут. С этим утверждением А.Кюннапа, высказанном в его докторской диссертации,³ нельзя не согласиться. Все же приходится с сожалением отмечать, что и теперь некоторые старые взгляды на место и роль самоедологии пересмотрены не полностью. Так, например, на заключительном заседании недавнего IV Международного конгресса финно-угроведов в Будапеште (9-15 сентября 1975 г.) поднимался вопрос о переименовании конгресса в конгресс уралистов, что больше отвечало бы его характеру и сущности. Тем не менее, в итоге

² Вопрос о включении или невключении юкагирского языка в уральскую семью остается открытым - см., например: Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974, стр. 48.

³ А.Ю. К ю н н а п. Склонение и спряжение в самодийских языках (сравнительно-исторический анализ первичных словоизменительных суффиксов). Автореферат докт. дисс. Тарту, 1974, стр. 4.

дискуссии было оставлено прежнее наименование — на том основании, что самоедология традиционно входит в финно-угроведение. Факт этот, может быть, и не столь уж значителен сам по себе, однако достаточно показателен.

Оставляя в стороне вопрос о том или ином статусе финно-угроведения и самоедологии, можно все-таки утверждать, что связи между ними очевидны и что особенно плодотворными эти связи могут быть в сфере сравнительного и сравнительно-исторического исследования.

Как известно, в сравнительно-исторических исследованиях решающий характер приобретают регулярные звуковые соответствия, проявляющиеся как в корневых, так и в аффиксальных морфемах сравниваемых языков или диалектов. Однако слабая изученность фонетики самодийских языков затрудняла ранее и затрудняет до сих пор сравнительно-исторические изыскания в области уральстики. К настоящему времени почти по всем финно-угорским языкам и их диалектам уже проведены достаточно основательные фонетические и фонологические исследования в плане синхронического описания и исторического развития, тогда как системное изучение фонетики и фонологии самодийских языков, можно сказать, только разворачивается. Отсюда вполне понятно, что до сих пор при реконструкции общеуральского языкового состояния различные исследователи вынуждены делать основной упор на финно-угорские лингвистические данные, а данные самодийских языков использовать весьма ограниченно, оставляя их как бы на втором плане. Так поступает, например, Б. Коллиндер в своей широко известной работе по сравнительной грамматике уральских языков.⁴ Между тем, уже один этот факт может привести к неточностям в наблюдениях и общих выводах, тем более, что зачастую привлекаемый самодийский материал отражает состояние не в целом языке, а лишь в каком-то одном из его диалектов, обычно более известном к этому времени.⁵

Не всегда удастся выйти за пределы традиционных финно-угорских представлений и тем исследователям, работы которых базируются на достаточно обширном и надежном самодийском

⁴ B. Collinder. Comparative Grammar of the Uralic Languages. Stockholm, 1960.

⁵ В отношении селькупского языка, например, можно видеть, что многие авторы (особенно начиная с Г.Н. Прокофьева) прямо или косвенно отождествляют тазовский диалект и селькупский язык в целом.

материале. Например, К. Доннер в своей основательной работе, посвященной аналаутным лабиальным спирантам и смычным в самодийских и уральских языках,⁶ несмотря на наличие селькупского *k* в ряду соответствий губным согласным других самодийских языков, реконструировал прасамод. *β, а не *kβ – вероятно, исходя из фактов финно-угорских языков. В принципе же здесь (по крайней мере, для прасамодийского) возможна другая реконструкция и другое развитие, аналогичное развитию лабиовелярных согласных в индо-европейских языках.⁷

Разумеется, теперь исследование фонетики самодийских языков разворачивается уже не на пустом месте. Предшествующие исследователи самодийских языков, в первую очередь М.А. Кастрен, К. Доннер, Г.Н. Прокофьев, оставили нам немало ценных частных наблюдений. В настоящее время одной из важнейших задач является возможно более полный охват научным исследованием различных ж и в х диалектов самодийских языков. Это позволит зафиксировать современный лингвистический материал для проверки и (в случае необходимости) корректировки данных, полученных ранними исследованиями, а также для последующей всесторонней обработки этого материала, в частности, с целью выявления и описания звукового строя и фонологической модели отдельных самодийских языков и диалектов. Как известно, такая работа начата и уже в течение ряда лет ведется в Томске и Новосибирске; исследованием охвачены селькупский, энецкий, нганасанский и ненецкий языки. За последние годы защищено две кандидатские диссертации по фонетике малоизвестных диалектов селькупского и ненецкого языков.⁸ Подготавливаются диссертационные работы по описанию систем гласных и согласных энецкого и нганасанского языков с применением методов инструментальной фонетики, собираются и обрабатываются материалы по различным говорам нарымского наречия селькупского языка; кафедра структурной и прикладной лингвистики Московского университета ведет сбор и всестороннюю об-

⁶ K. D o n n e r. Über die anlautenden labialen Spiranten und Verschlusslaute im Samojedischen und Uralischen. Helsinki, 1920 (MSFou XLIX).

⁷ Ю.А. Морев. К вопросу о развитии лабиализованных согласных в селькупском языке. – "Советское финно-угроведение" XI, 1975, № 2, стр. 131.

⁸ Ю.А. Морев. Звуковой строй среднеобского (ласкинского) говора селькупского языка. Томск, 1973; Я.Н. Попов а. Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка. Новосибирск, 1975.

работку материалов тазовского диалекта селькупского языка.⁹ Большой интерес к вопросам фонетики самодийских языков проявляют и зарубежные исследователи, прежде всего в Венгрии, Финляндии и ФРГ, хотя они и испытывают острый недостаток в современном лингвистическом материале. Достаточно сказать, что одна из важнейших работ, в которой наряду с другими рассматриваются и вопросы фонетики селькупского языка, базируется на материале более чем шестидесятилетней давности.¹⁰

В связи с развертыванием фонетических исследований по самодийским языкам представляется необходимым обратить особое внимание на выявление фонологических моделей этих языков и их диалектов. В своей программной статье "К описанию фонологии уральских языков" Т.-Р. Вийтсо дает следующую оценку сложившемуся положению: "Что касается уралистики, в том числе финно-угроведения, то здесь вообще никогда не обращалось должного внимания на фонологию. ... Фонология большинства весьма важных для уралистики диалектов, языков и даже языковых групп (пермской, например) и в классическом смысле слова пока почти совершенно не подвергалась исследованию, если не считать тех работ, в которых термин *з в у к* просто заменен термином *ф о н е м а* как более "современным". Положения не спасают и пространные рассуждения в таких работах о фонематических и смыслоразличительных функциях и т.п., подчас сбивающие с толку даже настоящих фонологов. Поэтому нет особого смысла говорить о том, что у нас уже есть. Наоборот, надо говорить о том, что нам необходимо: о том, как не имея специальной подготовки по фонологии исследователь смог бы дать вполне удовлетворительное описание фонологии какого-либо диалекта".¹¹ Полностью разделяя точку зрения Т.-Р. Вийтсо на методику выполнения фонологического описания и не имея возможности подробно останавливаться на отдельных конкретных вопросах, отмечу только, что, на мой взгляд, последовательное выполнение программы, предложенной Т.-Р. Вийтсо, значительно упростило бы и к тому же унифицировало воз-

⁹ О начале этой работы см.: А.И. Кузнецова. Экспедиция к тазовским селькупам. - "Вестник Московского университета. Серия Х. Филология", 1971, № 3, стр. 75-77.

¹⁰ Н. К а т з. Selcupica I. Materialien vom Tjum. München, 1975.

¹¹ "Советское финно-угроведение" IX, 1973, № I, стр. 57.

возможные фонологические описания самодийских языков и диалектов, что в перспективе облегчило бы их сравнительный анализ.

Здесь кажется вполне уместным в очередной раз¹² привлечь внимание исследователей к проблеме унификации транскрипции, применяемой для описания звукового состава самодийских языков. По причинам объективным, связанным преимущественно с техническими (типографскими) трудностями, а также и субъективным, в самодологии употребляются самые различные транскрипционные системы: при публикации работ представителей Томской школы в местных изданиях используется транскрипция, разработанная на основе русской графики с добавлением ряда знаков; в Новосибирске применяют универсальную унифицированную фонетическую транскрипцию (УУФТ) В.М. Наделяева;¹³ другие исследователи у нас и за рубежом пользуются различными вариантами финно-угорской транскрипции (ФУТ).¹⁴ Таким образом, любому исследователю при знакомстве с работами, изданными на разной транскрипционной основе, приходится сталкиваться с определенными трудностями, которые порою приводят даже к неадекватной интерпретации того или иного языкового факта. Представляется совершенно необходимым перейти на единую для всех самодологов транскрипцию (вероятно, это должна быть достаточно апробированная в уралистике ФУТ), или же — для первого этапа, поскольку типографские трудности не снимаются — разработать и распространить таблицы соответствий разных транскрипционных систем. Равным образом, настоятельно необходима и разработка единообразной фонологической транскрипции для самодийских языков.

Современные фонетические исследования необходимо предполагают применение методов экспериментальной фонетики. С помощью этих методов уточняются полученные традиционным аудиовизуальным методом артикуляционные и акустические характеристики звуков, их качественные и количественные определения.

¹² Ср.: Н.М. Терещенко. Указ. соч., стр. 120-121.

¹³ В.М. Наделяев. Проект фонетической транскрипции (УФТ). М.-Л., 1960.

¹⁴ E.N. Setälä. Über die Transkription der finnisch-ugrischen Sprachen. Historik und Vorschläge. — "Finnisch-ugrische Forschungen", Band I, 1901; К. Вендэ. Финно-угорская транскрипция. Таллин, 1967.

Методы экспериментальной фонетики дают возможность и более точного описания таких явлений речи, как ударение и интонация. В финно-угроведении накоплен уже достаточно большой опыт применения методов экспериментальной фонетики, самоедология здесь пока значительно отстает. Однако уже в настоящее время в этом направлении имеются хорошие перспективы, поскольку в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований ИКИФ СО АН СССР в Новосибирске под руководством известного фонетиста В.М. Наделяева начато основательное исследование фонетики энецкого и нганасанского языков, в меньшей пока степени анализируются также данные селькупского и ненецкого языков. Думается, что в самом ближайшем будущем самоедология сможет получить на этой основе объективное решение ряда некоторых пока что неясных и спорных вопросов, например, относительно природы гортанного смывного в северно-самодийских языках или же характера долготы в селькупском.

Любое качественное описание каких-то явлений (в том числе и лингвистических) должно включать и их достаточно строгую количественную оценку. В этом направлении в финно-угроведении и самоедологии сделано пока совсем немного. Отсюда настоятельно необходимым, на мой взгляд, становится широкое введение в практику фонетических исследований по самодийским языкам и методов статистического анализа, причем с использованием аппарата вероятностей статистики. Применение методики вероятностно-статистического анализа даст возможность максимально объективизировать фонетическое или фонологическое описание, избавить его от таких далеко несовершенных, но широко употребляемых количественных оценок, как "часто", "редко", "больше", "меньше", "иногда", и т.п.

На основе описательных работ по фонетике самодийских языков, выполняющихся с применением методов экспериментальной фонетики и статистического анализа, далее могут проводиться исследования в плане сравнения звуковых систем различных самодийских языков. Итогом подобного рода исследований можно видеть создание сравнительной фонетики самодийских языков.

Значительные трудности ожидают исследователей в области исторической фонетики самодийских языков.¹⁵ Главное препят-

¹⁵ Несмотря на наличие ряда работ, в которых с большей или меньшей полнотой рассматриваются отдельные вопросы ис-

стве здесь — отсутствие каких-либо оригинальных письменных памятников. Кроме того, более или менее систематическая письменная фиксация этих языков, хотя и далекая от совершенства, началась лишь около двух веков назад. Относительно более древних состояний самодийских языков можно делать только гипотетическое заключение. Исходя из этого, для достаточно адекватного исторического освещения фактов фонетики самодийских языков представляется необходимым: а) широкое применение метода внутренней реконструкции, что в свою очередь, предполагает исчерпывающее познание диалектной фонетики; б) тщательный анализ заимствований в самодийские языки из родственных и неродственных языков и, наоборот, из самодийских языков в другие языки; в) фонетический анализ этнонимов и топонимов той территории, на которой проживают или когда-то проживали носители самодийских языков; г) опора на достижения в разработке исторической фонетики финно-угорских языков. Координированные усилия в этом направлении наших и зарубежных ученых могли бы, по всей вероятности, уже в относительно недалеком будущем достичь позитивных результатов.

Итак, снова приходится возвращаться к вопросу о взаимосвязи исследований по финно-угорским и самодийским языкам. Вполне очевидно, что данные сравнительно-исторической фонетики самодийских языков будут представлять интерес и являться важными и значительными не столько сами по себе, сколько по их вкладу в общую уралистику, в которой пока остается еще достаточно много спорных и нерешенных вопросов. Кроме того, данные самодийской фонетики будут, несомненно, полезными и для общего языкознания.

Практика современных лингвистических исследований показывает, что глубоко прав был один из крупнейших советских языковедов Л.В. Щерба, почти сорок лет назад предполагавший следующее: "Исследование именно "малых" и бесписьменных языков, которое стало не только возможным, но оказалось и задачей первоочередной важности в условиях нашего социалистического строительства, даст и уже дает могучий толчок развитию языкознания. В свете этого исследования, возможно, многие явления языков с большой историей, оставшиеся неясными,

---

исторического развития звуков самодийских языков, в настоящее время едва ли возможно говорить о существовании исторической фонетики самодийских языков как таковой — ее создание представляется все-таки делом будущего.

получат свое истолкование. Возможно, что некоторые вещи, казавшиеся в старом языковедении несомненными, получат в новой лингвистике новое освещение".¹⁶ Эти мысли Л.В. Щербы и для нашего времени остаются вполне актуальными.

FENNO-UGRIC STUDIES AND PHONETICAL INVESTIGATIONS OF THE SAMOYED LANGUAGES

Y. Morev (Tomsk)

S u m m a r y

It is a well-known fact that the phonetics of the Samoyed languages still remains but poorly investigated. The article deals with certain results obtained in the field of Fenno-ugric and Samoyedic studies and points out some urgent needs of phonetical investigations of the Samoyed languages. A program is presented which should yield, in the author's opinion, a considerable progress in the sphere of the Samoyedic phonetics. The program suggests:

1) collecting new linguistic data from all the Samoyedic dialects still preserved as a means of communication; this should be carried out in the nearest future;

2) phonetical and phonological descriptions based on the new material as a reflection of the contemporary state of the Samoyed dialects; these should involve modern methods: experimental investigations and statistical analysis;

3) comparative phonetical research of the Samoyed languages and their dialects which should be done on the basis of profound knowledge of their descriptive phonetics;

4) historical investigations of the Samoyedic phonetics which should be based upon: a) internal reconstruction; b) studies of all types of borrowings; c) studies of ethnonyms and place-names; d) achievements of Fenno-ugric historical phonetics.

The author sticks to the opinion that the present and future progress in the Samoyedic phonetics will be of great use not only for the Uralic studies, but for general linguistics as well.

---

¹⁶ Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, стр. 412.

ЕЩЕ РАЗ О ЯМАНТАКЕ

Л. МЯЛЬ (Тарту)

Это исследование было начато с целью найти ответ на один из вопросов, который и формально и по содержанию принадлежит к числу вопросов, волнующих европейскую науку, — "что было раньше?".¹ В данном случае вопрос гласит: "Что было раньше, антропоморфный символ² Ямантака или тибетская легенда, излагающая миф о происхождении божества Ямантаки?"³

Легенда такова.

В одной пещере жил долгое время некий аскет. Он должен был там созерцать ровно пятьдесят лет, чтобы войти в нирвану. До нирваны оставался лишь один день, когда в пещеру вошли два разбойника.

С собой они тащили ворованного быка, которого сразу убили, отрезали ему голову. Но когда они заметили аскета, то решили и его убить, так как тот оказался свидетелем их преступления. Несмотря на просьбы аскета, они отрубили ему голову. Но аскет уже был наделен некоторыми сверхъестественными силами. Он поставил на свои плечи бычью голову и превратился в страшное божество Яму. Яма убил обоих разбойников и выпил их кровь. Так он потерял всякую надежду попасть в нирвану. В ярости он угрожал опустошить весь Тибет. Тибетцы призвали на помощь бодхисаттву Маньджумри, который принял устрашающий облик (тоже имеющий бычью голову) Ямантаки и загнал Яму в подземную обитель.⁴

¹ Человеку, воспитанному в рамках традиционной буддийской культуры, сама постановка такого рода вопросов может показаться, мягко говоря, бессмыслицей, не говоря уже о различных ответах.

² "Бог" или "божество" далеко не всегда можно считать удачными эквивалентами санскритских слов "deva" и "devatā" или тибетского "lha", особенно в случаях, когда эти являются терминами описания особой созерцательной практики bhāvana, переведенной проф. Гинтером удачно как "созидательное воображение" (creative imagination).

³ Здесь понятие "бог" (божество) на своем месте, так как мы имеем дело с мифологическим образом.

⁴ Впервые европейская наука ознакомилась с этой легендой, по-видимому, по книге Пандера (Pander E., Das Pantheon des Tschangtscha Hutuktu. Berlin, 1890, S. 61.).

Антропоморфный символ Ямантака (Yamāntaka - Покончивший с Ямой) имеет несколько модификаций, которые отличаются друг от друга названием (напр. Yamāntaka, Kṛṣṇayamāri, Rakṭasamāri, Yamāri, Vajrabhairava), количеством голов (1, 3 или 9), рук (2, 6, 14 или 34) и ног (2 или 16), вещественными символами в руках и некоторыми другими признаками. Всех Ямантак объединяет принадлежность к одной и той же семье (kula) будд и идентичные основные мантры: om yamāntaka hum и om hrīh strīh vikṛtānana hum hum phat phat svāha. Наиболее сложный Ямантака, который, по-видимому, связан с вышеизложенной легендой - это Ваджрабхайрава, имевший 9 голов, 34 руки и 16 ног.

Вопрос, на который требуется ответить, мы попытались сформулировать предельно точно, ясно определив два уровня (соответствующие двум разным типам мышления - медитативному и мифологическому), в структурах которых Ямантака имеет совершенно разные функции. Если не выделять этих двух уровней, то наш вопрос можно задать в более упрощенной форме: "Что было раньше, образ Ямантаки, изображенный на танках (иконах) или тибетская легенда о происхождении божества Ямантаки?"

Кажется, что именно в этой форме вопрос был недавно поднят ленинградскими учеными Л.Н. Гумилевым и Б.И. Кузнецовым,⁵ которые предложили и однозначный ответ - легенда была раньше.⁶ По их мнению, эта легенда возникла как своего рода отражение реальных политических событий, которые происходили во время царствования Ти-сон-дэ-цена (Khrī-srong-lde-brtsan), т.е. в начале IX века, а впоследствии в целях пропаганды буддизма среди безграмотных тибетцев мифологический образ, а то и миф в целом, был изображен как пиктограмма.⁷ Поскольку этот миф возник в Тибете, то, по мнению Гумилева и Кузнецова, не может быть и речи об индийском происхождении Ямантаки.⁸

⁵ Л.Н. Гумилев, Б.И. Кузнецов. Опыт разбора тибетской пиктографии. - "Декоративное искусство в СССР". 1972, № 5, стр. 26-34. (См. также Л.Н. Гумилев. Старобурятская живопись. М., 1975, стр. 26-34).

⁶ Л.Н. Гумилев, Б.И. Кузнецов, ук. соч., стр. 26: В основе образов Ямы и Ямантаки лежит миф. Некогда был отшельник...

⁷ Там же, стр. 27.

⁸ Там же.

К сожалению, конструируя эту весьма интересную и остроумную схему, Л.Н. Гумилев и Б.И. Кузнецов не обратили внимание на ряд фактов, которые позволяют дать на интересующий нас вопрос совершенно противоположный ответ. Начнем хотя бы с того, что все названия антропоморфных символов, принадлежащих к группе Ямантаки (т.е. Ямантака, Ваджрабхайрава и т.д.) – санскритские. Правда, все они имеют тибетские соответствия⁹, но так же обстоит дело и почти со всеми индийскими именами и названиями, которые встречаются в буддийских текстах. С другой стороны, антропоморфные символы или мифологические образы, которые были созданы или возникли в Тибете, имеют только тибетские названия.¹⁰

Ямантаку можно найти во многих санскритских текстах, индийское происхождение которых не вызывает сомнения:

I) Не позднее XII в. был создан "Садханамала",¹¹ сборник, содержащий 312 садхан, т.е. руководств медитаций над антропоморфными символами. Ямантаке посвящены в "Садханамале" садханы № 279 и 280¹², Кришнаямари – садханы № 274-278¹³, Рактаямари – садханы № 268-272¹⁴. Кроме того, имя Ямантаки встречается и в некоторых других садханах¹⁵, один раз встречается и имя Ваджрабхайравы¹⁶.

2) К более древнему периоду принадлежит "Маньджушримула-кальпа", по-видимому, самое объемистое сочинение литературы

⁹ Yamāntaka - gsin-rje-gsed
Kṛṣṇayāmāri - gsin-rje-gsed nag-po
Raktayāmāri - gsin-rje-gsed dmar-po

¹⁰ На индийское происхождение Ямантаки указывает и то обстоятельство, что одним из его соответствий на китайском языке служит фонетическая транскрипция 唵 曼 德 迦 (Янь мань да цзя).

¹¹ Sādhana-māla, ed. by B.Bhattacharya, Vols. I-II, Baroda 1925-8.

¹² Ук. соч. Vol.II, pp. 555-558.

¹³ Ук. соч. Vol.II, pp. 542-554.

¹⁴ Ук. соч. Vol.II, pp. 528-541.

¹⁵ Ук. соч. Vol.I, pp. 107, 109, 137, 255 etc.

¹⁶ Ук. соч. Vol.II, p. 598.

Ваджраяны.¹⁷ Из 55 глав "Маньджусримулакальпы" 3 главы посвящены Ямантаке¹⁸, связь Ямантаки с бодхисаттвой Маньджусри можно заметить и на других страницах этого произведения.¹⁹

3) По-видимому, одним из самых древних произведений ваджраяны можно считать "Гухясамадхатантру",²⁰ где неоднократно встречается имя Ямантаки.²¹

Во всех названных индийских произведениях Ямантака выступает не как мифологический образ, а именно как антропоморфный символ медитативного мышления.²²

Думается, что вышесказанное достаточно ясно доказывает индийское происхождение Ямантаки и позволяет сформулировать ответ на вопрос, поднятый в начале статьи: "Антропоморфный символ Ямантака был раньше, чем тибетская легенда, излагающая миф о происхождении божества Ямантаки".

Таким образом, мы имеем два противоположных ответа на один и тот же вопрос. Думается, что причина этого не только в разном использованном материале. Л.Н. Гумилев и Б.И. Кузнецов считали миф основой образа Ямантаки. Не предопределен ли такой подход широко распространенными среди ученых идеа-

¹⁷ Mañjuśrīmūlakalpa, ed. by P.L. Vaidya, Darbhanga, 1964. (=Buddhist Sanskrit Texts, Vol. 18). До этого "Маньджусримулакальпа" была издана в 1920-1925 гг. в "Trivandrum Sanskrit Series". Мнения относительно даты "Маньджусримулакальпы" расходятся. Уордер, например, считает этой датой начало VIII века (Warder A.K., Indian Buddhism, Delhi 1970, p. 525), с другой стороны, "The Cultural Heritage of India" отодвигает эту дату до III века (см. Vol. I, Calcutta, 1958, p. 525).

¹⁸ Главн 49, 50 и 51.

¹⁹ bhagavato mañjuśrīyasya mahākrodharājā yamāntake... (Mañjuśrīmūlakalpa, p. 15.). По меньшей мере один раз встречается в "Маньджусримулакальпе" и Ваджрасхайрава (Там же, p. 10).

²⁰ Guhyasamājatantra, ed. by B. Bhattacharya, Baroda 1931. Эта тантра возникла, по-видимому, в III-IV вв. (см. Wayman A., The Buddhist Tantras, London 1974, p. 19.)

²¹ Там же, p. 65, 70, 74, 76.

²² Ямантака выступает как антропоморфный символ и в основных тантрах, связанных с Ямантакой, таких как "Кришная-мари-тантра" и "Ваджрасхайрава-тантра", санскритские рукописи которых обнаружены в Индии и в Тибете (см. Bhattacharya D.Ch., Tantric Buddhist Iconographic Sources. Delhi 1974, pp. 49-51.)

ми о первичности мифологического мышления относительно других типов мышления? В случае Ямантаки по нашему мнению налицо как раз противоположное — миф возник на основе антропоморфного символа, т.е. медитативное мышление предшествовало мифологическому.²³ Но поскольку антропоморфные символы создавались сознательно в рамках вполне научной (буддийской) психологии, то мы можем утверждать, что в данном случае научное мышление предшествовало мифологическому.

ONCE MORE ABOUT YAMĀNTAKA

L. Mēll (Tartu)

S u m m a r y

Recently L. Gumilev and B. Kuznetsov asserted creation of the image of Yamāntaka on the basis of a Tibetan myth, depicting the political events in Tibet in the reign of King Trisong Detsen (at the beginning of the ninth century). In India Yamāntaka was unknown. The present article shows all the modifications of Yamāntaka (including Vajrabhairava) as already known in India at the latest in the beginning of the eighth century. Like the other antropomorphic symbols, Yamāntaka was foreseen for creative imagination (bhāvana) and taken over with other symbols by the Tibetans from India.

---

²³ Вряд ли можно "созидательное воображение" (разновидность медитативного мышления) считать мифологическим мышлением, так как последнее предполагает реальное существование т.н. мифологических образов, которые могут влиять на ход событий во внешнем мире. При медитации, с другой стороны, знают, что антропоморфные символы реально не существуют, хотя они и могут оказать вполне осязаемое влияние на психику созерцающего.

ВЗГЛЯДЫ акад. Ф.И. ВИДЕМАНА и проф. М.П. ВЕСКЕ
НА УРАЛО-АЛТАЙСКУЮ ПРОБЛЕМУ

Д.М. Насимов (Ленинград)

В секторе алтайских языков Ленинградского отделения института языкознания АН СССР уже более десяти лет (с 1965 г.) разрабатываются проблемы алтайской языковой общности, рассматриваемые на лексическом, морфологическом и фонетическом материале. Опубликован коллективный труд "Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков" (Л., 1972), находится в печати сборник "Очерки сравнительной морфологии алтайских языков", в 1975 г. закончена работа над "Очерками сравнительно-исторической морфологии алтайских языков", идет работа и над фонетическим томом. Предполагается, что эти исследования станут фундаментом для создания в будущем сравнительной грамматики алтайских языков. Основные группы языков, которые привлекаются для изучения в алтайском секторе, — тюркские, тунгусо-маньчжурские и монгольские языки, отчасти корейский. В этом объеме и употребляется далее термин "алтайские языки". Указанные группы языков сопоставлял и Г. Рамстедт, основоположник современной алтаистики.

Ныне алтаистика развилась во вполне самостоятельную отрасль общего сравнительно-исторического языкознания, занимая в нем свое место наряду с такими разделами, как индоевропеистика, семитология, африканистика, финно-угроведение и т.п. Так ее и определял Г. Рамстедт, формулируя задачи алтаистических исследований: "Алтайское языкознание есть ветвь общего сравнительного языкознания. Его собственная область — исследование, объяснение и описание законов, которые могут быть установлены в алтайской языковой семье. Естественно, что при этом следует исходить из того, что эти самые законы психологического и фонетического развития одинаковы с законами общего языкознания. Еще одна предпосылка состоит в том, что эти языки, а также и говорящие на них народы в самом деле "родственны" между собой. Приходится предполагать, хотя это невозможно доказать, что народы, которые говорили или продолжают говорить на каком-либо алтайском языке, являются потомками одного племени. Однако нужно определенно признать тот факт, что из словарного состава и грамматического строя языка

какой-то этнической группы унаследовано так много, что и теперь ее представители, даже наиболее отдаленные и находящиеся на крайних точках по диагонали, близка друг другу. Именно подобный общий языковой материал интересен для нас как "празник" (Uragache) и должен стать предметом нашего исследования".¹

Алтаистика как научная отрасль сложилась задолго до появления трудов Рамштедта. В первое время ученые, занимавшиеся данными проблемами, стремились выявить и обосновать родство языков, ныне называемых алтайскими, и языков уральских, к которым относят угро-финские и самодийские. Заметим, что родство алтайских (или, в прежней терминологии, тартарских, татарских, туранских и т.п.) языков часто принималось тогда как нечто данное, и только, пожалуй, именно в работах Рамштедта был поставлен со всей очевидностью вопрос о необходимости комплексного доказательства родства языков прежде всего внутри алтайской языковой общности.

В последнее время в связи с успехами во многих частных отраслях сравнительно-исторического языкознания ставится проблема о более широком (далеком) родстве не только между уральскими и алтайскими языками (урало-алтайская языковая общность), но и между урало-алтайскими, индоевропейскими, семитохамитскими и другими большими семьями языков (так называемая ностратическая гипотеза в различных ее вариантах).²

Развитие алтаистики неразрывно связано с развитием всей языковедческой науки и в первую очередь с успехами сравнительно-исторического языкознания, ставшего основой подлинно исторического изучения языков, проникновения в далекое их прошлое и научного доказательства их родственных отношений на основе конкретной методики. Осознанное применение сравнительно-исторической методики к алтайскому материалу поставило и перед алтаистами задачу обоснования на базе такой же конкретной методики правомерности объединения тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских (и других) языков в алтайскую семью. Именно с этого периода и можно говорить о зарождении современной алтаистики как отрасли сравнительно-исторического языкознания.

Принимая высказанные выше положения, можно признать, что до первой четверти XIX в., то есть до распространения сравнительно-исторического метода в языкознании, алтаистики как таковой не существовало. Однако если с позиций современного

языкознания тот ранний этап следует оценивать как "донаучный", а большинство работ того времени считать представляющими ныне лишь исторический интерес, то фактически именно в этот период формировались основные направления алтаистики и были определены важнейшие ее проблемы, которые рассматриваются и теперь, но в ряде случаев по-новому. Этот ранний этап характеризуется также интенсивным накоплением и освоением новых лингвистических фактов, и заслуги многих ученых определяются как раз тем, что они в своих исследованиях приводили и осмысливали эти новые факты.

Становление алтайской теории, то есть системы взглядов на отношения между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками как языками, объединяемыми общностью происхождения, а также и урало-алтайской теории, согласно которой родственными считают не только указанные семьи языков, но и кроме того угро-финские и самодийские языки, связано с именами нескольких ученых, чьи работы появились в середине XIX в.³ Как уже указывалось, в тот период алтайская теория была неразрывно связана с урало-алтайской, причем нередко большее внимание уделялось установлению связей между уральскими и алтайскими языками, чем доказательству родства внутри этих двух групп языков. Уже в этот период намечаются и попытки еще более расширить число членов алтайской (~ урало-алтайской) семьи за счет включения, прежде всего, японского языка, а также и языков других семей.

К проблеме взаимоотношения урало-алтайских языков тогда же наметились два подхода - генетический и типологический, причем последний был представлен в двух разновидностях: типологические сходения в языках рассматривались либо как свидетельства их родства, либо как случайные совпадения, облегчающие межъязыковые заимствования. Для целого поколения ученых типологическое сходство между урало-алтайскими языками представлялось решающим и достаточным для рассуждений о родственных связях между этими языками.

Таким образом, в истории развития собственно алтаистики имеется заметный вклад и ученых - финно-угроведов, в том числе и представителей эстонской лингвистической мысли.

Сторонником типологического подхода к оценке взаимоотношений между урало-алтайскими языками являлся эстонский ученый академик Фердинанд Йоганн Видеман (Ferdinand Johann Wiedemann, 1805-1887) научная деятельность которого связана,

по определению чл.-корр. АН СССР Д.В. Бубриха, со вторым этапом становления урало-алтаистики.⁴

Сравнение строя чуждых, то есть финно-угорских, языков со строем монгольских, татарских (тюркских) языков и маньчжурского языка показывает, как писал Ф.И. Видеман, древнее и глубокое родство между ними, причем особенности строя отличают эти языки от других языков Европы. Ф.И. Видеман считал, что следует проводить сравнение именно грамматического строя, поскольку лексика может легко заимствоваться из разных языков. И если между некоторыми языками находится определенное количество сходных конституирующих черт грамматического строя, то они не могут быть перенесены из одного языка в другой, и эта общность безусловно говорит о "первоначальном родстве" всех данных языков, которое еще может подкрепляться и лексическими совпадениями.⁵ Таких основных черт, общих для финно-угорских и алтайских языков, Ф.И. Видеман устанавливал пятнадцать.

Это, действительно, существенные характеристики грамматического строя агглютинирующих языков, каковыми являются урало-алтайские языки. Такие черты можно определить как типологические признаки языков:

I. Гармония гласных звуков, представленная рядами "твердых" и "мягких" звуков.

2. Отсутствие грамматического рода.

3. Выражение неопределенности у имен с помощью числительного "один".

4. Универсальность парадигмы склонения у имен и местоимений в обоих числах.

5. Универсальность парадигмы спряжения. Постпозиция показателей лица.

6. Наличие категории принадлежности, выражаемой показателями, которые восходят к личным местоимениям.

7. Основа глагола соответствует форме 2 л. повелительного наклонения.

8. Тяготение глагола-сказуемого к концу предложения.

9. Позиция управляемого слова впереди управляющего.

10. Употребление формы единственного числа имени после количественного числительного.

II. Структура сравнительного оборота с аблативом.

12. Отсутствие глагола "иметь".

13. Наличие негативного глагола (в тюркских языках, где такого глагола нет, — аномалия).

14. Наличие специальной частицы вопроса.

15. Наличие бессюжных развернутых синтаксических структур на основе глагольных форм (причастий и деепричастий).

Из сопоставления языков по таким признакам Ф.И. Видеман сделал вывод о том, что в языках "азиатских народов" указанные грамматические совпадения, по-видимому, не случайны, а отражают "единый способ мышления" у этих народов, что в эту же группу языков следует включить языки и "чудские" (финно-угорские) и что все эти народы происходят "из одного племени", жившего некогда компактно, а наблюдаемые расовые различия возникли позднее в результате постоянных смещений между разными народами.⁶ Таким образом, общность указанных конституирующих черт грамматического строя "чудских", "татарских", монгольских языков, а также маньчжурского доказывает, с точки зрения Ф.И. Видемана, их древнее и глубокое родство.

В этот период окад. Ф.И. Видеман был не одинок в своих взглядах на проблему родства урало-алтайских языков, объясняемого через типологические схождения. Можно также указать на работу Г. Чельгрена (Кельгрена), где автор основное внимание сосредоточивал на сравнении "внутренних законов" финского языка с венгерским, маньчжурским, тюркскими и монгольскими языками, ибо через общность этих "законов" древнее родство упомянутых языков доказывается не только яснее и нагляднее, но и более "короткой дорогой".⁷ В фонетике Г. Чельгрэн кратко характеризовал гармонию звуков, их длительность, ударение, ритмику слогов; в морфологии — имена существительные и их склонение, прилагательные, местоимения, глагол, выражение в данных языках множественности и сами показатели plurality. Г. Чельгрэн придерживался взгляда, что разделение этих языков произошло очень давно, когда грамматика была вообще слабо развита и бедна формами, и уже каждый язык формировал грамматику самостоятельно лишь на основе унаследованных общих закономерностей, почему в языках так мало общих форм и так трудно их восстанавливать.⁸

Идеи Ф.И. Видемана, высказанные им в 1838 г., находили и позже своих сторонников среди востоковедов. В Эстонии их развивал также Карл Август Херман (К.А. Hermann), преподававший в Дерптском университете ряд востоковедческих дисциплин в 1889-1909 гг. Личность этого ученого, а также характеристика

его научных взглядов и содержание его исследований известны теперь из интересных трудов П.П. Нурмекунда по истории вос-токоведения в Тартуском университете.⁹ К.А. Херман читал курс сравнительной грамматики маньчжурского и тунгусского языков с другими урало-алтайскими языками (венгерским, финским, эстонским, мордовским и др.) и преподавал грамматику турецкого языка и эстонского также в сравнении с угро-алтайскими языками. Идея сравнения различных языков он развивал и в представленных им "Ученому эстонскому обществу" в 1881-1894 гг. докладах, где он сопоставлял маньчжурский язык с эстонским и финским, тунгусский язык с финским и эстонским, турецкий - с финским, китайский язык с финно-угорскими и т.д.

Как отмечает П.П. Нурмекунд, та часть работ К.А. Хермана, "в которой автор сравнивает грамматическую структуру упомянутых языков с типологической точки зрения, совершенно безупречна ... Что же касается сравнительно-исторической части исследования, то она, конечно, во многом несостоятельна".¹⁰ Действительно, К.А. Херман стремился обосновать принадлежность китайского, японского, корейского, маньчжурского, тунгусского, монгольского, турецкого, шумерского и финского языков к урало-алтайской семье языков, опираясь только на их типологические характеристики. При этом он обращал внимание на структуру слова и слога в этих языках, рассматривал распределение в них гласных и согласных звуков, описывал особенности использования служебных слов, искал родственные корни.¹¹ Как видно, К.А. Херман указывал на такие признаки языков, которые во многом совпадают с "конституирующими грамматическими признаками", выделенными Ф.И. Виденманом почти полувеком прежде.

Конечно, подобному подходу к решению проблемы родства языков определенный толчок был дан господствовавшими в то время теориями об общей структуре языка. Между тем, сказанное вовсе не означает, что в алтаистике середины XIX в. не было никакого прогресса в освоении методов сравнительно-исторического языкознания. Шло накопление материалов, последние активно вовлекались в научный оборот, было сделано много типологических наблюдений, наконец, применение сравнительно-исторической методики давало все же свои положительные результаты: были установлены некоторые морфологические и лексические параллели, отдельные фонетические закономерности, которые могли в последующем уточняться и подтверждаться, на-

чали вырисовываться контуры первых сравнительно-исторических собственно алтаистических штудий, продвигалась и разработка теоретических вопросов. Первые заметные успехи в этом направлении связаны, как известно, с именем немецкого ориенталиста-синалога Вильгельма Шотта (1802-1889), занимавшегося более пятидесяти лет урало-алтайскими языками.

Научная деятельность проф. Михаила Петровича Веске (Michael Weske, 1843-1890) связана уже с новым этапом развития финно-угроведения, когда наметилось решительное сближение методов исследования финно-угорских языков со строгими методами сравнительно-исторического индоевропейского языкознания.¹² Нельзя не отметить, что М.П. Веске получил хорошую подготовку по сравнительно-историческому языкознанию, пройдя в 1867-1872 гг. Лейпцигскую лингвистическую школу. Многие да-ло ему и пребывание в Будапеште, тогдашнем центре сравнительного изучения финно-угорских языков, тесное общение с Й. Буденцем, "одним из наиболее значительных компаративистов финно-угорского языкознания своего времени ..."¹³ Вот почему в его работах известное место уделено вопросам методики исследования истории языков и их связей между собой, что имело важное значение и для развития теории собственно алтаистических штудий, которые начали проводиться в тот период.

Эти проблемы были подняты М.П. Веске, например, в диссертации, защищенной им в Лейпцигском университете в 1872 г.¹⁴ Он считал, что при выяснении степени родственных отношений каких-либо языков к другим языковым семьям, а также отношений между языками внутри одной семьи следует прежде всего попытаться установить для нее язык-основу (Grundsprache); точно так же следует установить праязыки (Ursprachen) и для сравниваемых семей. М.П. Веске писал: "Если мы хотим установить отношения финской семьи языков к остальным семьям урало-алтайской группы (самодийской, татарской /туркской - Д.Н./, монгольской, тунгусской) или глубже проникнуть в сущность языка, исследовать отношения финно-угорских и индоевропейских языков, то мы должны установить финский язык-основу и представить отношения родства языков между собой через картину родословного древа. Если мы хотим определить родственные отношения двух семей и доказать их родство, то необходимо сравнивать первоначальную картину этих языков, какую мы в состоянии восстановить ... В противном случае ... доказательства не имеют никакой силы и являются в лучшем случае

лишь основой для всяческих предположений".¹⁵ Сам Веске, следуя идеям А. Шлейхера о сложном характере индоевропейского склонения, рассматривал в диссертации прафинские элементы словообразования и склонения (в частности показатель = n), их современные рефлексy.

Важность правильной методики при установлении родства языков подчеркивал М.П. Веске и в своем докладе "Об историческом развитии финских языков в сравнении с языками индоевропейскими и о методе эстонской грамматики", прочитанном в "Ученом эстонском обществе". Он указывал, что родство финских языков с тюркскими и другими алтайскими языками не такое очевидное, как в индоевропейских языках. Урало-алтайские языки сильно отдалены друг от друга, и их родство нужно рассматривать как возможное. Только после тщательного исследования каждой группы языков и установления общего праязыка можно уточнить отношение семей и их родство.¹⁶

Нельзя не заметить, что данные положения М.П. Веске перекликаются с точкой зрения В. Томсена, давшего в 1869 г. образец успешного использования анализа заимствований для исторической грамматики конкретных языков. В. Томсен считал, что родство финских языков с другими никоим образом нельзя рассматривать как вопрос уже решенный. Строгие доказательства этого не могут быть приведены, пока каждая из сравниваемых семей не будет досконально изучена в историческом отношении, а сопоставления оправданы и продуктивны лишь тогда, когда языки приведены к "древнему облику".¹⁷

Здесь уместно сослаться также на мнение известного исследователя финно-угорских языков, воспитанника Тартуского университета Николая Ивановича Андерсона (Nikolai Anderson, 1845-1905), который в 1894 г. занял в Казанском университете кафедру проф. М.П. Веске.¹⁸ В 1879 г. он защитил в Тартуском университете магистерскую диссертацию "О сравнении угро-финских и индогерманских языков" (опубликована в 1891 г.),¹⁹ его оппонентами были И.А. Бодуэн де Куртене, Л. Мейер, специалист по сравнительному языкознанию, и Л. Мазинг. Н.И. Андерсон, соглашаясь с В. Томсеном, высказывался здесь за необходимость выравнивания хронологии сопоставляемых языков и подчеркивал важность построения языковых праформ - основы для сравнительно-исторических штудий. Он, в частности, отметил: "Я вовсе не возражаю против возможности сопоставить между собой как родственные все урало-алтайские языки; я до-

бавлю даже, что многое говорит за данную гипотезу, но не смотря на все это, я убежден, что целиком вопрос об этом родстве следует пока рассматривать как открытый. По крайней мере ... ни в коем случае непозволительно смешивать возможность с действительностью".²⁰

Таким образом, многие видные финно-угроведы того времени, касаясь проблемы определения родства языков, в том числе и алтайских, убедительно доказывали важность применения сравнительно-исторической методики и исследования праязыкового состояния отдельных алтайских языков и их групп. Но эти призывы не нашли должного отклика у алтаистов; более того, когда к концу XIX в. укрепились идеи младограмматизма с его повышенным вниманием к изучению живых языков, интерес к праязыковым построениям и реконструкциям в алтаистике заметно снизился, чем был нанесен известный ущерб ее развитию в будущем. Если до сих пор родство урало-алтайских и алтайских языков часто принималось за данное, а задача исследователей сводилась преимущественно к установлению всяких межъязыковых соответствий, то в 70-80 гг. XIX в. появляются возражения по данному вопросу, зарождаются антигенетические тенденции, поэтому все яснее выступала задача доказательства схождения между алтайскими языками через их генетическое родство, но при учете и типологических характеристик. Однако собственно алтаистика в методическом отношении в этот период значительно отставала, в то время как финно-угорское языкознание продолжало развиваться и далее.

Имена Ф.И. Видемана, М.П. Веске, Н.И. Андерсона - "имена громадного значения" (Д.В. Бубрих) в отечественном финно-угроведении. Эти яркие представители эстонской лингвистической мысли, поднимая в своих трудах важные теоретические и методические проблемы сравнительного изучения родственных и неродственных языков, способствовали и прогрессу алтаистических исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

- I Ramstedt G.J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. II. Lautlehre. Helsinki, 1957 (= MSFOu, 104, 1), S. 13.
- 2 См.: Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь. М., 1971.
- 3 См.: Баскаков Н.А. Предисловие. - В кн.: Г.И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957; Дж.Г. Киекбаев. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972; Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974; Porre N. Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, 1965; Singer D. Introduction à l'étude de l'Eurasie Centrale. Wiesbaden, 1963; Döcsy G. Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1965; Menges K.H. The Turkic languages and peoples. Wiesbaden, 1968.
- 4 Бубрих Д.В. Финно-угорское языкознание в СССР. - В кн.: Финно-угорский сборник. Л., 1928, стр. 80. Здесь же см. о научной деятельности Ф.И. Видемана, стр. 100-104.
- 5 Wiedemann F.J. Über die früheren Sitze der tschudischen Völker und ihre Sprachverwandtschaft mit den Völkern Mitteleuropas. Reval, 1838.
- 6 Там же, стр. 14
- 7 Kellgren H. Die Grundzüge der finnischen Sprache mit Rücksicht auf den ural-altaischen Sprachstamm. Berlin, 1847.
- 8 Там же, стр. 44-49.
- 9 П.П. Нурмекунд. 1) Деятельность К.А. Хермана в области тюркологии при Тартуском университете (1889-1909). - "Филология и история тюркских народов" (тезисы докладов). Л., 1967; 2) Краткий очерк истории востоковедения в Тартуском гос. ун-те", вып. 201, Тарту, 1968; 3) Китаеведение в Тартуском университете. - Труды по востоковедению П₂. "Уч. зап. Тартуского гос. ун-та", вып. 313, 1973.
- 10 Нурмекунд П.П. Краткий очерк истории востоковедения, стр. 10.

- II Нурмекуни П.П. Китаеведение в Тартуском университете, стр. 481-486.
- I2 Бубрих Д.В. Финно-угорское языкознание в СССР, стр. 107. Здесь же см. о научной деятельности М.П. Веске, стр. 107-112. См. также: И. Смирнов. М.П. Веске (некролог). - "Этнографическое обозрение", 1890, № 3, стр. 149-155; газ. "Валтус", 1890, № 21-27. М.П. Веске плодотворно работал в 1887-1890 гг. в Казанском университете, куда был приглашен по инициативе И.А. Бодуэна де Куртене при содействии В.В. Радлова; интересную переписку М.П. Веске по этому поводу с указанными лицами см.: Лен. отд. Архива АН СССР, ф. 177, оп. 2, ед. хр. 54 (письма Радлову); ф. 102, оп. 2, ед. хр. 50 (письма Бодуэну де Куртене).
- I3 Основы финно-угорского языкознания, стр. 69.
- I4 Weske M. Untersuchungen zur vergleichenden Grammatik des finnischen Sprachstammes. Leipzig, 1873.
- I5 Там же, стр. IV-VI.
- I6 Weske M. Über die historische Entwicklung der finnischen Sprachen im Vergleich mit den indogermanischen und über die Methode der estnischen Grammatik. - "Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat". 8. Bd., 2. H., Dorpat, 1875, S. 13-26.
- I7 Thomsen W. Über den Einfluss der germanischen Sprachen auf die Finnisch-Lappischen. Eine sprachgeschichtliche Untersuchung. Halle, 1870 (перевод с датского).
- I8 О научной деятельности Н.И. Андерсона см.: Бубрих Д.В. Финно-угорское языкознание в СССР, стр. 113-114.
- I9 N. Anderson. Studien zur Vergleichung der ugro-finnischen und indogermanischen Sprachen. Dorpat, 1891.
- 20 Там же, стр. 12.

ANSICHTEN von AKAD. P.J. WIEDEMANN UND PROF. M.P. WESKE
ÜBER DAS URAL-ALTAISCHE PROBLEM

D. Nasilov (Leningrad)

Z u s a m m e n f a s s u n g

Akad. Wiedemann (1805-1887) und Prof. Weske (1843-1890), bekannte Fachleute auf dem Gebiet der finnisch-ugrischen Sprachen, bedeutende Vertreter der estnischen Sprachwissenschaft, haben mit ihren Werken einen Beitrag nicht nur zur theoretischen und praktischen Untersuchung dieser Sprachen geleistet, sondern auch zur Theorie der Altaistik. Was die Verwandtschaftsverhältnisse der finno-ugrischen und altaischen Sprachen betrifft, so war Akad. Wiedemann ein Anhänger der typologischen Betrachtung dieses Problems. Prof. Weske dagegen erhob seine Stimme für die Anwendung der Methoden der vergleichenden historischen Grammatik. Der Aufsatz enthält eine ausführliche Charakteristik der wissenschaftlichen Ansichten der beiden Gelehrten sowie einiger ihrer Zeitgenossen.

К ТИПОЛОГИИ ВЫРАЖЕНИЯ ХАРАКТЕРА ПРОТЕКАНИЯ ДЕЙСТВИЯ В УРАЛО-АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Д.М. Насилов (Ленинград)

Глагол выделяется среди прочих частей речи особо сложной семантической структурой, обусловленной природой передаваемых им действий-состояний. Отдельные элементы этой структуры, которые "в основном сводятся к выражению процесса, степени его результативности, его направленности, продолжительности (во времени, в движении) и детализации процесса в модальных, видовых и других оттенках"¹, могут быть репрезентированы в языке специальными грамматическими категориями. Однако то, что в одном языке является достоянием грамматики, включено в парадигматические ряды морфологических форм, в другом языке может быть "неграмматическим", оказаться не представленным в грамматических (морфологических) формах; в некоторых случаях возможно, по-видимому, говорить и о "скрытой грамматике", когда в языке "велик удельный вес явлений, не получающих прямого и непосредственного выявления во внешней структуре языка", когда "... не каждая грамматическая категория получает прямое и непосредственное выражение в грамматических формах данного языка".²

Глагол оказывается обычно центром выражения в языке функционально-семантической категории аспектуальности, "содержанием которой является характер протекания действия".³

Различные стороны аспектуальной характеристики действия-состояния, названного в глаголе, также получают в языках специфическое формальное выражение. По современным аспектологическим представлениям такая характеристика может быть репрезентирована категорией вида, наиболее грамматичной из

¹ И.И. Мещанинов. Глагол. М.-Л., 1948, стр. 191.

² С.Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 78, 82.

³ А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин. Русский глагол. Л., 1967, стр. 50; см. также: М.А. Шеллякин. Основные проблемы современной русской аспектологии. - В кн.: Вопросы русской аспектологии. Воронеж, 1975, стр. 6-12.

всех аспектуальных категорий, семантической категорией предельности/непредельности действия и семантической категорией способов действия, раскрывающих особенности протекания глагольного действия. Если последние две категории, в силу своей "лексичности", по-видимому, свойственны глаголу в любых языках, то категория вида, подразумевающая оппозицию глаголов по грамматическому признаку в пределах одного лексического значения, может не иметь места в ряде языков. Все указанные категории находятся в сложном взаимодействии, входя в упоминавшуюся более широкую категорию аспектуальности.

Соотношение указанных категорий в языках различного типа подвергнуто изучению далеко не равномерно. Наиболее глубоко оно освещено, пожалуй, лишь на материале славянских языков. Для некоторых германских языков (немецкий, английский) в последнее время широко применяется понятие аспектологического контекста, когда учитываются морфологические, лексические и разнообразные контекстуальные средства аспектуальности.

В настоящее время аспектологи, обычно признавая вид (Аспект) грамматической категорией, четко отличают его от способа глагольного действия, а также от предельности/непредельности действия.⁴ Различение этих основных, фундаментальных понятий аспектологии, разнящихся уровнем грамматической абстракции, грамматикализованности, есть необходимое условие достоверного описания аспектуальных средств языка. Следует напомнить, что "в противоположность видам способы действия не представляют собой грамматических категорий, не образуют четких парадигматических противопоставлений широкого охвата..."⁵, а лишь модифицируют значение глагола в пределах передаваемых ими обобщенных типов особенностей разворачивания действия.

Категория предельности/непредельности характеризует тот внутренний предел действия-состояния, преодоление которого ведет к смене данного действия-состояния. Распределение глаголов на предельные и непредельные есть семантическая опера-

---

⁴ См.: Ю.С. Маслов. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. - В кн.: Вопросы общего языкознания. Л., 1965, стр. 53-80.

⁵ Ю.С. Маслов. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. - В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962, стр. 10.

ния, базирующаяся на анализе сущности самого действия.⁶ Эта категория играет важную роль в организации аспектологического контекста, особенно в тех языках, где не представлена морфологическая категория вида.⁷ Поскольку предельность/непредельность отражает фактически внутреннюю сущность любого действия-состояния, указанная категория носит, по-видимому, характер языковой универсалии, и учет данного обстоятельства необходим при анализе способов выражения аспектуальности в любом языке. Здесь же следует отметить, что категория предельности/непредельности мало исследована в урало-алтайских языках, что сказывается и на описании особенностей видовременных систем глагола в этих языках. Так, например, в тюркологии до самого последнего времени любая характеристика протекания действия глагола связывалась с "видами" тюркского глагола, причем тюркологи часто принимали предельные значения глаголов за "тюркский совершенный, или законченный, вид", а непредельные – за "несовершенный, или незаконченный, вид".⁸

Вообще в грамматиках алтайских языков (в данном случае мы имеем в виду языки тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, отчасти корейский) принято выделять категорию "глагольного вида". Однако в большинстве случаев эти "видовые формы" и грамматически и семантически оказываются наиболее близкими к тому явлению, которое определяется в современной аспектологии как способ глагольного действия, хотя сюда попадают также и случаи "видовой" интерпретации временных форм и других морфологических образований, основанной на упомянутом неразличении предельных и непредельных действий.⁹ Способы действия глагола – это семантические разряды, или классы, глаголов, объединяемые общностью характеристики развертывания и протекания действия (Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко).

⁶ См.: А.А. Холодович. О предельных и непредельных глаголах. – В кн.: Филология стран Востока. Л., 1963; Ю.С. Маслов. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании, стр. 13–19.

⁷ См.: Б.М. Балин. Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским. Калинин, 1969, стр. 39–96.

⁸ Д.М. Насилов. Еще раз о виде в тюркских языках. – В кн.: "Turcologica", Л., 1976.

⁹ См.: Д.М. Насилов. О способах выражения видовых значений в алтайских языках. – В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.

В алтайских языках представлены синтетические (аффиксальные) и аналитические средства выражения способов глагольного действия. В современных тюркских и монгольских языках ведущим и развитым средством их выражения являются аналитические образования с вспомогательными (служебными) глаголами, а аффиксальные показатели имеют ограниченную сферу использования, передавая обычно количественные характеристики действия (многократность, учащаемость и интенсивность). В тюркских языках все аффиксы являются ныне малопродуктивными, в монгольских же продуктивность их несколько выше.

Аналитически в этих двух группах языков выражаются способы действия, имеющие значения: а) завершенности, б) неоконченности, продолженности, в) пространственной ориентации действия, г) качественной характеристики (внезапность, нарастание результата и т.п.). Сочетаемость вспомогательных глаголов отличается большой избирательностью и нерегулярностью; в целом по языкам используется до 30 вспомогательных глаголов.

К этим языкам примыкает и корейский язык, где указанные значения также выражаются преимущественно аналитическими конструкциями.¹⁰

В тунгусо-маньчжурских языках, в противоположность тюркским и монгольским, способы действия обычно репрезентируются многочисленными аффиксами, выражающими и качественные, и количественные характеристики действия. Аналитические средства используются редко и представлены сочетаниями с глаголами 'кончить', 'прекратить', 'начать', 'приступить' и т.п.

В группах алтайских языков наблюдается, таким образом, различное соотношение синтетических и аналитических форм выражения способов глагольного действия.

При анализе аффиксальных средств нужно учитывать следующие обстоятельства. Во всех алтайских языках эти аффиксы связаны и исторически, и даже на современном уровне развития языков с системой глаголообразования от неглагольных частей речи, а также и с внутрислагольным словообразованием. Из этого следует вывод о том, что историческое описание данных аффиксов возможно лишь с учетом всей системы средств глаго-

¹⁰ Е.К. Гусев а. Система видов в современном корейском языке. М., 1961.

лообразования как в конкретной группе языков, так и во всей алтайской языковой семье. И это закономерно, так как способы действия осуществляют лексическую модификацию глагола. Таким образом, частная подсистема аффиксов способа действия представляет собой элемент более широкой подсистемы аффиксов глаголообразования и исторически выделялась в алтайских языках из последней. Поэтому установление материальной общности таких аффиксов может быть продуктивным лишь при восстановлении целостной картины глаголопроизводства в алтайских языках. Алтайстические штудии Г. Рамштедта, Вл. Котвича, Н. Поппе и других алтаистов, хотя последние и не исследовали системы словообразовательных средств в полном их объеме, или именно по такому пути.

Уже Г. Рамштедт пришел к выводам об общности ряда формантов во всех алтайских языках. В свою очередь, многокомпонентные форманты в отдельных языках сводимы в большинстве случаев к комбинации первичных элементарных формантов. Для аффиксов, выражающих количественную характеристику действия (интенсивность — учащаемость — ритмичность) и функционирующих в семантически однозначных глаголах, восстанавливаются первичные элементы $* = \text{га} \sim * = \text{а} / * = \text{ги} \sim * = \text{и}, * = \text{л} \sim * = \text{ла}, * = \text{ча}, * = \text{р}, * = \text{к}, * = \text{т}$, которые могут вступать в комбинации и между собой, и с другими формантами. Эти элементы существуют в сходных функциях во всех трех группах алтайских языков. Кроме того, предприняты попытки установить фонетические соответствия по языкам и между сочетаниями этих формантов.^{II} Картина соответствий будет неполной, если не учитывать системы образования изобразительных глаголов и многочисленных аффиксов-модификаторов, функционирующих в них.

Если между аффиксами, которые выражают интенсивно-учащаемые значения, по группам алтайских языков устанавливаются известная материальная общность и почти тождественные значения и функции, то для аффиксов тунгусо-маньчжурских языков, выражающих способ действия со значениями начинательности, течения действия, его завершенности и простран-

^{II} Г. И. Р а м ш т е д т. Введение в алтайское языкознание. М., 1957; В. К о т в и ч. Исследование по алтайским языкам. М., 1962; Г. Д. С а н ж е е в. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963; Н. Р о р р е. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955; Н. Р о р р е. Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, 1965.

ственно-временной распределенности, аналогий в тюркских и монгольских языках не находится, если не считать в них отдельных показателей, которые являются новейшими по происхождению и возникают из слов в процессе фонетического слияния. И наоборот, многообразие вспомогательных глаголов-модификаторов, с помощью которых в тюркских и монгольских языках передаются именно эти значения, в тунгусо-маньчжурских языках противопоставлены синтетические аффиксальные формы.

Что касается тюркских и монгольских языков, то бросается в глаза сходство применяемых в них глаголов-модификаторов как по их лексическому значению, так и по использованию в грамматических структурах для выражения одних и тех же значений способов действия.

Как же можно оценивать выявившиеся отличия тюрко-монгольских средств выражения способов действия от тунгусо-маньчжурских? Как известно, Вл. Котвич, отрицая прямые генетические связи между алтайскими языками, отмечал, что параллельно существовали тюркские, монгольские и тунгусские языки, "близкие друг другу только типологически", и которые поэтому "идут в своем развитии по одному пути, с незначительными отклонениями".¹² В отличие от Г. Рамштедта он не считал аффиксальные средства модификации глагольного действия поздними образованиями в истории развития алтайских языков, хотя допускал, что тюркские языки, ушедшие вперед в своем историческом развитии по сравнению с монгольскими и особенно с тунгусо-маньчжурскими, могли, видимо, утратить в ходе этого развития часть своих формативов.¹³

Вообще вопрос о неравномерном развитии алтайских языков поднимался и другими учеными, также выдвигавшими тезис об ускоренной эволюции тюркских языков на фоне прочих алтайских. В связи с этим можно упомянуть имена Г.И. Рамштедта, Б.Я. Владимирова, Е.Д. Поливанова, К. Менгеса, Г.Д. Санжеева. Эти ученые или просто констатируют возможность такой эволюции языков, или, опираясь на подобную тенденцию, видят в строе тюркских языков прообраз развивавшихся в данном направлении монгольских языков; во всех случаях лучше сохранившими

¹² В. Котвич. Исследование по алтайским языкам, стр. 351-352.

¹³ См.: Д.М. Насилов. Вл. Котвич о способах действия в алтайских языках. - В кн.: Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. М., 1975, стр. 311 и сл.

"древние" черты алтайских языков вообще оказываются тунгусо-маньчжурские языки.

Вопрос о соотносительном развитии алтайских языков (и шире - урало-алтайских) давно интересовал алтаистов. Его постановка была в свое время стимулирована теорией агглютинации грамматических показателей, восходящей к Ф. Боппу, который отталкивался от исторической последовательности морфологических типов языков. Перенос данной теории на урало-алтайские языки привел к попыткам соотнести уровень развития агглютинации в этих языках с уровнем их абсолютного исторического развития. Учет в этом плане связи личных показателей глагола и личных местоимений, проявления гармонии гласных, развитости падежной системы в различных языках и т.п. приводил исследователей к мысли о значительной эволюции тюркских языков в сторону флективности (среди алтайских языков), а среди урало-алтайских - финского. Идея о прогрессивном развитии тюркских языков живет в современных исследованиях, хотя их авторы часто и не приводят каких-либо аргументов для ее обоснования.

В последнее время попытка объяснить указанную особенность тюркских языков была предпринята Г.П. Мельниковым с позиций пропагандируемой им системной лингвистики. Он установил, что детерминантой алтайских языков является "тенденция к экономии служебных элементов".¹⁴ Учитывая положения теории системной лингвистики и проявление этой детерминанты, можно подойти к проблеме соотношения генетических и типологических сходжений алтайских языков. "Если алтайские языки генетически родственны, то их различие должно объясняться в первую очередь степенью настроенности по детерминанте экономии служебных элементов, т.е. фазой адаптации по этой детерминанте, так как исходные состояния алтайских языков не могли быть при этом различными .... Какая из этих фаз соответствует большему уровню адаптации, а какая - меньшему, мы легко определим, зная детерминанту".¹⁵ Наибольший уровень настроенности по данной детерминанте проявляется в тюркских языках, меньший - в монгольских и наименьший - в тунгусо-мань-

¹⁴ Г.П. Мельников. Алтайская гипотеза с позиций системной лингвистики. - В кн.: Проблема общности алтайских языков, стр. 65-66.

¹⁵ Там же, стр. 70.

чжурских. "Этим легко объясняется тот факт, что в тюркских языках ... число аффиксов меньше, чем в монгольских, а в монгольских меньше, чем в тунгусо-маньчжурских",¹⁶ и обратным выглядит соотношение аффиксации с "полнозначными словами в полуслужебной роли".

Если же обратиться к нашему материалу, то соотношение аффиксальных форм и аналитических в языках тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских окажется соответствующим указанной тенденции алтайских языков, причем тюркские и монгольские языки показывают большую близость между собой, а тунгусские, которые почти не используют вспомогательных глаголов для выражения способов действия, характеризуются обилием аффиксов.

Однако и в тунгусских языках заложены возможности ускоренного развития в направлении алтайской детерминанты. Это особенно ясно показывает маньчжурский язык, который в результате особенностей развития и межязыкового контактирования "безболезненно" отказался от широкого употребления аффиксов и взамен этого развил для передачи характеристики действия способ "инкорпорированных" глаголов и систему описательных форм, возникших на основе сложения самостоятельных глагольных слов (~ основ).¹⁷ Поэтому можно согласиться с Г.И. Рамstedтом, который такие образования считал новейшими в истории тунгусо-маньчжурских языков.¹⁸

Неравномерности развития наблюдаются и внутри тюркских языков: вспомогательные глаголы менее используются в огузских языках, в частности в турецком. Эту особенность последнего К.Т. Менгес, вслед за М. Рясняном, объясняет влиянием других языков, и прежде всего европейских.¹⁹ Вместо вспомогательных глаголов в турецком языке широко используются перифрастические формы с *ol-*, которые характерны для языков огузского типа уже по данным древнетюркских памятников.

Таким образом, фактическое распределение средств выражения способов глагольного действия по алтайским языкам хоро-

¹⁶ Там же, стр. 74.

¹⁷ О.П. С у н я к. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.-Л., 1962, стр. 123-142.

¹⁸ См.: Г.И. Р а м с т е д т. Введение в алтайское языкознание, стр. 160-171.

¹⁹ К.Н. М е н г е с. The Turkic Languages and Peoples. Wiesbaden, 1968, стр. 146.

по согласуется с построениями системной лингвистики в отношении настроенности трех групп языков по алтайской дегрессивности.

Для уральских языков в целом характерно использование аффиксальных средств выражения способов действия. В финно-угорских языках многие так называемые видовые формы, видимо, также следует интерпретировать как формы способов действия.²⁰ Наиболее регулярно способы действия передаются здесь аффиксальными средствами.²¹ В марийском и удмуртском языках наряду с аффиксальными существуют и аналитические формы с вспомогательными (служебными) глаголами, появление которых Б.А. Серебренников связывает с влиянием тюркских языков. Действительно, модели таких аналитических образований структурно совпадают с аналогичными моделями в контактирующих чувашском и татарском языках. Влияние последних сказывается не только на строении аналитических форм способов действия глагола, но и на системе временных форм, а также в ряде других грамматических явлений.²²

Интересно подчеркнуть, что и в финно-угорских языках аффиксы способов действия также связаны исторически как с отглагольным, так и с отыменным словообразованием глагола, причем в ходе исторического развития возможны сочетания отдельных показателей в сложные комплексы.²³

²⁰ См.: М.П. Чхидзе. Проблема спаренных глаголов. Автореф. докт. диссерт. М.-Тбилиси, 1967; J. Mägiste. Zur Aktionsart in den finnisch-ugrischen Sprachen. - FOF, Bd. 38, N. 1-3, 1970, S. 226-246; ср. также: W. Schläpfer. Arbeiten zur strukturbезогенен Grammatik. München, 1968, S. 202-259.

²¹ К.Е. Майтинская. Венгерский язык, ч. II. Грамматическое словообразование. М., 1959, стр. 107 и сл.; Грамматика финского языка. Фонетика, морфология. М.-Л., 1958; Б.А. Серебренников. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960; Е.И. Ромбандеева. Мансийский (вогульский) язык. М., 1973, стр. 161 и сл.; Г.М. Керт. Саамский язык. Л., 1971; Н. Вяттер. Aspektikategoriaast eesti keeles. - "Emakeele Seltsi Aastaraamat". III, Tallinn, 1957, стр. 72-81.

²² См.: Б.А. Серебренников. Категории времени и вида в финно-угорских языках ..., особенно стр. 258 и сл.

²³ Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974, стр. 359-378.

В самодийских языках "для глаголов характерно развертывание категорий видовой направленности, при помощи которых передаются различные моменты протекания действия ... Выделяются две основные группы форм видовой направленности, противопоставляемые друг другу в основном по количественной стороне действия: повторность, длительность, общность, прерывность, с одной стороны; однократность, начинательность, неполнота объема действия, с другой".²⁴ Как видно, и здесь "видовые" формы есть не что иное, как формы способов действия глагола, выражаемые аффиксально.

В ненецком языке отмечаются и аналитические формы с вспомогательными глаголами 'начать', 'заниматься', 'дойти', 'выйти', 'подняться' и т.п.²⁵

Ряд аналитических образований выявлен также в селькупском языке; в этих аналитических конструкциях "деепричастие + вспомогательный глагол" совершаемое действие характеризуется с точки зрения его развертывания, процессуальности.²⁶

С позиций грамматики порядков, в энецком языке показатели способов действия являются необязательными и занимают место среди аффиксов внутрикатегориального глаголообразования на границе с показателями словозменения глагола.²⁷ В этом еще слабо изученном языке выделено семь "видовых классов": длительного, многократного, начинательного, неполного, постепенного действия и становления действия.²⁸

Как отмечает Н.М. Терещенко, формы "видовой направленности" являются специфической особенностью самодийского глагола, их показатели включаются в структуру глагола как единого

²⁴ Н.М. Терещенко. Введение. - В кн.: Языки народов СССР, т. III, М., 1966, стр. 368. См. в этой кн. также стр. 390 (ненецкий яз.), 410-411 (селькупский яз.), 453 (энецкий яз.), 432 (нганасанский яз.).

²⁵ Н.М. Терещенко. Очерк грамматики ненецкого языка. Л., 1947, стр. 183-184.

²⁶ См.: Н.М. Воеводина. Употребление селькупского вспомогательного глагола "идти". - "Языки и топонимика Сибири", вып. V, Томск, 1972, стр. 92-94; ее же. Аналитические глагольные конструкции в селькупском языке. Автореф. канд. дисс., Новосибирск, 1974.

²⁷ И.П. Сорокина. Морфология глагола энецкого языка. Канд. дисс. Л., 1975, стр. 60-74.

²⁸ Там же, стр. 66.

морфологически цельного слова, завершая построение "глагольной основы".²⁹

Таким образом, наряду с широко распространенными аффиксальными средствами выражения способов действия в отдельных уральских языках встречаются и аналитические формы, передающие некоторые способы действия глагола, поэтому и для уральских языков актуально изучение в структурно-грамматическом и историческом плане соотношения указанных средств выражения способов действия.

С типологической точки зрения наборы формальных средств выражения способов действия в урало-алтайских языках во многом совпадают. Те проблемы, которые выдвигают исследователи алтайских языков, видимо, относятся и к уральским языкам. Прежде всего важно выяснить историческую и функциональную взаимосвязь синтетических и аналитических средств. Как уже указывалось, по мнению ряда исследователей, развитие аналитических средств выражения способов действия относится к позднейшим этапам эволюции этих языков, а для некоторых из них стимулировано контактами с соседними языками. Нужно не упускать также из вида общее типологическое сходство урало-алтайских языков и принадлежность всех их к языкам агглютинирующего типа, ибо рассмотренные выше особенности могут объясняться на основе типологической общности урало-алтайских языков. Тогда попытки использования морфологии способов действия глагола при установлении генетических связей между языками приобретают несколько иную доказательную силу.

Наконец, интересен вопрос о типологии аналитических форм способов действия с участием вспомогательных глаголов. М.П. Чхайдзе, занимаясь "спаренными глаголами" в марийском языке, обратил внимание на наличие сходных моделей в различных языках: тюркских, монгольских, дравидийских, ряде новоиндийских языков, в китайском, корейском, японском, таджикском, причем характерно совпадение семантики глаголов-модификаторов, используемых для передачи однотипных способов действия.³⁰ Он

²⁹ Н.М. Терещенко. Грамматические категории глагола в самодийских языках. - В кн.: Типология грамматических категорий. М., 1975, стр. 148, 152-153.

³⁰ См.: М.П. Чхайдзе. 1) Проблема спаренных глаголов; 2) О происхождении и функциях марийских и удмуртских спаренных глаголов. - "Вопросы финно-угорского языкознания", вып. IV, Ижевск, 1967, стр. 247-259; 3) Paired verbs in some east uralic and other oriental languages. - "Советское финно-угроведение", IV, 1968, стр. 285-297.

высказал предположение об иррадиации моделей "спаренных глаголов" из некоего центра, отвергнув мнение о спонтанном их развитии в каждом языке или группе языков.³¹ Основанием для этого является слишком "стандартный и однотипный" характер моделей. Однако данную особенность можно рассматривать как широкую универсалию, где набор вспомогательных глаголов предопределен набором смыслов способов действия как семантической универсальной категории языков. С другой стороны, большая типологическая общность урало-алтайских языков дает основания для предположения о единстве путей, по которым шло в них формирование аналитических форм способов действия, и о "равнооформленности" модели "деепричастие + глагол-модификатор". Можно согласиться с М.П. Чхаидзе, что исторически в основе таких аналитических форм глаголов лежат "первичные" соположения глаголов, или древние парные глаголы, поскольку парные слова вообще характерны для урало-алтайских языков.

ZUR TYPOLOGIE DES AUSDRUCKS DER AKTIONSBARTEN IN DEN URAL-ALTAISCHEN SPRACHEN

D. Nasilev (Leningrad)

Z u s a m m e n f a s s u n g

Sowohl in den altaischen, als auch in den uralischen Sprachen gibt es ein System von grammatischen Mitteln, die der Modifikation der durch ein Verb bezeichneten Handlung dienen. Vor allem fallen synthetische Formen auf, die in diesen Sprachen durch eine Reihe von Affixen vertreten sind, aber auch analytische Formen, die durch eine Verbindung der konvivialen Formen des Hauptverbs mit modifizierenden Verben (Hilfsverben oder deskriptiven Verben) gebildet werden. Alle diese Formen sind als Formen der Aktionsarten (nicht der Aspekte) zu bezeichnen. Die Affixe vereinigten diachronisch

---

³¹ См.: М.П. Чхаидзе. О происхождении и функциях марийских и удмуртских спаренных глаголов, стр. 256. Ср. также: его же. Спаренные глаголы в марийском языке. Йошкар-Ола, 1960.

sowohl die verbbildenden als auch die formenbildenden Funktionen.

Die synthetischen und die analytischen Formen treten in den Einzelsprachen in verschiedenen Wechselbeziehungen auf.

Die Ähnlichkeit der ural-altaischen Modelle von analytischen Aktionsartformen ist als die Äußerung einer Linguistikuniversalie zur interpretieren.

МЕСТО УРАЛИСТИКИ В РАЗРЕШЕНИИ БОРЕАЛЬНОЙ ГИПОТЕЗЫ.
ВОПРОС ЭРГАТИВА

Л. Палмайтис (Вильнюс)

Реконструкция столь гипотетического праязыкового состояния, как бореальное (ностратическое), не может на настоящем этапе быть осуществлена одним математическим точным методом — всякий метод неизбежно становится гипотетическим. Поэтому единственно верный путь к решению гипотезы — это экспериментальное использование ряда методов при попытке доказательства заранее сконструированных соответствующих гипотетических систем. Критерием успешности при этом может явиться эвристичность примененного метода, т.е. роль построенной гипотетической системы при решении вопросов, связанных с проблематикой каждой из дочерних праязыковых систем, составляющих бореальную над-систему. Предлагаемый в докладе экспериментальный метод основан на предположении эргативного строя над-системы. Такое предположение, кроме того, имеет свои основания. Так, существование эргатива в праиндоевропейском постулируется уже в 1901 г. Х. Уленбеком,¹ оформляется в гипотезу в 1907 г. Х. Педерсеном,² позднее находит теоретическое обоснование в работах С.Д. Кацнельсона,³ а в наши дни убедительно доказывается В.В. Ивановым⁴ и А.Н. Савченко.⁵

¹ C. C. U h l e n b e c k. Agens und Patiens im Kasusystem der indogermanischen Sprachen. — Indogermanische Forschungen, XII (1901). 170-171.

² H. P e d e r s e n. Neues und nachträgliches. — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, XL (1907), 129-217.

³ Ср. С.Д. Кацнельсон. К генезису номинативного предложения. — "Труды Института языка и мышления им.Н.Я. Марра", IV, Л., 1936.

⁴ В.В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963, 132 сл., 161; е го же. Эргативная конструкция в праиндоевропейском. — Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Тезисы. Л., 1964; е го же. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы (далее — О П А). М., 1965, 51-54.

⁵ А.Н. Савченко. Эргативная конструкция предложения в праиндоевропейском языке. — Эргативная конструкция предложения в языках различных типов (далее — ЭК). Л., 1967, 74-90.

Той же точки зрения придерживается и мой учитель В. Махлис⁶. Об эргативе протоафразийского достаточно обоснованно говорят работы И.М. Дьяконова.⁷ До недавнего времени считалось, что эргативность картвельских языков является инновацией, однако это успешно оспаривает Г.А. Климов.⁸ К признанию эргативности протодравидийского склоняется Н.В. Гуров.⁹ Наконец, о былой эргативности в алтайском говорят исследования Т.А. Бертагаева¹⁰ и Э.В. Севортяна.¹¹ В настоящем докладе будет сделана попытка связать некоторые явления в уральских языках с возможной реликтовой эргативностью протоуральского. Прежде коснемся терминологии. В блестящей работе по общей теории эргативности Г.А. Климов определяет эргативную типологию предложения как такую, в которой субъект транзитивного действия трактуется иначе, чем субъект интранзитивного, а объект транзитивного действия – так же, как субъект интранзитивного. Поэтому "эргативная конструкция определяется как модель транзитивного предложения эргативной типологии, а абсолютная – как модель ее интранзитивного предложения".¹² При этом структура эргативности мотивируется "семантической детерминантой языка, противопоставляющей субъектное и объект-

⁶ V. M a ģ i u l i s. Zum baltischen o-stämmigen genitivus singularis. – "Acta Baltico-Slavica", III(1966), 107-112: его же Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai (далее – ВК). Vilnius, 1970, 44, 53, 80.

⁷ Ср. И.М. Д љ а к о н о в. Семито-хамитские языки (далее – С Х Я). М., 1965, 16, 55; его же. Языки древней Передней Азии (далее – Я Д П А). М., 1967, 212, 213, 249-252; его же. Проблема протоафразийской глагольной системы. – Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Тезисы (далее – К П С Г). М., 1972, 48.

⁸ Например, несовпадение несводимых к друг другу показателей эргатива в грузинском, мегрельско-чанском и сванском является следствием распада единой картвельской системы с показателем эргатива * -d – ср. Г.А. К л и м о в. Очерк общей теории эргативности. М., 1973, 198.

⁹ Н.В. Г у р о в. Именное склонение в дравидийских языках. – 1972, 114-130.

¹⁰ Т.А. Б е р т а г а е в. Следы эргативности в монгольских языках. – ЭК, 277-283.

¹¹ Э.В. С е в о р т я н. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, 93-95.

¹² Ср. Г.А. К л и м о в, указ. соч., 260.

ное начала".¹³ В отличие от понятия эргативного строя, постулируется понятие исторически предшествующего ему активного строя, "семантической детерминантой которого является противопоставление активного ("одушевленного") начала неактивному ("неодушевленному").¹⁴ Помимо ряда типологических различий между тем и другим строем, постулирование нового строя связывается Г.А. Климовым с его большей "объяснительной способностью": именно в этом случае отпадают возражения по поводу сочетаемости интранзитивных глаголов (напр., "говорить", "лежать") с восстанавливаемым эргативным падежом, т.к. транзитивность оказывается исторической категорией, в которую попадают и позднейшие интранзитивные глаголы, ранее также выражавшие активность действия,¹⁵ кроме того, становятся ясными причины совпадения дополнения эргативной конструкции с подлежащим абсолютной.¹⁶ Однако то, что Г.А. Климов называет активным строем, тем, специфику которого определяет "не транзитивный глагол, а активный, т.е. передающий активное действие вообще - в частности, глагол движения и других форм активности, не предполагающий направленности действия на объект",¹⁷ это-то, по мнению И.М. Дьяконова, высказанному на ленинградской конференции по древнему Востоку в феврале 1975 г.,¹⁸ и должно называться подлинно¹⁹ эргативным строем, то же, что Г.А. Климов называет эргативным строем, развившимся из активного,²⁰ может быть квази-эргативным, т.е. вариантом его исторического развития, когда глагольная "активность" (в терминах Г.А. Климова) была переинтерпретирована в ограни-

¹³ Г.А. Климов, указ. соч., 261.

¹⁴ Там же, 263.

¹⁵ Там же, 232.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, 49-50, 215 сл.

¹⁸ Доклад находится в печати.

¹⁹ Ср. приводимый Г.А. Климовым термин Дж. Лайонза "идеальный" - там же, 214.

²⁰ Там же, 253.

ченных рамках транзитивности. Надо сказать, что при всей своей важности внесенная Г.А. Климовым поправка наименее существенна для индоевропеистов, ибо после работ А.Н. Савченко ни у одного из нас не остается сомнений, что эргативная конструкция праиндоевропейского "при сравнении с вариантами..., существующими в современных языках, ...оказывается нетипичной, потому что в ней выражение субъекта действия эргативным или абсолютным падежом зависело не от транзитивности или интранзитивности глагола, а от глагольной формы действия или состояния".²¹ Так и в моих статьях по реконструкции бореальной грамматической системы в журналах *Baltistica* X (I) и *Africana* X, а также в докладе на московской конференции ностратистов в 1972 г. общепореальное состояние предполагалось таким, в котором имена и глаголы еще не были выделены из категории, которая (за неимением термина) неточно называлась именем действия. При этом "систему, соответствующую нашему спряжению, в бореальном составляла оппозиция парадигмы, обозначавшей состояние как процесс (в частности – действие), к парадигме, обозначавшей состояние как факт".²² Далее: "парадигма, выражавшая процесс, могла быть интранзитивной, но при выражении непосредственного действия была только транзитивной. В последнем случае результатом развития связи имени действия с объектом действия явился показатель 3 л. ед. ч. В первом случае связи не было. Потому сам показатель 3 л. ед. ч. может быть факультативным"²³ (в зависимости от языков – ср. у Г.А. Климова: "необходимо учитывать, что форма 3-го лица довольно часто передается нулевым аффиксом"²⁴). С другой стороны, "парадигма состояния-факта всегда была только интранзитивной и могла обозначать признак субъекта – ср. аккадский *stativ*".²⁵ Тем не менее, отмеченная Г.А. Климовым типологическая разница²⁶ между подлинно-эргативным строем и частным вариантом его исторического развития, заставляет за-

²¹ А.Н. Савченко, указ. соч., 90.

²² Л. Палмайтис. Личные местоимения в связи с вопросом реконструкции бореальной грамматической системы. – К П С Г, 63.

²³ *Baltistica* X, № I (1974), 60: ср. также *Africana* X (1975).

²⁴ Г.А. Климов, указ. соч., 222.

²⁵ *Baltistica*, там же.

²⁶ Г.А. Климов, указ. соч., 216–226, 243.

думаться о целесообразности нового определения. К сожалению, предлагаемая Г.А. Климовым терминология не является удовлетворительной. Так, заимствованный из категории залога термин активный (строй, имя) логически требует противоположного термина пассивный, но, напр., не инактивный, как употребляет Г.А. Климов по сути теории.²⁷ В то же время термину активный глагол противопоставляется иногда еще термин стативный глагол,²⁸ в традиционной афразистике противопоставляемый термину фиеитивный глагол, что просто создает терминологическую путаницу. Поэтому уместно заменить неудачный термин активный строй (предполагающий существование несуществующего "пассивного строя") термином (подлинно-) эргативный, или фиеитивный, или (авто) процессивный строй, в котором фиеитивные (процессивные) глаголы, выражающие процесс самоактивности, напр., центробежное действие (видеть, бить) или центроостремительное (говорить, лежать), противопоставляются глаголам стативным (инертным: пахнуть, бояться, походить, быть высоким и т.п.), а тем и другим соответствуют процессивные имена (относящиеся к предметам жизненной самоактивности, напр., человек, антилопа, кактус) и инертные имена (вода, земля, камень, облако). Именно такой подлинно-эргативный строй имеется в виду как в моих упомянутых статьях, так и в этой работе, где я продолжаю употреблять (ради удобства) установившийся традиционный термин эргативности, вводя при необходимости терминологические уточнения.

Как говорилось, к протоуральскому применимо понятие реликтовой эргативности. Многие факты говорят о том, что распад эргативной конструкции проходил в предуральском (урало-алтайском?) состоянии или, скорее, в конце такового. Действительно, уже не говоря о зависимости флексии 3 л. ед. ч. (показателя объекта) от транзитивности глагола (в самодийских, мордовских и угорских языках особенно в формах объектного спряжения)²⁹, также в I прошедшем времени коми³⁰ или

²⁷ Ср. там же, 215, 216.

²⁸ Ср. там же, 220.

²⁹ Ср. выше сноску 23 и цитату к ней.

³⁰ Что сохранение эргатива (а следовательно - и его следов) типологически характерно именно в прошедших временах - см. Г.А. Климов, указ. соч., 64, 66, 134, 160 сл. и пр.

об отсутствии залога в глагольной системе,³¹ едва ли не самым соблазнительным аргументом в пользу былого эргативного строя могло бы показаться различие в уральских языках объектного и безобъектного спряжений. Ведь именно в эргативном строе транзитивный глагол "при развитости глагольной морфологии обнаруживает систему "прономинального управления" ... /которое/ бывает ... а) объективное (... "управление" прямым дополнением) и б) субъектно-объективное (... как прямым дополнением, так и подлежащим)"³². При этом "не видно оснований считать в языках эргативного строя ... субъектно-объектное спряжение транзитивного глагола более поздним, чем его чисто объективное спряжение"³³. К сожалению, оппозиция объектного и безобъектного (т.е. субъектно-объектного и субъектного) спряжений не может быть прослежена до протоуральского,³⁴ следовательно, протоуральский на поздней его стадии скорее был уже языком промежуточного строя между эргативным и номинативным. О том же говорит и то, что напоминающее категорию абсолюта совпадение объекта при императиве транзитивного глагола и в безличных конструкциях с субъектом при глаголе в повествовательном наклонении, тем не менее, ни в одном из уральских языков не распространяется на объект при транзитивном глаголе в повествовательном наклонении. Чтобы показать возможное происхождение "номинативного" употребления дополнения из абсолютного падежа интранзитивного предложения эргативной типологии, уместно коснуться генезиса формальных признаков генитива и падежа объекта — аккузатива, исходя из представления о протоуральском как части бореальной над-системы. Неоценимую роль при этом играет один архаизм в системе уральских местоимений. Обращение к формам местоимений всегда важно из-за их архаичности, несущей в себе следы праязыковой морфологии. В этом отношении финно-угорские факты дают качественно существенный материал для реконструкции общебореального состояния.

³¹ Г.А. Климов, указ. соч. 175 сл.

³² Там же, 98, 84-85.

³³ Там же, 177.

³⁴ B. Collinder. *Comparative Grammar of the Uralic Languages*. Stockholm (Uppsala), 1960, § 756.

Система личных местоимений общеборейского может быть реконструирована в виде эргативного ряда 1 р.сг. me , $ma||mb$, 2 р.сг. te , $sa||sb$ (= tb + pe , или + $pa||pb$ -?), 1. р.пл. excl. ne , na и абсолютного ряда 1 р.сг. Ne , Na , 2 р.сг. te , ta , 1 р.пл. excl. $nah(?)$, incl. = 1 р.сг. (erg.) + demonstr. /или (иной?)³⁵ показатель множ. ^{35/36}. Параллелизм форм, напр., me и ma не означает апофонии (таковая на данной основе развилась в индоевропейском ареале), но показывает возможные реализации в разных диалектах. При этом форма с $-a$ тождественна корневой, предполагая в общеборейском закон исхода $-a = -\phi$ (см. далее), т.е. форма с $-a$ — единственная подлинно огласованная. Ведь есть все основания сводить общебореальный вокализм к оппозиции по подъему $a - \phi$. Во-первых, к ней сводим индоевропейский вокализм³⁷ и (при законе исхода $-a||-\phi$) афразийский вокализм.³⁸ Во-вторых, в уральских языках наблюдаются явления частичного сингармонизма³⁹, а при полном сингармонизме в алтайских весь вокализм, напр., тюркских языков сводим к противопоставлению по подъему.⁴⁰ В-третьих, в общекартвельском восстанавливаются три гласные, из которых один a , а другие вообще совпадают с i - e . сонантами i , u ⁴¹. Итак, есть основания предполагать в общеборейском систему вокализма в виде

$$\begin{vmatrix} \phi & (\phi) \\ a & (a) \end{vmatrix},$$

где ϕ — неопределенный гласный верхнего подъема, ϕ , ϕ — позиционные переднеязычные вари-

35. Корень местоимения ед.ч. не означает, что форма есть множ. ч. от него ("многие я"), но что развитие шло инклюзивно: я и еще кто-то = мы и еще кто-то; кроме того, в ряде языков личные местоимения вообще не различают числа (древнейшая стадия?) — ср. К.Е. Майтинск а я. Местоимения в языках разных систем. М., 1969, § 160.

36. Ср. A f r i c a n a X (1975),

37. См. В.В. Иванов. ОПА, 20.

38. См. И.М. Дьяконов. СХЯ, 29, 54; его же. Проблема протоафразийской глагольной системы, 48.

39. Ср. Основы финно-угорского языкознания (далее — О Ф У Я). М., 1974, § 64.

40. Ср. Н.А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, 125.

41. Ср. А.С. Чикобава. Картвельские языки. Введение. — Языки народов СССР, IV, М., 1967, 18.

анти фонем /ə /, /a /. Закон исхода можно предположить и для праиндоевропейского, причем не только на основании отвлеченного сравнения одинаковых оппозиций а—ə, но и вследствие случаев дативов-локативов на -а и на -ə в хеттском и индоарийских языках.⁴² Следовательно, и этот закон может быть введен в экспериментальную гипотетическую систему. С другой стороны, закон исхода можно пополнить, сравнивая установленную для индоевропейского нейтрализацию конечных -и и -н в одну архифонему -и⁴³ с чередованием в семитских языках мимации -м и нунации -н, что при учете единого происхождения такой категории⁴⁴ и закона афз. -а || ə также говорит о нейтрализации * -на = -мə = -н = -нə = -на, которую также предположим для постулируемой над-системы.

Следует отметить, что предлагаемая реконструкция общебореальных личных местоимений отличается от реконструкции В.М. Иллич-Свитыча,⁴⁵ во-первых, двухрядностью. Конечно, не каждая форма обоих рядов засвидетельствована во всех ветвях бореальной над-семьи. Нельзя не учитывать древности диалектных различий в самом общебореальском. Однако, как будет показано ниже, при отсутствии той или иной местоименной формы двухрядность системы могла сохраняться различным оформлением однокоренных морфем. Независимо от взгляда на двух- или однорядность первоначальных местоимений, необходимо внести поправку допущенной В.М. Свитычем неточности. Так, он считает, что 1-вокализм в формах 1 p.ag. mī, 2 p.ag. tī/Sī должен быть восстановлен на основании алтайских фактов и на якобы сохранившемся 1 в уральском. Однако уральское 1 и 2 л. ед. ч. исторически имеет заднерядный вокализм (ср. саам. *monn*,

⁴² Ср. L. R. P a l m a i t t i s. *Dar dėl ide. fleksinės sistemos atsiradimo.* - *Baltistica* XI, No 1 (1975), 31; там же (31-33) выдвигается гипотеза происхождения и.-е. тематизации -а- (традиц. - о) через обобщение а-варианта огласки исхода, тогда как в основах, ставших консонантными был обобщен нулевой вариант.

⁴³ См. В.В. И в а н о в. *Тохарские языки и их значение для сравнительно-исторического исследования.* - *Тохарские языки.* М., 1959, 24 сл.

⁴⁴ Ср. И.М. Д ъ я к о н о в, СХЯ, 58.

⁴⁵ См. В.М. И л л и ч-С в и т ы ч. *Опыт сравнения ностратических языков (далее - О С).* М., 1971, 6-7; изложение взглядов Свитыча дается по его же. *Личные местоимения mī 'я' и mē 'мы' в ностратическом.* - *Исследования по славянскому языкознанию.* М., 1971, 396-403.

tonn, морд., удм. mon, ton, марийск. mɔ̃n, хант. mǎ, ма, ненец. mañ, нганасан. mappar, селькуп., камасин. mañ. К тому же восходит и коми me, поскольку доказано, что даже в прибалт.-финских языках несомненно переднерядный i в формах mi-nǎ, si-nǎ < *ti-nǎ развился как раз из заднерядного i⁴⁶). Напротив, формы I и 2 л. мн. ч. характеризует переднерядный вокализм (ср. прибалт.-фин. me, te морд. miñ, саам. mi, удм., коми mi, нганасан. mēn, селькуп. me, mi, камасин. mi' и т.д.). Итак, противопоставление по числу реализуется заднерядным *mō, *tō в ед.: переднерядным *mō, *tō во множ. числе.⁴⁷ Неубедительна и попытка объяснить заднерядный вокализм в I и 2 л. ед. ч. влиянием второго слога основы косвенных падежей, предполагаемой для уральского в виде *mi-ni-. Такой вокализм исхода, засвидетельствованный в прибалт.-финском, закономерно развился из mi-na-i-⁴⁸.

Упомянутым архаизмом уральских местоимений следует считать ту функцию, которую имеют в них формы с постпозицией, содержащей назальный: -na, -nǎ, > n. Ее надо сближать с соответствующей постпозицией в алтайском, картвельском, индоевропейском и с генитивным формантом имен -na в дравидийском - ср. фин. mi-nǎ; эст. mi-na; удм. mo-n; марийск. mɔ̃n; самод. ma-n; тюркск. mǎ-n; груз. me-na-, чанск. ma-(n); балт. ma-na, ma-ne, me-ne(i), слав. me-ne, гот. mei-na, кельт. *me-me, авест. ma-na, сскр. ma-ma. Заимствование формы личного местоимения и в таком масштабе представляется крайне сомнительным.⁴⁹ Является ли назальный звук

⁴⁶ См. Х а к у л и н е н. Структура и развитие финского языка, I. М., 1953, § 20; О Ф у я, 399.

⁴⁷ О Ф у я, 399.

⁴⁸ Ср. фин. istui-n "присаживаюсь" < *istui-n < *istoi-n < *istai-m см. Л. Х а к у л и н е н, указ. соч., § 23 Г.

⁴⁹ Иначе - А.Н. С а в ч е н к о (Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1962 (3)), предполагающий заимствование основы *men-* в восточный (но кельтские!) ареал индоевропейских языков из финно-угорских, где она была уже со времен урало-алтайской общности. Но не говоря о других бореальных ветвях, остается неясным, почему же была заимствована только основа I p.sg. men-, но не 2 p.sg. ten-! Аллюзия на прусские формы аккузатива 2 p.sg. tien = te-n, 3 p.sg. sien = se-n является недоразумением (в таком случае придется говорить также о славянских и индо-иранских аккузативах, игнорируя связь последних с аккузативами имен).

частью корня или же частью суффикса-постпозиции? О последнем свидетельствуют "чистые" формы, как и.-е. энклитики шб , мi , -ми , уральские посессивные формы ед. числа или личные мнж. числа, не имеющие постпозиции, алтайские посессивные формы ед. числа и форма I p.sg. ʔbi ($\leftarrow \text{ʔmi}$?). Тем не менее, лишь на основе финно-угорского материала существование постпозиции может быть доказано, ибо он проливает свет и на ее первоначальное назначение. К.Е. Майтинская установила, что особенно последовательно постпозиция употребляется в составе личных и вопросительных местоимений, где как бы указывает на человека, выделяя его из мира вещей, напр., в вопросительных местоимениях одушевленных предметов фин. ken , удм. коми-п. kin , манс. kan "кто?", а потому не встречается в вопросительных местоимениях неодушевленных предметов - ср. фин. mi-kä , удм. ma , коми mj , манс. mān , $\text{mān}^{\text{ar}} \leftarrow \text{ʔma} + \text{-nā}^{\text{ar}}$ ⁵⁰. Сходное явление встречается в афразийском - в арабском и арамейском засвидетельствованы формы man "кто" и mā "что". Нет препятствий полагать, что конечный -n в первой форме связан с общесемитской мимацией-нунацией. Ведь удвоение в аккад. $\text{man}^{\text{n}}\text{-u-m}$ "кто" скорее указывает на позднюю редупликацию⁵¹ (при подгонке местоимения к именной модели, напр., $\text{man}^{\text{n}}\text{-u-m} \leftarrow \text{man}^{\text{n}} + \text{ʔb} = \text{ma} \leftarrow \text{man-mi} \leftarrow \text{man} + \text{ʔa} = \text{mb} + \text{ʔ-}$, т.е. при вторичной и третичной мимацизации), почему и -n в аккад. mīn-u "что" может оказаться не прасемитским фактом, а вторичной мимацизацией. В таком случае, арабская форма отражает наиболее архаичную модель присоединения постпозиции. Сама мимация-нунация возводима к неопределенному местоимению ma ⁵², что можно пояснить законом исхода $\text{-ma} = \text{-mb} = \text{-N} = \text{-n\phi}$ ($= \text{-na}$)⁵³. Итак, арабско-арамейская форма man выводима из редуплицированной ʔma-ma . С другой стороны, есть основания полагать, что мимация-нунация имела функции определенно-

⁵⁰ К.Е. Майтинская. Функция местоименного суффикса -n в личных и вопросительных местоимениях финно-угорских языков (далее - ФМС). - Вопросы финно-угорского языкознания. Л., 1962, 79, 76.

⁵¹ Ср. I J. G e l b. Sequential Reconstruction of Proto-Accadian. Chicago, 1969, 38: аккад. $\text{man}^{\text{n}}\text{ma} \leftarrow \text{man-ma}$ "quis-que", $\text{man}^{\text{n}}\text{man} \leftarrow \text{man-man}$ "quis-quis".

⁵² Ср. И.М. Дьяконов. СХЯ, 75, 23 - сн. 2 (стр.25); ЯДПА, 228; I. J. G e l b, указ. соч., гл. 4.3.

⁵³ Ср. огласованную нунацию в семит. формах мнж. ч. -(u) na , -(i)na .

го артикля⁵⁴. К местоимению (согласно К.Е. Майтинской - указательному с корневым λ -⁵⁵) возводима и уральская постпозиция. Из того же местоимения выводят и уральский показатель генитива⁵⁶, развившийся из λ -ового суффикса притяжательных определенных прилагательных⁵⁷. Принимая во внимание упомянутый бореальный закон исхода, можно думать, не является ли в уральском и случай исхода на другой назал - аккузативный признак γ - генетически связан с первым. Ведь не только в афразийском постпозиционная детерминация дала то мимацию (ср. аккад. *kalbum* в одних языках, то нунацию (ср. араб. *kalbum*) в других, но и в индоевропейском имеем показатель аккузатива в одних языках - m (ср. лат. *lupum*, а в других - n (ср. греч. $\lambda\upsilon\kappa\epsilon\upsilon$). Конечно, $-n$ и $-m$ в уральском различаются не по языкам, а по значению, однако нет препятствий полагать, что и в уральско-алтайском закон исхода реализовался точно таким же образом. Тогда именно протоуральский генитив/аккузатив $-n/-m \leftarrow \gamma$ - N оказывается мостом между афразийской мимацией и индоевропейским аккузативным формантом, поскольку он связан как с вероятным местоименным происхождением⁵⁸, так (в случае аккузатива) и с детерминирующей функцией (такого же происхождения)⁵⁹. Теоретически это рисуется так. В общебореальском существовал некий *status determinatus*, который реализовался присоединением детерминанта γ - ma . Но будучи местоимением, он оказался в постпозиции, поскольку, согласно А.Б. Долгопольскому, местоимения в функции определения шли за определяемым⁶⁰. В уральском отразился фонематический (в бореальном смысле) вариант этого детерминанта - местоимение γ - me ⁶¹. В эргативном строе логический объект при выражении

⁵⁴ См. И.М. Дьяконов. СХЯ, 58; ЯДПА, 215; иначе Г.Л. Гелб, там же.

⁵⁵ См. ОФУЯ, 379, § 300; ФМС, 79, 76.

⁵⁶ Ср. ОФУЯ, 240, § 47.

⁵⁷ Там же; Л. Хакулинен, указ. соч., § 47, В - 2.

⁵⁸ См. выше относительно генитива.

⁵⁹ Ср. Б.А. Серебрянников. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М., 1964, 72; ОФУЯ, § 53.

⁶⁰ См. А.Б. Долгопольский. Опыт реконструкции общеностратической грамматической системы. - КПСГ, 34 (закон 5).

⁶¹ ОФУЯ, 399.

состояния-процесса (дополнение в эргативном предложении) совпадает с логическим субъектом при выражении состояния-статива (подлежащее в абсолютном предложении), поскольку обе категории связывались с инертным именем, сочетавшимся с инертным глаголом как подлежащее и с процессивным как дополнение. Разложение эргативной конструкции сопровождается появлением "совмещающих" падежей – напр., в индоевропейском – эргатива/номинатива/генитива на $\frac{v}{s}$ и абсолюта/номинатива/аккузатива на $-Ø$. Итак, логический объект мог выражаться аккумулятивом, совпавшим с абсолютным падежом нулевого окончания. Но таков был аккумулятив как бывших активных (процессивных) имен, так и бывших пассивных (инертных) имен. При этом поскольку, последние никогда не имели эргатива (процессивного падежа), их номинатив сформировался из бывшего абсолюта (инертного падежа), т.е. совпал с аккумулятивом, что способствовало дополнительной маркировке последнего. В индоевропейском ее необходимость ослаблялась наличием маркировки в номинативе бывших активных имен, распространявшейся и на бывший класс имен пассивных, тем уничтожая в них совпадение аккумулятива с номинативом и переводя их в общий род. Так ограничивалась противоположная тенденция маркировки аккумулятива, которая могла начаться в бывших именах активного класса, обозначая одушевленный объект (ср. дальше), затем перейти на аккумулятив бывших имен пассивного класса, а также (из-за совпадения аккумулятива с номинативом) и на их номинатив. Такая неравномерность объясняет архаизм немаркированного номинатива/аккузатива ед. ч. среднего рода в балтийских (и славянских) языках (эта же немаркированная форма пошла и на образование с помощью ларингала собирательных имен – будущего ном. ед. ч. женского рода и ном./акк. множ. ч. среднего рода⁶²). В урало-алтайском эргативная конструкция могла начать распадаться уже в своей вербальной стадии, тогда не должно было быть никакого формального признака эргатива,⁶³ а, следовательно, и его следов для формирования, напр., признака номинатива. Поэтому дополнительная маркировка аккумулятива в уральском и алтайском была более необходима, нежели в индоевропейском. Для такой маркировки был унаследован бореальный детерминант * ш_a ,

⁶² См. *Waltistica* XI, No 1, 34.

⁶³ См. Г.А. Климов, указ. соч., 42; 43.

который уже в общеборе́йском мог в частности отличать дополнение, выражаемое процессивным (одушевленным) именем, от дополнения, выражаемого инертным (неодушевленным) именем.⁶⁴ При этом по своей природе детерминант делал имя определенным. Возможно, эта двойственная функция — обозначение и определенности, и аккузатива — делала употребление детерминанта в уральском и алтайском (об индоевропейском см. выше) неустойчивым, поскольку при наличии тенденции к обозначению им только определенного аккузатива, неопределенный аккузатив неодушевленных имен оставался совпадать с номинативом.⁶⁵ В уральском из-за этой непоследовательности признак аккузатива вообще не закрепился в венгерском и хантыйском, а в алтайском — напр., древнетюркском — сложилось совершенно произвольное употребление оформленного аккузатива.⁶⁶

Согласно бореальному закону исхода $-ma = -m\phi = -N = -n\phi$ $-na$, в индоевропейском реализовался аккузатив $-m, -n$, в уральском — $-ma, -m$ и того же происхождения (о связи см. ниже) генитив $-n$, в алтайском аккузатив $-ba, -b\dot{a}$, генитив $-n$. Связь генитива и аккузатива в уральском и алтайском отражается, напр., в финно-угорских фактах. Согласно К.Е. Майтинской, "судьба прафинно-угорского акк. $^*m$ во многом связана с судьбой ген. $^*n$, во-первых, акк. $^*m$ в ряде языков совпал с ген. $^*n$, во-вторых, слабо или даже сомнительно представлен $^*m$ в угорских и пермских языках, т.е. как раз там, где ген. $-n$ вообще не удалось обнаружить. В-третьих, употребление $^*m$ для выражения прямого дополнения (как и употребление $^*n$ для выражения притяжательной связи) в праязыковое время не во всех случаях обязательно".⁶⁷ Особенно важно второе положение. При этом Б.А. Серебrenников вообще отрицает возможность специального генитива в уральском.⁶⁸ Надо думать, в уральском и алтайском аккузатив появился, как и в индоевропейском, в двойной форме: $-m$ и $-n$ с той разни-

⁶⁴ Ср. там же, 232.

⁶⁵ Так — Б. Коллиндер и др. для уральского — см. О Ф У Я, 243.

⁶⁶ Ср. А.С. Аманжолов. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. М., 1969, 23; этот падеж оформляется не только через $n(i)$, но и формантами иного происхождения.

⁶⁷ О Ф У Я, 242, § 50.

⁶⁸ Б.А. Серебrenников, указ. соч., 69.

цей, что употребление одной или другой было связано не с определенным языком (ср. также мимацию и нунацию в афразийском), а с какими-то оттенками, которые позволили $\sqrt{n}$ -овому варианту стать обобщенным на обозначение притяжательных определений-прилагательных и позднее восприниматься в качестве форманта генитива. Может быть также, что в уральском и алтайском пережитком поздне-эргативного строя явилось возникновение "совмещающего" генитива/аккузатива, подобного индоевропейскому генитиву множ. числа, транспонированному из аккузатива ед. числа,⁶⁹ так что аккузатив смог выбрать $\sqrt{n}$ -овый вариант, а генитив — $\sqrt{n}$ -овый вариант реализации. Вероятно, здесь следует искать причину аккузативного употребления генитива с личным глаголом полного действия повествовательного наклонения.

В свете сказанного надо уточнить гипотезу связи n -ового генитива с указательным местоимением, о которой говорилось выше. Возможно, что как раз указательное местоимение на n -, встречающееся лишь в формах множ. числа, восходит к признаку генитива, переосмысленному как связка. Либо же оно абстрагировано из редуцированной формы множественного "они": $*m\epsilon + *m\epsilon = *m\epsilon m\epsilon \rightarrow *nt-m\epsilon$, т.е. из ее диссимилировавшегося первого слога (ср. фин. *nämä*, морд. *ne*). Такая абстракция могла быть возможна из-за наличия детерминированных местоимений типа $*to-m\epsilon$ (ср. хант. *tomí*, манс. *ton*, фин. *tämä*).

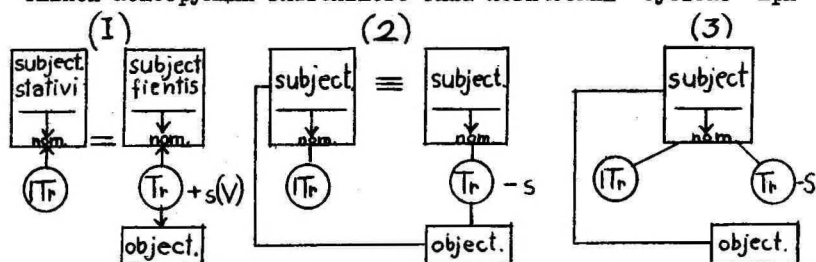
Итак, генитив n и аккузатив m употребляются не во всех уральских языках потому, что первоначально падеж на $*n$ обозначал определенный объект, а неопределенный выражался чистой основой, равной номинативу, что зафиксировано в самодийских языках. Впоследствии в одних финно-угорских языках на все случаи аккузатива был обобщен первый случай, а в других (угорско-пермских) — второй.

Как упоминалось, для эргативного строя характерно наличие субъектно-объектного управления. Следом объектного управления можно считать, напр., индоевропейский формант 3 лица ед. ч., некогда указывавший на логический объект и грамматически с ним связанный — местоименного происхождения $\sqrt{t} = *ta$. Инертные глаголы такого форманта не имели. Отражением такого состояния являются индоевропейские атематическое и

⁶⁹ Ср. Г.А. К л и м о в, указ. соч., 189.

тематическое спряжение.⁷⁰ В протоуральском же связанный с процессивным (в частн. – транзитивным) глаголом логический субъект – бывшее процессивное имя (активного класса) – не получил впоследствии такого номинативного признака, который отличал бы его от номинатива бывших инертных имен (пассивного класса). В результате как номинатив имен пассивного класса, связанный с интранзитивным глаголом, при котором не может быть объекта, так и номинатив имен активного класса, связанный с транзитивным глаголом, при котором объект может быть, оказались совершенно одинаково оформлены (I). В эргативной конструкции глагольного типа логический субъект при

транзитивном глаголе отличается от логического субъекта при интранзитивном тем, что первый управляется глаголом, имеющим показатель объекта. При разложении эргативной конструкции оказалось возможным сохранять признак объекта и тогда, когда дополнение отсутствовало. Это означало, что признак объекта стал переосмыслен как признак транзитивности (ср. уральск. окончание 3 л. ед. ч. $-s$). При совпадении же номинатива при транзитивном глаголе с номинативом при интранзитивном переосмысление признака объекта в признак транзитивности привело к устранению всякой морфологической оппозиции между субъектом интранзитивного и субъектом транзитивного глагола (2). В результате этого объект транзитивного глагола смог совпасть с его субъектом (ведь первый с самого начала совпадал с субъектом интранзитивного) (3). Такое явление в своем распространении ограничивалось противодействующими факторами – напр., оформлением определенного объекта признаком аккумулятива $*N$ или сохранением показателя транзитивности – окончания 3 л. ед. ч. – лишь при наличии объекта. Последнее спо-

собствовало сохранению и развитию унаследованного от эргативного строя объектного спряжения.⁷¹ Наличие упомянутых факторов не позволило и употреблению аккузативной формы, совпадающей с номинативной, распространиться далее безличных и императивных конструкций, т.е. тех, в которых тождественная номинативная форма как раз и не могла быть употреблена. В алтайском древнетюркском эти ограничения, как упоминалось, не оказались способными воспрепятствовать расширению сферы употребления неформального аккузатива.

Итак, сравнение неуральских бореальных фактов с функцией уральской местоименной постпозиции заставляет предположить существование в общеборейском детерминированных форм, отражаемых также в афразийской мимации, индоевропейской местоименной постпозиции, индоевропейском, уральском и алтайском аккузативе, в уральском, алтайском и дравидийском генитиве. Дальнейшая роль уралистики состояла бы в выяснении возможности единого происхождения показателей генитива и аккузатива -п, -н (вероятно, это осуществимо лишь при учете родственных явлений в алтайском, восстанавливая исходный показатель *-ну, результатом чего явилось бы подтверждение постулируемого для борейского закона исхода. Но этим значение уральского материала не исчерпывается. На основании некоторых форм личных местоимений можно сделать вывод о процессе вторичной эргативизации, которая (в согласии с аналогичным процессом в индоевропейском) показывает, какие использованные для этого локативные форманты в позднейшей истории афразийского на исходе периода эргативной конструкции смешанного типа⁷² дали эргативно/номинативный и родительный падежи. Из приведенной реконструкции бореальных местоимений видно, что в уральском и алтайском, например, отсутствовала форма абсолюта 1 р. sg. На, На. С другой стороны, представленная в уральском форма с корневым т восходит к абсолютному ряду. Возможно, неразличение форм эргатива и абсолюта I л.ед.ч. имело место уже в урало-алтайском состоянии. Более того, принимая во внимание, что борейский был языком глагольного эргативного предложения (см. выше), можно допустить, что разли-

⁷¹ К такому объяснению приближается О Ф У Я, § 166.

⁷² См. Г.А. Климов, указ. соч., 42-43.

чие по рядам вообще было характерно лишь для ряда диалектов (напр., индоевропейского и афразийского), хотя и в них могла быть одного корня форма эргатива и абсолюта 2 л. ед. числа. Это могло повести, напр., к образованию форм эргатива при помощи вспомогательного форманта $\text{d}\epsilon$, $\text{d}\epsilon||\text{d}\epsilon$, который при сочетании с корневым $\text{t}\theta$ мог дать в афразийском $\text{t}\epsilon\text{d}\alpha > \text{k}\epsilon\alpha > \text{k}\epsilon^{73}$. Поскольку объяснять таким образом происхождение индоевропейского глагольного форманта 2 р. аф. — ненадежно (имеется лишь изолированный греко-армянский факт местоимения $\text{b}\theta$, $\text{k}\epsilon^{74}$), представляется убедительным возводить корни местоимения 2 л. ед. числа как в индоевропейском, так и в общеберейском к двум дейксическим частицам $\text{t}\epsilon||\text{d}\epsilon$ и $\text{t}\epsilon||\text{t}\theta$ (см. далее), из которых одна была использована для образования основы абсолюта (и.-е. $\text{t}\theta$), а другая — эргатива (и.-е. $\text{t}\epsilon$ в атематических глаголах при употреблении в местоименных составного эргатива $\text{t}\theta + \text{d}\epsilon \sim \text{d}\epsilon||\text{d}\epsilon$), в то время, как в уральском использовалась лишь основа с $\text{t}\epsilon$, а в алтайском — лишь основа с $\text{t}\epsilon$. В период перехода эргативной конструкции к смешанному типу в урало-алтайском возникает различие местоимений по абсолютному и эргативному рядам. Для этого был использован формант $\text{t}\epsilon$: формы чистой основы $\text{t}\epsilon$, $\text{t}\epsilon||\text{d}\epsilon$; $\text{t}\epsilon$, $\text{t}\epsilon||\text{t}\theta$ употреблялись как инновационный абсолют, а формы $\text{t}\epsilon$, $\text{t}\epsilon$ — как инновационный эргатив. Кроме того, инновационным абсолютном была и детерминированная форма $\text{t}\epsilon$, $\text{t}\epsilon$ — $\text{t}\epsilon$, послужившая основой для инновационного эргатива $\text{t}\epsilon$, $\text{t}\epsilon$ — $\text{t}\epsilon$, следы которых являются фин. $\text{min}\epsilon$ и minu . Рационально формант $\text{t}\epsilon$ также возводить к дейксической частице $\text{t}\epsilon||\text{d}\epsilon = (?)$, от которой произошло, напр., как индоевропейское и уральское указательное местоимение $\text{t}\epsilon$, так и относительное $\text{t}\epsilon$. Именно из относительного значения развилось possessivное, напр., в уральском: фин. silmi "глаз" — $\text{silmi}(\text{vete})$ "глазная (для глаз) (вода)", саам. $\text{l\ddot{a}st\ddot{a}}$ "лист" — $\text{l\ddot{a}st\ddot{a}}$ "лиственный"; в индоевропейском греч. πάτερης , лат. pater "отец" — pateris patrius "отцовский"; в афразийском; араб. qalb "сердце" — qalbi — (qalbi —, вероятно, glide при присоединении падежных окончаний) "сердечный"; с этим значением связан и формант генитива: qalbi "сердца", 'aynā(-ni) "два глаза" — ген. 'aynā(-ni) (qalbi — неслоговая реализация того же форманта) — типологически ср. балтийский possessivно-определятельный генитив: латыш. sirds kaite

⁷³ См. В е l t i s t i c a X, No 1, 57.

"болезнь сердца" и "сердечная болезнь". То же самое относительное местоимение, что и в афразийском, использовано для образования генитива в индоарийском: - ср. сскр. *vṛkas* "волк" - ген. *vṛkaś-ya*⁷⁴, и в балтийском - ср. прусс. *štas* "тот" - ген. *šteſſe* < *s- + *tes-e < *t^aš-s-i^aš⁷⁵. Из possessивного значения форманта *i развилось и его диминутивное значение - ср. в уральском эст. *tulu-ke* "огонек" < *tului- < *tuloi < *tula-и при *tula "огонь" > приоб.-фин. *tuli*⁷⁶; фин. *istu-n* "присаживаюсь" < *istui-n < *istoi-n < *ista-i -и; в индоевропейском греч. *παῖς*, ген. *παῖδος* "мальчик" - *παιδός* "ребеночек"; в афразийском араб. *raġl* "человек" - *ruġa-i-l* "человечек" - семантически "огонек" и есть "относящийся к огню", но еще не "огонь", т.е. "огненный", "огня"; "ребеночек" - "относящийся к мальчику", но еще не "мальчик" и т.п. Наконец, из указательного значения местоимения *ia||i⁷⁷ = (?)i выводимо его локативное значение, широко использованное в образовании индоевропейских дативов/локативов. Такое значение сближает его с другим сонантным формантом - u локативное употребление которого в индоевропейском также бесспорно - ср., напр., сскр. *vṛkaśu* = слав. *вѣлкѣхъ *vilkoi-s-u* и балт. *vilkūsu* < *vilkō-s-u (-s- - показатель множественности). В афразийском же u выступает как признак локатива/эргатива/номинатива⁷⁷. Поскольку локатив совпадает с эргативом во многих языках⁷⁸, можно полагать, что и в индоевропейском присоединение форманта *ia||i* к корню 2 p.eg. *t^h* (откуда и ном. *tī*, косв. *tja-*, *ta-*) было компенсаторным способом создания соответствующей основы эргативного ряда. Но аналогично должен был использоваться и локативный формант i, что, вероятно, и засвидетельствовано в урало-алтайских формах *mənai > ур.-фин. *mi-nu-*; алт. *ənai; ур. *tənai > *tōnai > *tōnoi > фин. *tinui *sinu-*.

И наконец, вернемся к замечанию, что местоимение 2 л.ед. числа могло восходить к двум разным действительным частицам:

⁷⁴ См. В.В. Иванов. Тохарские языки, 28.

⁷⁵ См. V. Mažiulis, ВК, 91.

⁷⁶ Ср. Л. Хакулинен, указ. соч., § 23 Г; относительно **-a>-i* см. там же, § 23 А.

⁷⁷ См. И.М. Дьяконов, СХЯ, 55.

⁷⁸ Ср. там же.

бор: *sa||sθ и *ta||tθ. Оба эти корня засвидетельствованы в указательных местоимениях. С другой стороны, I p.sg. *ma также тождественно соответствующему указательному местоимению. Такую смелую мысль обоснованно высказал В.Я. Миркин, пытавшийся, однако, использовать ее для отрицания индоевропейского супплетивизма⁷⁹. Существование одних и тех же дейктических частиц для указания на предмет и на лицо (соответственно степеням близости) могло стимулировать в диалектах употребление различных огласовок одного корня - напр., *m в значении I л. ед. числа и ma, mē (т.е. отсутствие огласовки -ma =mθ!) в значении указательного местоимения. При этом частица ma = mθ = n = nθ = na (nē) эвентуально могла быть избрана и для обозначения 2 л. ед. числа - ср. дравидийские языки, где основа 2 p.sg. ne- присутствует наряду с глагольным окончанием 2 p.sg. -ti, (брагуи) -isa, а в брагуи глагольным суффиксом может быть в I л. ед. числа -t а во 2 л. ед. числа -s.

В сумме всего вышеизложенного в качестве рабочей гипотезы можно набросать такую схему морфологии боре́йского надязыка:

	status absolutus	status ergativus	(dativus/) locativus	status determinatus
pron. pers.				absolutus ergativus
1 sg.	Ha, Ha	mə, ma nə, na	mi ⁸⁰	meN, maN mənai
2 sg.	tə, ta	sə, sa	tu	teN, taN tənai
1 pl. excl.	uəh (?)	nə, na	---	səN, saN sənai
1 pl. incl.	ma mθ +...	---	---	---
pron. indef. animata				
	kə, ka	kə ⁸¹ , kas ⁸²	ku ⁸³	keN, kaN, kin

⁷⁹ В.Я. Миркин. Топология личного местоимения. - ВЯ 5 (1964), 78-86; толкование вторичности и.-е. 1 p.sg. *eg(h)- (в действительности - *e-g(h)o - см. Baltistica X, Vol. 56; K. Brugmann, Grundriss der vergleichenden Grammatik der idg. Sprachen. Strassburg. II-2, 1911, § 380I: ничем не обосновано.

	status absolu- tus	status ergati- vus	(dativus/) locativus	status determi- natus
				absolu- tus ergati- vus
inanimata	(mē,) mē	----	--	---- mēmē, mēmē
pron. demonstr.	Hē, Ha	iē, iā = i ₁		HeH, HaH
	tē, ta	eē, ea		teH, taH seH, saH
"nomina" ⁸⁴				
animata	dēga ⁸⁵	dēga, dēgas	dēgu dēgi	dēgaH ---
inanimata	kēla ⁸⁶	---	kēli	---
"verba" ⁸⁷	(stati- vus)	(fiens)		
1 p.sg.	ka ⁸⁸ mēHa	ka ⁸⁸ mē	---	ka ⁸⁸ mēH -mē
2 p.sg.	ka ⁸⁸ mēta	ka ⁸⁸ mē	---	ka ⁸⁸ mēH -te
	ka ⁸⁸ mētē	ka ⁸⁸ mētē	---	

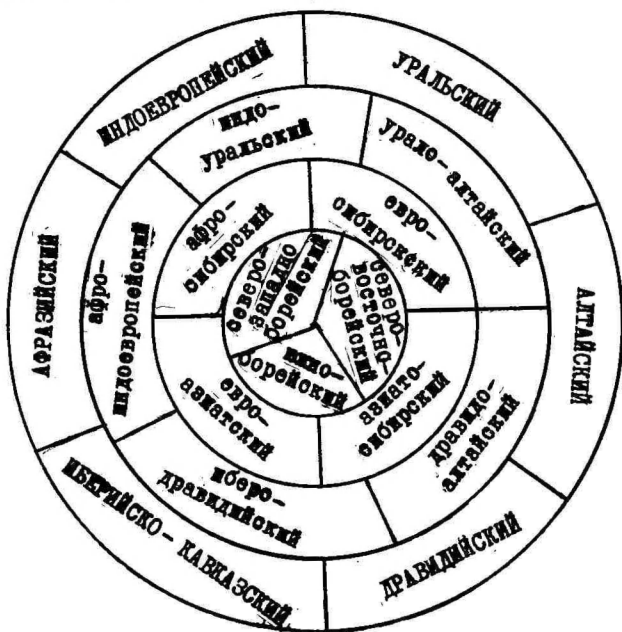
⁸⁰ Ср. в индоевропейском вост.-балт. mune, слав. мѣнѣхъ хетт. энкл. -mu.

⁸¹ Как упоминалось выше (см. текст к сн. 77), совпадение эргатива с локативом — типологически частое явление; в обречальной семье имеется не только и.-е. эргатив на -s, но и эфз. датив-локатив на -s-см. И.М. Дьяконов. СХЯ, 55 и сн. 7; как показывает таблица, признаки эргатива местоимений в одних семьях могли совпадать с признаками эргатива имен в других (ср. u); поэтому имеет смысл трактовать, напр., вст. kas как реликт эргативного образования. Сам эргатив на -s вероятно, восходит к указательному (откуда и локативное значение!) местоимению sa || eē.

⁸² Можно предположить существование в индоевропейском двух эргативов: *kas и *ku. Следом первого является хетт. ном. kas, второго — все прочие формы этого местоимения, реконструируемые с инициальным *k⁸⁹, а также балтийские локативы ku-г, прусс. quei < k⁸⁹-ei. Сюда же финно-угор. ku-а, показывающее совмещение в -s эргативного и локативного значений.

⁸³ См. сн. 81.

Уже из этой таблицы видно, что общеборейский не представлял из себя суммы языковых моделей, восстанавливаемых для дочерних систем — напр., эргативы *dəgax* и *dəgu* могли существовать в разных диалектных ареалах, как и неоформленный эргатив *dəga*, который (с точки зрения развития эргативной конструкции из ее глагольного типа)⁸⁹ старше первых. В то же время, общеборейский не являлся начальным пунктом родословного дерева, ибо тогда одни и те же грамматические средства существовали бы в одних и тех же дочерних системах (напр., эргатив на *-ə* или на *-u*), а не встречались бы перекрестно (напр., *-ə* для имен, *-u* для местоимений в одних и *-u* для имен и местоимений в других). И, наконец, все дочерние системы генетически родственны, как вследствие общности фонетики и морфологии (эргативный строй, единство "флексий"), так и лексики. Видимое противоречие разрешает отказ как от традиционной схемы родословного дерева, так и от волновой схемы Пиндта, в какой-то мере поддерживаемых московской ностратической школой. Взгляды последней⁹⁰ схематически можно было бы представить так:

Но можно ли доказать существование хотя бы одного из проявлений бореальной над-семьи, напр., индоевропейского? Были ли диалекты бореального четко разграничены или же, что всего вероятнее, они просто не совпадали с границами известных дочерних семей, т.е. "приндоевропейский" включал в себя часть "прауральского", "прауральский" - часть "приндоевропейского" и "праалтайского" и т.п.? Последнее предполагает контактное родство бореальных волн, которое, тем не менее, еще не означает отсутствия генетического родства. Действительно, рациональнее признать контактное развитие бореальных диалектов из одного генетического центра (с поправкой на возможность контактирования и с не-бореальными системами), так что не остается места для конструирования индоевропейского или уральского "проязиков" в шлейхерском или шмидтовском духе. Это согласуется и с тем, что до сих пор не удается реконструировать ни одного изолированного праязыка. В книге "О схожести языков"⁹¹ А.-М. Уессон, резонно критикуя схемы Шлейхера и Шмидта, предлагает свою концепцию, на которой отчасти основана и приводимая ниже схема. Смысл ее состоит в сочетаемости генетического сходства с контактным родством. К сожалению, автор отвергает традиционное понятие генетическо-

⁸⁴ В общепорейском имена и глаголы вряд ли были дифференцированы.

⁸⁵ Консонантизм восстановлен по В.М. Иллич-Свитич, ОС, 147-150; слово *dəga* "рыба" взято от туда же, 219 (*diga*).

⁸⁶ Взято от туда же, 305 (*kāla* "озеро").

⁸⁷ В парадигме статива к основам прибавляются формы личных местоимений абсолютного ряда, а в парадигме процесса - эргативного ряда; слово *kaṃa* "хватать" взято из указ. соч., 290 (*kaṃu*).

Ср. в афразийском восточносидамские формы, где А.Б. Долгопольский (О происхождении личных окончаний глаголов. - *Africana* IX (1972), 109) предполагает инфиксацию вспомогательного глагола.

⁸⁹ Ср. Г.А. Климов, указ. соч., 165, 167-168.

⁹⁰ Ср. В.М. Иллич-Свитич, ОС, 45; Этимология 1965. М., 1967, 324-325.

⁹¹ А.-М. Уессон. On Linguistic Affinity. The Indo-Uralic Problem. Мalmö, 1970.

EXPERIMENTAL RECONSTRUCTION OF THE COMMON BOREALIC MORPHOLOGY. THE PROBLEM OF ERGATIVE

L. Palmaitis (Vilnius)

S u m m a r y

Summing up conclusions of many scholars (especially of indoeuropeists, uralists and afro-asiatists) the author offers on the basis of abundant research material to treat the structure of Common Borealic as an ergative one and in this aspect to put together into grammatical system the morphological elements common for the main Borealic families (see scheme on page). He considers all reconstructive models of our days not to be able to get out of field of hypotheses, so he presents suggestions of his own as an example of a kind of experimentation, the verificative criterion of which may be the euristicism of the model obtained. All reconstructions are based on the scheme of consonantism suggested by V.M. Illich-Svitch and on the author's scheme of vocalism

ə	(ö)
a	(ä)

On the basis of the Uralic facts (the function of the pronominal postposition -n(a)) the Common Borealic status determinatus is traced out. According to the logic of the proposed hypothetical model the traditional schemes of A. Schleicher and J. Schmidt are to be refuted and the present linguistic families are to be explained as a result of a contact development of the genetic related units (see the last scheme).

О СТАРЫХ СВЯЗЯХ МОНГОЛОВ С ПАЛЕОАЗИАТАМИ
ПО ДАННЫМ ФОЛЬКЛОРА

И. Ринчен (Улан-Батор)

Монгольский фольклор, еще столь мало изученный историками культуры этого древнего народа, хранит немало любопытных свидетельств стародавних связей монголов со многими народами Старого Света и ныне эти связи с развитием монгольской филологии и советской археологии начинают подтверждаться и их данными.

Известный советский этнограф, профессор Богораз-Тан, полвека тому назад знакомя меня с этнографией и фольклором палеоазиатов, рассказывал, что в легендах чукчей земля и небо соприкасаются друг с другом и края их при ударе раздавливают птиц, не успевших пролететь между ними, а сильный ветер в определенную пору несет с той стороны пух и перья погибших птиц.

В древних монгольских представлениях о земле и небе мы имеем почти то же самое, с той лишь разницей, что у конного монгольского народа добрые мужи на добрых конях успевают проскочить между небом и землей и лишь иногда край неба отрубает концы хвоста быстроногих скакунов, на какое-то мгновение опоздавших. Простые же всадники на обыкновенных конях при попытке проскочить между краями земли и неба обычно расщипываются жизнью за свою дерзость.

Сказатели этих преданий добавляют при этом, что на добром скакуне можно уйти и от удара молнии: наездник, застигнутый в степи грозой, вдруг видит мгновенно появившийся на мокрой траве круг синего огня, за которым следует удар молнии и грохот грома, когда круг сомкнется. Иногда этот синий круг может появиться и вокруг скачущих всадников и тот, кто успел выскочить из него до удара молнии сверху, спасается, а тот, у кого конь был похуже, бывает поражен ударом.

Вечно сталкивавшиеся, подобно Сцилле и Харибде древней греческой мифологии, края земли и неба называются у монголов "ᠵᠠᠵᠠᠭ ᠲᠡᠭᠦᠷᠢ-ᠤᠯᠢᠨ ᠰᠠᠪᠰᠠᠯᠤ-ᠠ" - "толчеей земли и неба". И перед нами встает вопрос: эти непрерывно и мерно ударяющиеся края земли у монголов и чукчей - случайность или свидетельство стародавних связей этих отдаленных народов? И сохранила

ли народная память монголов еще какие-нибудь данные, говорящие об этих, несомненно, древних связях?

Монгольский фольклор может дать на это положительный ответ и даже в некоторых случаях указать эпоху.

Предания о собакомушье народе "ногай егетен", обитающем на далеком северо-востоке, были широко распространены у монголов лесостепной зоны, северные лесные массивы которой составляют южную оконечность Сибири, не кончающейся только государственной границей СССР.

Здесь нелишне отметить, что русское название Сибирь и Siberia, Siberie, Sibirien, попавшие в европейские языки через русский язык и труды первых русских ученых-исследователей Сибири, имеют свое соответствие в Siberi монгольского письменного языка, строго научная орфография которого, построенная на фонетическом, морфологическом и традиционном, в случае заимствований из других языков с высокой письменной культурой, принципах, по мнению выдающегося советского монголиста академика Владимирцова, имеет для истории монгольского языка ценность и древность большую, нежели свидетельства дошедших до нас памятников орхонской письменности тюрков для истории тюркских языков, позволяя восстанавливать древнейшие формы благодаря исключительному богатству литературных памятников разных эпох развития письменного и устолитературного языка монгольского героического эпоса.

Само название Сибирь - Siberi письменного языка во всех современных монгольских языках произносится как Шибирь, Шибирь, Шибир и означает 'страна лесов; место, поросшее густым и непроходимым лесом; лесная глушь, густая и трудно проходимая чаща'. Русская же форма Сибирь свидетельствует о том, что первые русские землепроходцы еще застали форму на си-, которая впоследствии в монгольских языках перешла в ши- во всех без исключения случаях. И эта позднейшая форма на ши- также зафиксирована в более позднейших русских документах, касающихся южной Сибири, в частности Забайкалья: Мухуршибирь, Мухур Шибир - название местности, значащее "Лесная глухомань, глухая лесная чаща, непроходимая лесная чащоба" и в классическом монгольском письменном языке орфографируемое Muqur Siberi. Поэтому монголоязычная топонимика Сибири в русском языке и точно датированные уникальные документы архивов Сибири и Ленинграда позволяют установить время, когда многие формы, зафиксированные классическим письменным языком, пре-

терпели закономерные изменения в XVI-XVII веках и превратились в нынешние. И я надеюсь, что ученые-монголисты будущего, достойные продолжатели выдающегося советского монголиста, академика Бориса Яковлевича Владимирцова, обратят когда-нибудь свое внимание на эти уникальные сокровища советских государственных архивов и обогатят их исследованиями монголоведение.

Занимаясь почти полвека собиранием, изучением и публикацией нашего богатейшего фольклора, я отбирал понемногу все предания, услышанные и записанные в разное время и в разных местах Монголии, и пытался расположить их в своих собраниях в последовательности описываемых в них эпизодов. Первым по порядку оказалось одно предание, записанное мною летом 1927 года у старика-сказителя Цериндорджи из Ноин-ульского хошуна Богдохан-ульского аймака того времени.

В этом предании говорится, что во времена Бутунцара Мергена один великий шаман - дзарин из рода Кият Борджигинов решил с горсточкой отважных и любознательных воинов отправиться по южным склонам лесистого хребта Хан Кентей на северо-восток - узнать, докуда доходят концы хребта и проверить, правда ли то, что в этой стороне сорока четырех грозных черных богов живет народ *ноцай еретен* - собакомужий народ старых преданий отцов.

Путешественники кормились охотой и встречали на своем пути бродячих охотников и их редкие стойбища и племена, язык которых был им непонятен. Наконец им стали попадаться женщины, ездившие на санях, запряженных собаками, и стойбища, где были женщины, дети и много собак, но не было взрослых мужчин. И путешественники решили, что они попали в далекую страну собакомужьего народа *ноцай еретен*. Они дошли до берегов великого моря и видели большую гору, на вершине которой днем куржился дым, а ночью виднелось багровое зарево.

В монгольском героическом эпосе, глубокому древности которого подтверждает и тот факт, что в нем говорится о битвах с тохарами, народом, который сошел в девятом веке с исторической арены в небытие, былинные богатыри вступают в единоборство с великанами - многоголовыми мангусами, многие из которых живут в недоброй северо-восточной стороне света. "Днем они охотятся на северных склонах гор и поражают стрелами столько зверя, что лежит он, как помет овец и коров, на южных склонах гор убивают столько зверя, что лежит он куча-

ми, как навоз на стойбищах, а вечером жарят свою добычу и пожирают ее, выплевывая большие кости через углы рта и выфыркивая малые через ноздри". Путешественники решили, что на этой большой горе и есть стойбище великанов мангусов, которые уходя на охоту, засыпают пеплом дымящиеся угли, чтобы они не погасли, а вечером, вернувшись после охоты, раздувают тлеющие угли и жарят на костре свою добычу.

Путешественники попытались, рассказывает предание, осмотреть днем стойбище мангусов, но не дошли до вершины горы, испугавшись, что не успеют спуститься с нее до возвращения мангусов и будут съедены великанами. А на том месте до которого они поднялись, воздвигнули по обычаю предков каменную кучу — "обо", положив в ее основание жертвоприношения духу-хозяину горы, чтобы он помог им вернуться целыми и невредимыми.

Бутанцар Мерген в этом предании никто иной как Бодончар-Простак "Сокровенного Сказания Монголов" XIII века, которого его люди называли, конечно, не Простакон, а Мудрым Мергеном. Жил он в X веке. Время путешествия монгольских землепроходцев, таким образом, установлено. Море могло быть только Беринговым. Горой, вершина которой курится днем и освещивается ночью багровым отблеском огня, могла быть Ключевская сопка. Необходимо было для проверки своих выводов разыскать каменную кучу "обо" на склоне сопки и поискать под ней то, что могло остаться от принесенных в жертву духу горы подношений Князя Борджигинов. По старому обычаю и в наши дни принято класть монеты в обоны, значит, если наши предположения верны, то в обоне Ключевской сопки должны быть монеты того времени.

Счастливым случай помог мне проверить свои предположения. В январе 1957 года, проездом на родину, я встретился в Москве с моими советскими друзьями, писателями Е. Долматовским и А. Борщаговским, бывавшими в Монголии. Писатель Борщаговский рассказал мне, что побывал на Камчатке вместе с одним владивостокским профессором-синологом и, поднимаясь на Ключевскую сопку, нашел на ее склоне каменную кучу, которая ему так напоминала монгольские обоны на горах и перевалах. Разобрав каменную кучу, он обнаружил под ней медный монгольский старий кувшин, резную костяную статуэтку антропоморфного божка и несколько старинных монет, которые профессор-синолог определил по иероглифам, как сунские, т.е. принад-

лежание X века.

По древним шаманским верованиям монголов, души умерших глав родов и племен и их великих шаманов - дзарингов и шаманов - аджда после смерти и похорон их в горах делается духами-хозяевами земель своего рода. Монгольские землепроходцы не могли положить в основание воздвигаемого ими обона изображение своего монгольского духа, хозяина их кочевий на родине. Где-то на территории, прилегающей к Ключевской сопке, они должны были достать статуэтку шаманского божка. Найдя ее в какомнибудь стойбище, они сочли, что это и есть дух-покровитель и хозяин тех мест. Великий шаман-дзарин мог сделать специальный обряд в ночь перед восхождением и на языке богов или языке духов, которому обучались некогда шаманы,² объяснить духу горы, что они посвящают ему его "весное тело" на его земле, т.е. статуэтку, в которой он может пребывать на своей горе. Этим объясняется находка статуэтки местного происхождения - чукотского или эскимосского изображения божка, которое вполне соответствует шаманским представлениям монголов о "вечном теле" духа, покинувшего свое брренное земное тело из плоти и кости.

Предания этого цикла рассказывают также о том, что на обратном пути в свои кочевья монгольские землепроходцы забирали в полон женщин этого народа (собакомухлых лицей) и имели стычки с преследователями и вражескими шаманами, из которых выходили победителями благодаря превосходству вооружения и дальнобойности своих луков. Великий дзарин силой своих духов-покровителей побеждал духов, которых насмехались противники, и путешественники вернулись из далекого пути в суровую и бедную страну северо-востока, обиталища мангусов и грозных черных духов монгольского шаманского пантеона.

Предания повествуют, что полоняники тосковали по своей далекой родине и от этого весной у них появлялись на бедрах синие пятна. Тогда они просили своих мужей достать им мяса диких оленей и рнб:

² О языке богов см. мою статью *Zum Kult Tschinggis-khans bei den Mongolen. Opferlieder Tayily-a-vin dayun* в *Opuscula ethnologica memoriae Ludovici Birc*, Будапешт, 1959, стр. 9-22. В монгольском шаманизме существует "язык богов" и "язык духов - онгонов", которым я собираюсь посвятить специальную статью.

"Устали зубы от мяса лошадей и скота,
Вкусного мяса дичи и рыб хотят они!"

Строгали женщины и ели сырой мороженую оленину и рыбу-пищу народа собакомузьяго, говорит предание, и проходили после этого сильные пятая тоска по родной земле.

Монголы не едят сырой рыбы и сырого мяса, поэтому предание донесло до наших дней эту странную пищу, столь характерную для палеоазиатов — строганину из мороженой рыбы и оленины.

Среди этих преданий, записанных мною в разное время, есть и легенды, сообщенные мне Баточиром из Сеценхановского аймака, членом монгольской академии литературы — *Sudar bi-sig-ün küriyeleng*, организованной в 1921 году, и последним Сецен ханом Наваннерином. В них упоминаются и племена Быко-ногих — *Üker köiten* и *Neqai terigüten* — Собакоголовые или Псоглавцы — синоним *Neqai ereten* Собакомузьяго народа монгольских преданий и Земля Псов *Neqai-yin yajar* на дальнем северо-востоке — свидетельства древних стыков монголов с палеоазиатами, которые частично попали и в сообщения средневековых европейских путешественников на Восток, в Монголию. В частности, итальянский монах-францисканец Пино де Карпини, посол папы Иннокентия IV к монгольскому великому хану Гуюку в 1245–47 годах, в своей книге *Historia Mongolorum*, переведенной впоследствии с латинского на другие европейские языки, в том числе и на русский, упоминая о своих встречах при дворе хана Гуюка с суздальским князем Ярославом* и русскими священниками, сообщает некоторые сведения о народе псоглавцев — *canina capita*, рассказанных ему последними. Те же, в свою очередь, слышали их от монголов и передали кое-что братьям францисканцам, в меру своего не очень глубокого владения монгольской разговорной речью того времени. И то обстоятельство, что ни русские священники, которых Карпини встречал в Каракоруме — столице монгольского великого хана, ни мастер Козьма, сделавший печать хана, известный только по сообщению Карпини, ни остальные европейцы, в какой-то мере

* Пино Карпини удалось даже обратить православного суздальского князя Ярослава в католицизм незадолго до его смерти в Орде, как это явствует из письма папы Иннокентия IV от 25 января 1248 года к князю Александру Невскому. См. Sbaralea H. Bullarium Franciscanum, vol. I, Rome, 1759, p. 506.

информировавшие его о монголах, не оставили никаких письменных следов, свидетельствует о том, что даже будучи грамотными и умея читать на своих языках, не овладели ученостью францисканца Карпини и не пытались оставить после себя записки о тогдашней Монголии, подобно Карпини, Рубруку и Марко Поло, который даже в генуэзской тюрьме продиктовал свою книгу о монголах того времени.

В дополнении к книге Карпини *Historia Mongalorum* мы имеем еще один любопытный текст на латинском языке, также относящийся к его путешествию и дающий многие подробности, не упомянутые Карпини. Это *Historia Tartarorum* некоего францисканского монаха C. de Bridia, представляющая информационный отчет этого путешествия, законченный им 30 июля 1247 года на основе черновых записок и устных сообщений польского францисканского монаха Бернарда, сопровождавшего Карпини в его путешествии. Отчет написан по заданию отца Богуслава, ведавшего делами францисканского ордена в Чехии и Польше и опубликован только в наше время.^{*} *Historia Tartarorum* дополняет сведения, сообщаемые Плано Карпини, и включает многие любопытные подробности и монгольские названия земель и народов дальнего северо-востока Азии, многие из которых дошли до наших дней в устных преданиях монголов о древних связях с палеоазиатами: *Wochey Kadzar* - Страна Псов, *Wochey terim* - по-видимому, описка позднейшего переписчика работы de Bridia вместо *Wochey terim* - *canina capita* Карпини, *Uscerolon* - Бичьеногие и т.п., передающие и произношение информаторов Бенедикта - русских и толмачей, и фонетические особенности монгольского языка того времени, представляющие известный интерес для монгольского филолога и заслуживающие особого исследования монгольских слов в *Historia Tartarorum*.

Письменные свидетельства этих европейских авторов XIII века позволяют нам при сравнении их с устными преданиями монголов, дошедших до нас, предполагать, что некогда древние предания о стыках с палеоазиатскими народами были в эпоху миссии Карпини к монголам очень распространены и через устные и письменные сообщения этих путешественников вызвали интерес и в Европе к этим неизвестным тогда народам, еще задолго до того, как Камчатка и палеоазиатские народы, обитавшие на далеком северо-востоке Азии, стали известны Европе.

* The Vinland Map and the Tartar Relation by R.A. Skelton, Thomas E. Marston, and George D. Painter for the Yale University Library with a Foreword by Alexander O. Vieter, Yale University Press, 1965, U.S.A.

ÜBER DIE ALTEN VERBINDUNGEN DER MONGOLEN MIT DEN
PALÄOASIATEN NACH ANGABEN DER FOLKLORE

J. Rintschen (Ulan-Bator)

Z u s a m m e n f a s s u n g

Der Verfasser des obigen Aufsatzes präsentiert zunächst einen weitläufigen Überblick über die mongolischen Mythen. Auf der Suche nach vermeintlichen Entsprechungen in der Folklore der paläoasiatischen Völkerschaften entdeckt er eine große Anzahl interessantester Parallelen. Beiläufig gibt er auch eine Menge Information über die Hundesköpfige. In einer Reihe von Fällen ist es dem Verfasser gelungen, die mythischen Persönlichkeiten mit konkreten historischen Fakten zu vereinbaren. Dadurch gewinnt die Darlegungsweise des Verfassers unheimlich an Glaubwürdigkeit.

Im allgemeinen hat sich der Verfasser der unbewiesenen Schlußfolgerungen und Hypothesen strengstens enthalten. Derartige Vorgehen verleiht seinen Darlegungen weitere Gründlichkeit, Sachlichkeit und Überzeugungskraft.

Э.Р. Тенишев (Москва)

Исследователи тюркских языков давно обратили внимание и более или менее полно определили ареалы и объем заимствований арабо-персидских, монгольских, славянских, менее китайско-тибетских и еще менее финно-угорских. Работа в данном направлении имеет большое значение для воссоздания общей картины складывания тюркской лексики.

Данное сообщение посвящено мордовским лексическим заимствованиям в татарском языке.

Мордовско-татарские языковые контакты как следствие историко-культурного взаимодействия продолжают в течение многих сотен лет. За это время слов татарского происхождения в мокша-мордовский и эрзя-мордовский языки внедрилось не менее двухсот. Специалисты заметили неоднородный характер качественного и количественного состава татарской лексики в обоих мордовских языках: в мокша-мордовском количество татарских заимствований значительно больше, чем в эрзя-мордовском. Это обстоятельство указывает, что у носителей мокшанских говоров существуют тесные контакты с носителями татарских говоров.¹ Среди последних с мокша-мордовским контактируют главным образом мишарские говоры (западный диалект татарского языка).² На мордовские слова в мишарском исследователи уже обращали внимание.³ К мокшанским лексическим заимствованиям в мишарских говорах принадлежат следующие:

1. Названия растительного мира.

а) Миш. пизёл 'рябина' (Махм. 150; ТДС 338), см. мокш.⁴

¹ А.П. Феоктистов. К проблеме мордовско-тюркских языковых контактов. — В сб.: Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965, стр. 334-337.

² Л.Т. Махмутова. Основные характерные черты мишарских говоров на территории Пензенской области (по материалам экспедиций 1958-1960 гг.). — В сб.: Материалы по татарской диалектологии, 2. Казань, 1962, стр. 150. (Сокращ. Махм.). Татар теленең диалектологик сузлеге, Казань, 1969 (Сокращ. ТДС).

³ А.П. Феоктистов, указ. соч., стр. 338.

⁴ Мокшанские слова см.: С.Г. Потанин, А.К. Имярек. Мокшанско-русский словарь. Под ред. чл.-корр. АН СССР, проф. Д.В. Буриха. М., 1949.

пизел, тат. литер. милэш.

б) Миш. паңгы 'гриб' (Махм. I50; ТДС 335). С помощью этого слова образуются наименования видов грибов: кайын паңгысы 'белянка', колак паңгысы 'дождевик', сыйыр паңгысы 'масленок'; встречается метафорическое употребление термина: паңгы баш 'бездарный, бестолковый, глупый'.

Мокшанское соответствие – панга со значениями 'гриб; головной убор мордовских женщин; грязь (на теле, голове)'. В татарском литературном языке употребляются в данном случае два термина – гөмбә, мәшкә.

в) Миш. мошкó 'конопля, пакля, кудель' (Махм. I50; ТДС 307). В сочетании с прилагательными мошкó образует названия видов конопли: кара мошкó 'конопля, не дающая семена; пос-конь, дерганцы'; сары мошкó 'семенная конопля; матерка, матка'.

Мокшанское соответствие – мушка 'волокно, кудель'. В татарском литературном употребляется киндер.

г) Миш. пазé 'посконь' (ТДС 351), см. мокш. пазяй.

2. Термины родства.

а) Миш.-ч.⁵ ур'аш 'невестка', см. мокш. ир'аш, ур'аш, тат. литер. килен.

б) Миш.-ч. пуна зэлме 'дедушка, дед', см. мокш. пу́ня 'пуговица', сёльме 'глаз', т.е. 'пуговицеглазый, пучеглазый', отсюда – 'старый, дед'; тат. литер. бабай, карт.

3. Названия частей тела: миш.-ч. пы́ти 'грудь женская, сосок', см. мокш. по́тя 'грудь (женск.)'.

4. Этнические наименования.

а) Миш.-ч. му́к^ишы 'мокша', ср. поговорку: му́к^ишы - куака лукышы 'мокша - длинный кнут'.

б) Миш.-ч. эрзэ 'эрзя'.

5. Названия предметов быта.

а) Миш. каркеш 'бечевка, оборки' (Махм. I50; ТДС 270-271). В мокшанском – каркас в значениях: 'пояс; повязка; соломенный жгут для снопов'. В татарском литературном употребляются бау, киндерә, аркан.

б) Миш. мешкé, мешкё 'творог' (Махм. I50; ТДС 303, 317). Термин входит в наименования кушаний: мешке парэмачәсе 'ватрушка', мешке бәләше 'пирог с творогом'.

⁵ Миш.-ч. означает записи у Айши Алимовны Тенишевой, род. в сел. Черклей Кузнецкого района Пензенской области.

В мокшанском - мичке, в татарском литературном - зречек.

6. Названия явлений природы.

Миш. чирахман 'град' (Махм. I50; ТДС 486), см. мокш. цярахман, тат. литер. боз.

7. Названия болезней.

Миш. челги 'бородавка, прыщ, угорь' (Махм. I50, ТДС 479), см. мокш. цильге, тат. литер. саял.

8. В значении прилагательного 'большой, огромный'.

Миш. лапамá (Махм. I50, ТДС 290) входит в словосочетания (с иронич. знач.): лапама баш 'большая голова', лапама авыз 'большой рот', лапама аяклы катын 'женщина с большими ногами'. В мокшанском лапама - существительное в значении 'валек (для выколачивания белья при полоскании)'. В татарском литературном употребляются прилагательные зур, олы, дәү.

9. Некоторые глаголы. Миш. пожу, пыжу, пэжу, пэзу 'вянуть' (ТДС 342, 351), см. мокш. пуже 'вянуть', татарские соответствия - шиңү, сулу.

10. Некоторые предложения и обороты речи.

Миш.-ч. озак чай симилий! 'сидись чай пить!', каштыр-коштыр көмөзи, нстул лаңгос', кеше арас' 'пришли гости, подать на стол, хлеба нет'.

Мордовские слова в процессе адаптации испытали фонетические изменения.

В области гласных

а) И > е в первом закрытом слоге: мокш. мичке > миш. мешке; мокш. цильге > миш. челги.

б) Е > и или и > е в конечном открытом слоге: мокш. цильге > миш. челги; мокш. киш > миш. кеше.

в) А > и в первом открытом слоге: мокш. цярахман > миш. чирахман.

г) О > и: мокш. потя > миш. пьти.

д) Посредством гласного е разряжаются скопления согласных в начале и конце мокшанских слов: мокш. кпи > миш. кеше; мокш. каркс > миш. кәркеш.

В области согласных

а) Конечные с > ш: мокш. каркас > миш. кәркеш.

б) Конечнослоговой ч перед и > ш: мокш. мичке > миш. мешке.

в) Начальный мягкий ц > ч: мокш. цильге > миш. челги, мокш. цирахман > миш. чирахман.

Все эти субституции звуков объясняются особенностями мисарских говоров, кроме с > ш. Изолированность этой подмены затрудняет объяснение его фонетической природы.

Появление некоторых заимствований можно объяснить потребностью специализации понятия: миш. чирахман 'град', в татарском литературном употребляется боз, имеющий и более широкое значение 'лед', миш. кәркеш 'бечевка', литературное татарское бау, аркан имеют широкое значение средств для связывания вообще.

Некоторые мокшанские слова и выражения несут образную функцию: миш. лапама в значении 'большой, огромный' в мокшанском 'валёк для белья', миш. пуна зәлме 'дедушка', в мокшанском дословно 'пучеглазый, с глазами как пуговицы'.

Мордовско-татарские языковые контакты — тема особого исследования. Необходимо прежде всего пополнение материала.

DIE MORDWINISCHEN LEHNWÖRTER IM TATARISCHEN

E. Tenischew (Moskau)

Z u s a m m e n f a s s u n g

Der Aufsatz behandelt die mordwinischen Lehnwörter im Tatarischen. Die mordwinisch-tatarischen Sprachkontakte als Folge ihrer historischen und kulturellen Beziehungen dauern eine längere Zeit an. Mit den mordwinischen (mokscha-mordwinischen) Mundarten stehen hauptsächlich die Mundarten des westlichen (mischarischen) Dialekts des Tatarischen im Kontakt. Als Ergebnis dieses Prozesses sind in die mischarischen Mundarten folgende mokschanische Wörter eingedrungen: пизел, пангы, мошко, пэзе, ураш, кәркеш, мешке, чирахман, челги, лапама u. a. Die Untersuchung der mordwinisch-tatarischen Sprachkontakte ist ein apartes Thema. Dabei ist es vor allen Dingen notwendig das betreffende Material zu ergänzen.

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ОБРАЗОВАНИЯ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ НАРЕЧИЙ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

С.Л. Чареков (Ленинград)

Одним из наиболее продуктивных способов образования наречий в большинстве языков является "изоляция" какого-либо падежа прилагательного или существительного от парадигмы склонения, при которой происходит переосмысление его грамматического значения.¹ При этом падежный суффикс перестает быть собственно падежным суффиксом имени и становится особым суффиксом наречия. Этот способ образования наречий широко представлен и во всех алтайских языках (монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языках), причем в монгольских языках самым распространенным способом образования определительных наречий является адвербиализация имен в форме орудного падежа. Собственно суффиксы орудного падежа -аар, ээр, -оор, -еер в монгольском, -аар, -ээр, -оор, -еер, -аяр, -еэр, -ёор в бурятском, -ар, -эр в калмыцком и их фонетические варианты с так называемым "соединительным" согласным -г- (-га-ар, -гээр и т.д.) выступают как продуктивные суффиксы, образующие некоторые разряды наречий. Этот факт отмечается во всех грамматических работах, посвященных исследованию наречий или словообразованию вообще в монгольских языках.

Целью настоящей работы является более подробное исследование данного способа образования наречий, выявление случаев употребления указанных суффиксов одновременно с другими словообразовательными и словоизменительными суффиксами и выделение специфических различий в функционировании этих суффиксов в бурятском и калмыцком языках.

В качестве примеров использованы материалы, собранные автором во время экспедиций 1973, 1975 годов в районах Бурятской и Калмыцкой АССР.

Как уже упоминалось, наречия образуются от существительного или прилагательного присоединением суффикса орудного падежа непосредственно к основе слова. Однако наречия, образованные таким путем от существительных, во-первых, немногочисленны, а во-вторых, часто весьма "неустойчивы". В зависимости от контекста они могут выступать в роли наречия или же существительного в орудном падеже. Это явление было отмечено

и хорошо проиллюстрировано Д.А. Алексеевым.²

Одним из примеров преобразования существительного в наречие может служить словоформа мур 'след', от которой при помощи суффикса орудного падежа образуется наречие муреер 'следом': Эзэнэйгээ муреер нохойнь гүйнэ 'За своим хозяином следом собака бежит'.

Интересными представляются случаи с существительными, имеющими несколько значений. Они могут образовывать наречия со значениями, соответствующими каждому из исходных значений. Так, например, если словоформа бардам означает существительное 'чванство, надменность', то соответствующее наречие бардамаар передает значения 'надменно, чванливо': Хаан богодоо бардамаар хаража байгаа 'Хан на своего раба надменно смотрел'. Эта же словоформа в значении прилагательного 'щедрый' является исходной для наречия 'щедро': Хаан бардамаар богдолнуудта түлбэ. 'Хан щедро рабам заплатил'. И, наконец, наречие бардамаар передает также значение, отсутствующее у исходной словоформы – 'попросту, запросто': Нүхэр нүхэртөө бардамаар ородог байгаа. 'Друг к своему другу запросто заходил'.

Подобный сдвиг значений при переходе слова из одного грамматического разряда в другой – явление довольно распространенное, и с ним мы будем встречаться неоднократно.

Чаше чем от существительных с суффиксом -аар, образуются наречия от прилагательных. Причем это относится как к прилагательным непроизводным, так и к производным, а также к словоформам, которые могут выступать и в качестве существительного и в качестве прилагательного.

К первому виду относятся непроизводные прилагательные типа зүб 'правильный, верный', муу 'плохой', бүхэ 'крепкий, прочный': Задача зүбөөр хэгдээ 'Задача правильно решена'; Комната соо муугаар гужана 'В комнате плохо пахнет'; Гэр бүхээр барятай байгаа 'Дом прочно построен был'.

Образование наречий от словоформ третьего вида можно проиллюстрировать следующим примером: Тэрэ орой ородоор хэлэдэгүй 'Он совсем по-русски не говорит'.

Производные прилагательные, от которых образуются наречия с помощью суффикса -аар, могут в свою очередь иметь при себе как словообразовательные суффиксы типа -та, -тай, -лиг, так и словоизменятельные типа -отар, -хан. Могут образовываться наречия и от прилагательных, оформленных этими двумя

видами суффиксов одновременно.

Из словообразовательных суффиксов прилагательных с суффиксом -аар сочетаются следующие.

Суффикс -тай (-той, -тэй): акултай 'рискованный', Тэрэнэй яабадал ехэ акултайгаар байгаа 'Его поступок очень рискованный был' и Тэрэ акултайгаар хигээ 'Он рискованно поступил'; Зүрхэтэй 'решительный', зүрхэтэйгээр 'решительно', Студент зүрхэтэйгээр столдо ошоо 'Студент решительно к столу подошел'.³

Суффикс -лиг. Баатарлиг 'героический', баатарлигаар 'героически'. Залуудаа баатарлигаар дайдалдаа 'В молодости своей героически сражался'. Бүдүүлэг 'грубый', бүдүүлэгээр 'грубо'. Тэрэнтэй ходо бүдүүлэгээр зугална 'С ним всегда грубо разговаривали'.

Суффикс -гай (-гэй). Прилагательные, присоединяя этот суффикс, образуют наречия, либо сохраняя свое первоначальное значение, либо меняя его. Так, от прилагательного бүдүүзгэй 'важный, солидный' образуется наречие бүдүүзгэйгээр 'важно, солидно': Тэрэ бүдүүзгэйгээр хэлэдэг 'Он важно разговаривал', а от прилагательного таамгай 'догадливый' наречие таамгайгаар, обозначающее 'наугад, приблизительно'. Тэрэ таамгайгаар ябая 'Он наугад шел'. Во втором случае отмечается уже упоминавшийся сдвиг значения.

При образовании наречий от прилагательных со словоизменительными суффиксами с помощью суффикса -аар в образовавшемся наречии словоизменительный суффикс может сохранять свое первоначальное значение, может терять его или же изменять.

Рассмотрим наиболее употребительные сочетания суффиксов -хан-аар и -шаг-аар с этой точки зрения.

Сочетание суффиксов -хан-аар.

Как известно, суффикс -хан придает именам прилагательным значение уменьшительности. Это значение уменьшительности сохраняется при образовании наречия от такого прилагательного как дууруухан 'тихонький'. Хүүхэд дуурууханаар комнатнгоо углуунда суунад 'Дети спокойно в углу своей комнаты сидят'.

Однако суффикс -хан теряет значение уменьшительности в наречии адлиханаар 'одинаково', образованном от прилагательного адли 'похожий, одинаковый': Тэрэ адлиханаар ябана 'Они одинаково идут'. Очевидно отсутствует оттенок уменьшительности и в следующем примере: Говхоноор баригдасан гэр харагда-

на 'Красиво построенный дом виден'. В следующем примере Дулааханаар хубцала 'Оденся потеплее' суффикс -хан скорее придает наречию не столько оттенок уменьшительности, сколько сравнения.

Суффикс -шаг, придающий прилагательному значение неполноты качества в сочетании с наречным суффиксом -аар может сохранять это свое значение и в образовавшемся наречии: Бага-шагаар зун болгоо 'Мало-помалу (постепенно) наступило лето'. Но может, также как и суффикс -хан, терять свое значение неполноты качества: нэтэй чулунууд гайхамшагаар наранда ялара 'Драгоценные камни изумительно сверкали на солнце'.

Оба рассмотренных словоизменительных суффикса -хан и -шаг встречаются и в сочетании со словообразовательными суффиксами: Эжн хубуун руугаа зэмэтэйхэнээр харана 'Мать на своего сына немного укоризненно смотрит'. (сочетание суффиксов -тэй-хэн-ээр). Галиа тумархуушагаар намайе уугаа 'Гали слегка недовольно меня встретила'. (Сочетание суффиксов -рхуу-шаг-аар).

Выше были перечислены наиболее употребительные сочетания наречного суффикса -аар с другими словоизменительными и словообразовательными суффиксами, что, однако, не исчерпывает всех возможных вариантов сочетаемости.

Большой интерес представляет собой также образование наречий при помощи суффикса -гүй, восходящего к отрицанию үгн 'нет',⁴ передающему также понятие 'отсутствие, неимение'.

Суффикс -гүй может служить как словообразовательным суффиксом прилагательных, так и наречий. Причем во втором случае он может сочетаться с наречным суффиксом -аар.

Примером двоякого употребления суффикса -гүй как словообразовательного суффикса прилагательных и наречий могут служить следующие два предложения: Архи ууха боломогүй хэрэг 'Водку пить недопустимое дело'. Здесь словоформа боломогүй, образованная от основы глагола болохо, является прилагательным со значением 'недопустимый'. Второе предложение: Энэ хоёр фактуудыг холихо боломогүй 'Эти два факта смешивать недопустимо'. В этом предложении та же самая словоформа выступает в качестве наречия 'недопустимо'.

Образование наречия с данным суффиксом часто сопровождается изменением значения. Так, например, от именной основы гай 'горе, зло, обида' образуется наречие гайгүй, имеющее значение 'неплохо, недурно', т.е. налицо всего лишь смят-

чение отрицательного качества, хотя и не полное устранение его, как это могло бы казаться, судя по значению отрицания у данного суффикса: Тэрэ гайгүй гэр зураад хажуудан ус зураа 'Он, неплохо дом нарисовав, сбоку реку нарисовал'.

Вместе с тем этот же суффикс может не смягчать, а усиливать значение, выраженное основой. Так, казалось бы от основы дааша 'нагрузка', наречие даашагүй должно было бы обозначать 'ненагруженно, без груза'. На самом же деле в качестве прилагательного словоформа даашагүй передает понятие 'очень тяжелый', а в качестве наречия понятие 'чрезвычайно, непомерно', т.е. суффикс -гүй выступает в качестве усилительного суффикса. Даашагүй ехе ачаань тэртэ эбдээ 'Непомерно большой груз сломал телегу'.

Наконец, суффикс -гүй может и не оказывать никакого существенного влияния на семантику всей словоформы. Так, наречие 'может быть' передается в бурятском языке двумя синонимичными словоформами магад и магадгүй. Исходной формой для образования этого наречия очевидно послужила глагольная основа магадлаха 'считать возможным, предполагать'. И, если от данной словоформы усеченный вариант представляет собой наречие 'возможно, может быть', то в форме магадгүй должно было бы быть заложено значение 'невозможно, невероятно'. Однако же на самом деле эти словоформы полностью синонимичны. Магадгүй шини танил сайн хүн 'Может быть твой знакомый хороший человек'.

То же самое и со следующими двумя словоформами: нилээд и нилээдгүй. Обе они передают значение 'достаточно, порядочно, значительно': Тэрэ нилээдгүй елсх 'Он основательно проголодался'.

Возможен и полный отрыв наречия, образованного с помощью суффикса -гүй от семантики исходной основы. Так, если существительное мур означает 'след, путь', то прилагательное, образованное от него с суффиксом -гүй - мургүй 'беспутный', еще сохраняет связь с первоначальным значением: мургүй хүн 'человек без пути, беспутный человек', а в качестве наречия мургүй обладает только усилительным значением 'очень, сильно': Бултадаа мургүй эсэбди 'Все очень устали'.

Но образованное таким способом наречие может функционировать в двух значениях. Оно может сохранять исходное значение и выступать как значащая словоформа, но может служить и только усилительным словом: Ан орогүй гы болоо 'Зверь бес-

следно исчез' и Би орогуй гомоодоб 'Я очень обиделся'⁵. (Ором 'след')

В перечисленных выше случаях значение суффикса -гуй отклоняется от своего основного значения. Чаще же всего в наречиях, образованных от основ с суффиксом -гуй, заключено значение 'без чего-либо, отсутствие чего-либо'. Например: Бусалта 'возвращение', бусалтагуйгеер 'безвозвратно': Мори тэргэ хоёр бусалтагуйгеер үгн болоо 'Лошадь и телега безвозвратно пропали'. Гасалан(г) 'препятствие', гасалангуйгеер 'беспрепятственно': Тэрэ гасалангуйгеер манайда ерээ 'Он беспрепятственно к нам приехал'. Дура(н) 'желание, воля', дурангуйгеер 'неохотно': Хүүхэд дурангуйгеер кашаа эдинэ 'Дети неохотно кашу едят'. Түлбэри 'плата', түлбэригуйгеер 'бесплатно': Би шамда түлбэригуйгеер гэрээ үгэб 'Я тебе бесплатно свой дом отдам'. Число примеров можно неограниченно увеличивать.

Таковы, вкратце, основные случаи употребления суффикса -аар, -ээр, -оор, -еер, как наиболее продуктивного словообразовательного суффикса в бурятском языке.

В калмыцком языке соответствующий суффикс -ар, -эр также является продуктивным наречным суффиксом, и в ряде случаев сфера его применения и его значение полностью соответствуют таковым в бурятском языке. Однако в функционировании этих суффиксов в родственных языках наблюдаются и существенные различия.

Остановимся сначала на сходных примерах.

Так же как и в бурятском языке суффикс -ар, -эр образует наречия от именных основ: зун 'лето', зунар 'летом'. Зунар манахд йир сэн 'Летом у нас очень хорошо'. Другой пример: зев 'право, совокупность норм', зевэр 'правильно, ладно, как следует'. Хувциг уйхларн, зевэр уйх кергтэ 'Если шить одежду, как следует шить надо'.

От непроизводных прилагательных данный суффикс также образует наречия: му 'плохой', мууһар 'плохо'. Тэрэн мууһар урһадана 'Посев плохо растет'. Гийгн 'легкий', гийгнэр 'легко'. Мини үр гийгнэр шавтла 'Мой друг легко ранен был'.

Эта же словоформа гийгн в своей исходной форме, что было отмечено и для бурятского языка, может быть не только прилагательным, но и выступать в качестве наречия в зависимости от позиции в словосочетании: Би гийгн кединав 'Я легко работаю'.

Из производных прилагательных часто адъективируются прилагательные, образованные от существительных с суффиксом -та (-тэ), соответствующему бурятскому суффиксу -тай (-той, -тэй), которые, как уже отмечалось, в данном случае не являются суффиксами совместного падежа, а функционируют как словообразовательные суффиксы прилагательного.

Так, от существительного зог 'забава' образуется прилагательное зоогта 'забавный', а от прилагательного - в свою очередь наречие зоогтаар 'забавно': Мана мис хулчла йир зоогтаар наадна 'Наша кошка с мышкой забавно играет'. И еще один пример: инадн 'смех' инадтэ 'смешной'. Мини хахуудк күн йир инадтэар келнэ 'Человек рядом со мной очень интересно рассказывает'.

В обоих языках наречия образуются от местоимений с помощью рассматриваемого суффикса. Так, в бурятском от манай 'нам', танай 'вам', образуются наречия манайхнар 'по-нашему', танайхнар 'по-вашему'. То же самое и в калмыцком языке: мана 'нам', тана 'вам' и, соответственно, наречиями будут манаһар 'по-нашему' и танаһар 'по-вашему'.

И, наконец, эти же продуктивные суффиксы и в бурятском и в калмыцком языках образуют наречия от слов, заимствованных из русского или через русский язык. Обычно об этом явлении упоминают без каких-либо оговорок. Однако дело обстоит не совсем так: действительно, в бурятском языке ряд наречий от заимствованных слов образуется именно таким образом: 'работать ударно' ударнаар хүдэлмэрлэхэ, но русское наречие 'активно' заимствуется непосредственно, без присоединения суффикса -аар, а лишь с переходом конечного 'о' в 'а': Булта активна ажалла 'Все активно работали'. Интересно отметить, что эта же словоформа без изменения может выступать и в качестве прилагательного: Бато активна хүбүүн 'Бато активный мальчик'. Т.е. в данном случае заимствованное слово ведет себя так же, как исконно монгольское, допустим, сайн, могущее означать как наречие 'хорошо', так и прилагательное 'хороший'. Некоторые же заимствованные наречия встречаются в двух формах: с суффиксом -аар и без него. Заочно һураха бэрхэ 'Заочно учиться трудно' и Би хоёр жэл заочноор һурааб 'Я два года заочно учился'.

В калмыцком языке употребление суффикса -ар, -эр с заимствованными словами носит более последовательный характер: коллективэр 'коллективно', ударнар 'ударно'.

В калмыцком языке наблюдаются отличия от бурятского и в некоторых других способах образования наречий. Так, в тех случаях, когда в бурятском языке неполнота качества, уменьшительность передаются при помощи суффиксов -хан, -шаг, в сочетании с -аар, в калмыцком тот же самый эффект достигается аналитическим способом - путем введения наречия невчк, невчки 'слегка, немного'. В бурятском: Бидэ барууханаар байнабди 'Мы немного правее (западнее) находимся'. Барууханаар 'немного правее' (понятие выражено одной словоформой с уменьшительным суффиксом -хан и наречным суффиксом -аар). В калмыцком: Маднд невчк барун талтхан эргх керте 'Нам немного в правую (западную сторону свернуть надо'. Это же наречие может быть дополнительно оформлено суффиксом -эр: Самолет невчкнэр деетгэн барв 'Самолет немного выше поднялся'. Наречие невчкнэр употребляется и в значении 'понемногу', что в бурятском языке передается наречием багашагаар (с суффиксом -шаг). Невчкнэр дуларад бөөв 'Постепенно теплее становилось'.

Тенденция калмыцкого языка к аналитическим формам прослеживается и в образовании наречий с отрицательной характеристикой действия.

В одном из уже приводившихся бурятских примеров 'Лошадь и телега пропали безвозвратно' наречие 'безвозвратно' было передано одной словоформой бусалтагуйгээр. То же самое предложение на калмыцком строится иначе. Морн тергтөһөн олдш угахар геедрв. Понятие 'безвозвратно' передано в этом предложении тремя словоформами; олдш угахар геедрв, где олдш 'найти', угаһар - отрицание, геедрх 'терять'. В целом: 'потерять и не найти'.

Интерес представляет здесь словоформа угаһар, состоящая из отрицания уга 'нет', оформленного наречным суффиксом -ар. Этот способ образования наречий с отрицательной характеристикой действия в калмыцком языке распространен довольно широко. Так образуется целый ряд наречий, обозначающих отсутствие какого-либо качества: эндү угаһар 'безошибочно', ершэнгү угаһар 'безжалостно' и т.п. Суффикс -ар в этих примерах отличает способ образования наречий от аналогичного способа образования негативных прилагательных: эндү уга 'безошибочный', ершэнгү уга 'безжалостный' и т.п.

Сравнение способов образования наречий с помощью суффикса -аар в бурятском и калмыцком языках позволяет сделать следующие выводы:

1. Суффикс -аар, -аар, -оор, -еер в бурятском и -ар, -эр в калмыцком является наиболее продуктивным словообразующим суффиксом наречий.

2. В бурятском языке этот суффикс обладает большей способностью к сочетаемости с другими словоизменительными и словообразовательными суффиксами.

3. В калмыцком языке прослеживается тенденция к передаче аналитическим способом тех значений, которые в бурятском передаются посредством сочетания различных суффиксов.

Литература

1. А.М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М.-Л., 1928, стр. 166.
2. Д.А. Алексеев. Наречие в бурят-монгольском языке. Улан-Удэ, 1941, стр. 69, 70.
3. В приведенных примерах суффикс -тай представляет собой словообразовательный суффикс прилагательного (а отнюдь не падежный суффикс совместного падежа), а суффикс -аар словообразовательный суффикс наречия (а не падежный суффикс орудного падежа). Таким образом словоформы с двумя словообразовательными суффиксами нельзя смешивать с так называемым "двойным" склонением, отмеченным в ряде грамматик монгольских языков. Отсутствие "двойных" падежных форм в монгольском языке подробно обосновано З.К. Касьяненко в статье "О двойном склонении в монгольском языке", сб. Филология стран Востока, Л., 1963, стр. 35-45. Выводы, сделанные З.К. Касьяненко для монгольского языка, полностью могут быть отнесены к бурятскому и калмыцкому языкам.
4. У.-Ж.Ш. Дондуков. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964, стр. 74, 118.
5. Подобного рода потеря наречием своего первоначального значения и переход в усилительное слово явление не редкое, встречающееся и в других языках. Ср., напр., русское: 'я ужасно обрадовался' или 'я здорово болен', где оба наречия употреблены всего лишь в значении 'очень, весьма'.

ON SOME WAYS OF ADVERB BUILDING
IN THE MONGOLIAN LANGUAGES

S. Chareckov (Leningrad)

S u m m a r y

The paper deals with the word-building of qualitative adverbs in the Buryat & the Kalmuck languages. The suffix -ār (and its phonetical variants) employed for the process coincides in form with the Instrumental case inflection. The suffix may be added to simple stem as well as to derivative stem. In the latter case the meaning of the suffixes of the stem may change. The material shows certain points of similarity as well as difference in the ways of adverb-building in the two languages.

ON COMPARING URALIC WITH OTHER
LANGUAGE FAMILIES

Robert Austerlitz (Columbia
University, New York, USA)

- a Chaque mot a son histoire
- b Die Lautgesetze kennen
keine Ausnahmen.

1. These two contradictory mottoes epitomize the problem which I have chosen to discuss. (1) We are asked to believe that language family X is related to language family Y. (2) We assume that such a genetic connection can be proven by showing sound-and-meaning correspondences which obtain between X and Y, presumably correspondences governed by motto [b]. (3) But in comparing X with Y we encounter so many exceptions that we appeal to motto [a]. In other words, we hope that the methodology which we employ to establish systematic etymological connections between languages within a language family will also hold when we compare family X with family Y. When this methodology fails, we appeal to a less stringent approach, [a]. To be sure, we can say that we "believe that X and Y were once related and that the indices which would normally be adduced to support such an originally systematic genetic relationship have disappeared in the course of time and have left only vague traces." This statement of course disqualifies itself.

2. Generally, long-range comparatists do not even compare proto-X with proto-Y but random samples from living

languages in Y. At the risk of further obscuring the type-token terminology (see Herdan) which is already unclear, we might say that to compare Finnish tunke- or Estonian tungi- 'drängen' with Hungarian dug is comparing two types but to compare Finnish tunke- with Avar tunk-ise is to compare tokens. We know that Finnish -nk- must correspond to Hungarian -g- and that where we have medial Hung. -g- (from -nk-) we may expect (but not necessarily find) initial Hung. d-. We are therefore talking about types with which an entire series of rules is associated. But when we simply compare Finn. tunk- with Avar tunk-ise without reference to any rules or generalities, we are comparing tokens at random. (The second comparison is from Lewy, 1953, p. 19, footnote 2.) The term compare turns out to be polysemous, therefore. It means 'collate with intention to satisfy a set of already existing rules of correspondence' in one case and 'place two items beside each other in the hope that they will eventually satisfy rules which have not yet been set up' in the other.

3. So much for the method, for the time being. What about the broader, general assumption that language families can and ought to be related? It is a very sound assumption, if we believe in the monogenesis of language as I think most linguists do, mainly because monogenesis is more economical to assume than polygenesis. If language only arose once in the world (or in a large continent like Eurasia, if we want to restrict our purview), then we must perforce assume that all existing language families (in the world or in Eurasia, as the case may be) are related. What then issues from all this is that: (1) all languages are related through monogenesis but (2) we cannot reconstruct a proto-world-language because the existing languages and language families have developed too far away from each other to permit us to capture their common features (which would normally make reconstruction possible). Thus, we again emerge with grasping at straws, i.e. traces and ves-

tiges; see section 1. And the comparison of vestiges cannot be considered equivalent to the comparative method in its strict sense. — See Dolgopolski.

4.1. Still, even a skeptic like myself will admit that Finno-Ugric or Uralic shares lexical items with other language families. (I will take it for granted that typological indices can be used for comparison but that they can be equally ascribed to diffusion. They will therefore be left aside for the moment; see sections 5, 6, 8.) If these shared lexical items are not the result of (1) borrowing or (2) chance and if (3) they do not suggest systematic laws of relatedness, what are we to make of them? This is especially applicable to Uralic-and-Dravidian, two language families for which we cannot even postulate recent symbiosis (where recent means millenia and symbiosis could be assumed to account for diffusion or loans) or adjacency.

4.2. I will not go into statistics or probability theory. The fact is that chance convergence cannot be held accountable for the large number of similar lexical items (even if they cannot be compared systematically) which are found over a large continent.

5. Sometimes convergence by chance receives help from the investigator. Enthusiastic comparatists intent on connecting two language families often adjust their data in such a way as to suit preconceived hypotheses. Examples: x or h and zero are often considered cognate, voice is often disregarded (i.e., ba and pa are considered cognate), nasals are often considered indiscriminately as being cognate (kan = kan = ka = kā), dentals and palatals are often lumped together, deictics are taken to have the same value for comparison as non-deictics, boundaries between morphemes are often disregarded (*a-ki 'not alive' = *ak-i 'die + [perfective aspect]' both for 'dead'). All this encourages false etymologies and supports the view that in general, Voltaire's pronouncement about etymologizing still holds surprisingly often. — See Bender.

URALIC IN THE EURASIAN GENETIC PICTURE

GENETIC UNIT	COMPARISONS BY AND WITH
1 ESKIMO-ALEUT	Uhlenbeck
2 LUORAWETIAN	Angere
3 Yukagir	Angere, Bowda, Collin- der, Tailleur
4 Gilyak	Moellendorf
5 Ainu	(with 10: Haert)
6 JAPANESE-RYUKYU	with 8: see 36 and 23
7 Korean	with 8
8 ALTAIC	numerous, since Schott
9 Ket	See 24
10 INDO-EUROPEAN	Collinder and others
11 Basque	Schmehardt
12 SEMITIC	with 10
13 NORTHWEST CAUCASIAN	
14 NORTHEAST CAUCASIAN	
15 SOUTH CAUCASIAN	with 10 (Gankrelidse)
16 Burushaski	?
17 Nahali	with
18 MUNDA	von Hevesy
19 DRAVIDIAN	McAlpin, Andronov, Bar- row
20 Nicobarese	
21 Andamanese	
22 Khasi	
23 TIBETO-BURMAN	see 24; also with 6
24 SINITIC	with 23 and (Donner et al.) 9
25 MIAO-YAO	
26 Kelao	
27 Laqua	
28 Lati	
29 DAI (TAI)	
30 PALEO-KHMER	
31 MON-CAMBODIAN	
32 VIET-MUONG	
33 Karen	
34 Ia	
35 Senoi	
36 Semang	
37 MALAYO-POLYNESIAN	with 6

6. In the table which follows I list the living genetic units (i.e., language families and language isolates — the latter are families which have only one known member) of Eurasia and indicate which of them have been compared with Uralic. My knowledge is not exhaustive; see Hajdú. In the case of often-repeated comparisons I indicate either the earliest source (e.g., Altaic, number 8) or the best-known one (Collinder, 10). It stands to reason to assume that if Uralic is related to Altaic and if Altaic is related to Korean, then Uralic must also be related to Korean in some way. (This is the domino theory.) The way in which Uralic would be related to Korean in this case, however, has never been clearly defined. Or: see Tyler and McAlpin. Are we to reckon with degrees of relatedness? If so, how do we define and quantify such degrees of relatedness? How many such degrees should we reckon with? On what are we to base them? Is typology an index of relatedness? Traditionally, it is not, but it is often taken for granted and does, in fact, have a role in comparison: typological similarity strengthens hypotheses arrived at along non-typological lines and its opposite confirms unrelatedness. Such reasoning may, of course, be wrong; for examples, see Greenberg on Meinhof (page 1).

Of the genetic units from 1 to 19 which I indicate on the list, only Ainu has been spared from direct comparison with Uralic. But Ainu has been compared with Indo-European and on the principle of the domino theory (if A is related to B and B to C, then A must also be related to C) Uralic must also be—somehow—related to Ainu.

As far as I know, none of the genetic units from 20 to 37 have been compared with Uralic. (Possible reasons: they are known too well; they are not well enough known by Uralists; non-Uralists do not know them; divergent traditions of scholarship; they are too far away, etc.) But W. Schmidt has, as is well known, united many of them (18, 19, 21, 23, 32, 36, 37) into a super-family (Austro-Asiatic). Others

(such as Holmer) have suggested further super-families, ranging from Basque (11) to Inorawetian (2) and from Dai (29) to Malayo-Polynesian (37). (The Dravidian picture is treated by Ansterlitz, 1972.) If all these comparisons are to be treated seriously, we are dealing with not only one micro-domino theory, as indicated above, but with a number of micro-domino theories which add up to a macro-domino theory. In fact, we emerge with stocks and super-stocks (or phyla), as they are used in discussing relationships among families of American Indian languages.

7. In my opinion it is not rewarding to work with stocks, superstocks, or phyla. (1) Work along the lines of the macro-domino theory, whether it leads to stocks or not, obscures work done within one and the same family, which is more important. Long-range comparisons are seldom seminal, i.e., they seldom generate further investigations along the same lines which produce cogent or lasting results. In addition to Altaic, congeners for Uralic have been proposed by Angere (Inorawetian, Yukagir), Bouda (various), Collinder (Indo-European, Yukagir), Tailleux (Yukagir), and others. If these proposals had turned out to be tenable, the consequences would be phenomenal: entire networks of language families would have resulted, with very suggestive ideas for proto-proto families. This has not happened. Nor has all the energy lavished on the Yukagir-Uralic hypothesis enriched our understanding of the internal correspondences within Uralic or, for that matter, our understanding of Yukagir itself — as might be expected. On the contrary, we still have only a rudimentary knowledge of Yukagir, in part, I believe, because it is thought by some that if Yukagir is Uralic, most problems internal to Yukagir will be explicable in terms of Uralic sometime in the future. (2) Unless we have a way of quantifying degrees of relatedness, we can never build a hierarchy within a stock or phylum, thereby disqualifying such work from serving us in reconstructing the proto-history of an

area, sub-continent, or continent. (3) The history of the study of North American Indian languages should serve as a sobering example. At various times Amerindianists have set up hypothetical stocks, phyla, or super-stocks, i.e. families of families. As far as I know, this has not helped them to reconstruct the linguistic pre-history of the continent. Nor has it helped them to understand any particular North-American language family better from within. — For the ultimate intercontinental exaggeration see Stopa.

8. And still, I cannot believe that all the resemblances which have been found among the language families which concern us here can be ascribed to chance or to poor methodology. And since I hesitate to assume true genetic connections among them, I must rely on the last possible resort: borrowing. In order to understand pre-historic borrowing I think that the linguist should look beyond the confines of linguistics. We know from experience with much more tractable areas within linguistics than comparison or long-range comparison that the two questions which are basic to all linguistics, namely that of linguistic change and that of meaning, must be answered with the help of knowledge from fields other than linguistics. In long-range comparisons we are confronted precisely by these two questions: change and meaning. I suggest that we approach them not by comparing language families but by asking the sociologist to explain to us how institutions change. More precisely, we need more information on: how pre-historical societies changed, on population movements on entire continents, the mobility of populations, i.e., on the speed with which they were able to cover long distances, the survival rate of males, females and children, the exact nature of slavery and its effect on language (creolisation), etc. What we need, then, is a much better understanding than we have now of: (1) how pre-historical societies reacted to language-contact; (2) what vestiges of contact may be expected to survive for millenia; (3) the ethnography and

demography of Eurasia 5000 and 10000 years ago, and (4) the nature of creolization. Such information could help us understand the following scenario (of 3000 years ago), for example: A population of 20000 speakers of language P is conquered by population Q. Q kills all the men of P and carries all the P-women-and-children away. Will these P-children grow up to be Q-speakers? Will the P-mothers perpetuate some P-words in the Q-vocabulary? Which words? To understand the scenario it would be helpful to know where people lived in Eurasia 3000 years ago, which waterways were accessible, where the climate was clement, which population was likely to be killed by which other population, etc.

9. The area which may turn out to be the most instructive in this respect is Africa. This is a continent with a fairly recent, gigantic linguistic expansion (the so-called Bantu explosion which began about 1500 years ago), a continent with languages which are primarily "second languages", i.e., trade languages and ones with staggering linguistic diversity; see Andrianov, Dalby, Davidson, and Greenberg. Not that the genetic picture in Africa is clear; still, the societal matrix of the continent seems to be better known to the Africanist-linguist than to his Eurasian analogue. Therefore, by trying to understand the demography (climatology, early human societies, human ecology, etc.) of pre-historic Eurasia we may come closer to a first step in understanding the nature of the enigmas of linguistic convergence in this area. Once we have reached this first step, the framework or the setting beyond language, we can begin to speculate along typological lines (as I did, prematurely, in my 1970 paper). In accordance with such thinking, I would suggest that the Eskimo explosion (eastward from somewhere near Alaska) ought to be studied in the light of the Bantu explosion. Eskimo is to Aleut as Bantu is to some of the languages of the central, horizontal Fragmentation Belt in Africa. Both Eskimo and Bantu are obviously innovating

types. Should we think of Uralic within such a context? Perhaps. We may emerge with a typological domino theory which, in turn, might provide suggestions on how to study avenues of pre-historic borrowing or of diffusion. We might end precisely where we began. Or we might not.

10. Finally, a better knowledge of pre-history might also help throw light on the question of how many language families (genetic units) a given continent is likely to accommodate; for Eurasia and Asia see Ariste. There must be an ideal ratio between surface and number of genetic units; I do not know what it is but have treated the question in a forthcoming (?1976) paper.

REFERENCES

- Andrianov, B.V. Naselenie Afriki. (Etnostatisticheskiy obozor.) Moskva: Nauka, 1964.
- Ariste, P. Maailma keeled. I: Euroopa, Aasia ja Aafrika keeled. Oplik Ajaloo-Keeleteaduskonna keeleosakondade Eli-õpilastele. Tartu: Soome-Ugri Keelte Katsed, 1972.
- Austerlitz, R. "Agglutination in Northern Eurasia in Perspective." In: R. Jakobson and S. Kawamoto, ed., Studies in General and Oriental Linguistics Presented to Shiro Hattori on the Occasion of His Sixtieth Birthday. Pages 1-5. Tokyo: TEC Company, 1970.
- Austerlitz, R. "Language-Family Density in North America and Eurasia." To appear in the Proceedings of the Forty-First International Congress of Americanists, Mexico, 1974. Mexico: Museo Nacional de Arqueología e Historia, ?1976.
- Austerlitz, R. "Long-Range Comparisons of Tamil and Dravidian with Other Language Families of Eurasia." In: R.E. Asher, ed., Proceedings of the Second International Conference-Seminar of Tamil Studies, Madras, January, 1968. Vol. I, pp. 254-261. Madras: International Association of Tamil Research, 1972.
- Bender, Marvin. "Chance CVC Correspondences in Unrelated Languages." Language 45 (1969) 519-531.
- Dalby, David. "African Languages." Pages 26-27 in: Africa South of the Sahara. 4th ed. London: Europa, 1974.
- Davidson, Basil. "Africa in Historical Perspective." Pages 3-16.

Dolgopolaki, Aron. Boreische Ursprache Eurasiens. Halle-Lutherstadt, 1973.

Dolgopolakiĭ, A.B. "Gipoteza drevneišego rodstva ĭzykovyx semej severnoi Evrazii s veroĭtnostnoi toĭki zreniĭ." Voprosy Ėzykoznanii 1964, Nr. 2, 51-63.

Dolgopolaki, Aron. "Metody rekonstrukcii obšĭeindoevropelʹskogo ĭzyka i sibiroevropeĭskaĭ gipoteza." In: O.N. Trucev, ed., Ėtimologiĭ. Moskva, 1965.

Greenberg, Joseph H. The Languages of Africa. Bloomington: Indiana University, 1963. Also earlier and later editions and printings: 1949-1954, 1955, 1966.

Hajdú, Péter. Bevezetés az uráli nyelvtudományba (A magyar nyelv finnugor alapjai). Budapest: Tankönyvkiadó, 1973.

Herdan, Gustav. The Advanced Theory of Language as Choice and Chance. Berlin: Springer, 1966. Kommunikation und Kybernetik in Einzeldarstellungen, Bd. 4. (Also two earlier works: Quantitative Linguistics, 1964, and Type-Token Mathematics, 1960.)

Lewy, Ernst. Versuch einer Charakteristik des Awarischen. Mit Exkursen zur Sprachtheorie. Berlin: Akademie, 1953. Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Sprache, Literatur und Kunst 1952 Nr. 3.

McAlpin, David W. "Elamite and Dravidian: Further Evidence of Relationship." Current Anthropology 16 (1975) 105-109 [and Comments, 109-115.]

McAlpin, David W. "Toward Proto-Elamo-Dravidian." Language 50 (1974) 89-101.

Stopa, Roman. Structure of Bushman and Its Traces in Indo-European. Wrocław: Polska Akademia Nauk, Oddział w Krakowie, Prace Komisji Orientalistycznej Nr. 10, 1975.

Tyler, Stephen A. "Dravidian and Uralian: The Lexical Evidence." Language 44 (1968) 798-812.

О СРАВНЕНИИ УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ С ДРУГИМИ ЯЗЫКОВЫМИ СЕМЬЯМИ

Р. Аустерлиц (Нью Йорк, США)

Резюме

Автор статьи считает, что работа, проделанная компаративистами в области реконструкции генетического родства между уральскими и другими языковыми группами, дала пока незначительные результаты. Попытки реконструировать праязыки при помощи только лингвистических методов не оправдались. Сходства между разными языковыми семьями может быть объяснено с привлечением доисторических заимствований. При исследовании их надо учитывать процессы, происходившие в доисторическом обществе, и движение древних народов и племен.

REFLECTIONS ON THE COMPARISON OF
ESKIMO AND URALIC

Knut Bergsland (Oslo
University, Norway)

It is a trivial fact that it is impossible to prove that any two or more languages are not genetically related. Therefore, the question of long range comparisons is a question of meaningfulness, rather than one of possibility. The relationship of the Uralic languages, for example, is obvious enough to make meaningful the question how these languages became different. The same is true of Eskimo and Aleut, even though the comparative work is far less advanced. The comparison of these two language families, on the contrary, at least so far equals the general "probability" of a genetic relationship, which for the reason just indicated is barely a scientific question, cf. my paper "The Eskimo-Uralic Hypothesis", Journal de la Société Finno-Ougrienne 61,2, 1959, with a succinct history of the discussions. Recently, Dr. G.A. Menovshchikov has reached essentially the same conclusion, in his paper "Eskimossko-aleutskiye yazyki i ikh otnosheniye k drugim yazykovym sem'-jam", Voprosy Yazykoznaniiya 1974, No. 1, pp. 46-59.

Take, for example, Finnish muna etc. and Eskimo man-nik 'egg' (Greenland - North Alaska; in Southwest Alaska and in Asiatic Eskimo shortened to manik; not found in Aleut). It is easy to say that the Eskimo a "corresponds with" the Finnish (Uralic) u, but to be of any interest this statement would of course have to be supported by several "good etymologies". Even within Eskimo-Aleut, however, the number of "good" etymologies is comparatively small (perhaps about 10% of the vocabulary), so one could simply not expect to

find the sufficient number of examples to support the just mentioned gratuitous statement - quite apart from the question of genetic relationship or "borrowing" (English egg is borrowed from Scandinavian). Also, whereas the Uralic vocalism must have been quite rich, that of Eskimo and Aleut can be reasonably accounted for in terms of four phonemes only: i, a, u and a reduced ɪ (still found in the western dialects of Eskimo), which enormously increases the possibility of chance, that is, of finding at least some "similar" items.

To approach a statistical "probability", one could turn to some linguistically ordered set, for example the interrogative pronouns: Finnish ken, ku- etc. and Eskimo kina 'who', pl. kinkut (kitkut, kikkut), Aleut kiin 'who', pl. kiinkus (kiinkun); Aleut gana-n 'which', gana-gus (-gun) 'where' etc., gana-yaam 'when', alqu- 'what, do what, why', possibly a compound with al(ix) 'being', Eskimo qa-ku 'when (in the future)', qa-na 'when (in the past)'; na-ni 'where' (-ni locative) etc.; Eastern Eskimo su-na, Asiatic sanwa, Southwest Alaska ga 'what'. The stems found both in Eskimo and in Aleut have a striking similarity with Uralic (and Yukagir), as well as with Indo-European: Hittite kuis 'who' etc. etc., and with Turkic: kin 'who', qanyu 'which', qanī 'where' etc. The Eskimo na-ni 'where', na-kin 'whence', could be compared with Turkic nä 'what', whereas the Uralic mi(kä) etc. 'what' has been compared with Hittite masi-yansa 'quantus' and mahhan 'cum, ut' (Björn Collinder).

The Indo-Uralic and the Ural-Altaic case, or for that matter the Indo-Ural-Altaic one, is supported by the personal pronouns, whereas Eskimo and Aleut have no such pronouns, only person suffixes. The Eskimo uva-na 'I' has a demonstrative stem, cf. uva-ni 'here', and a subject suffix, as in ugagtu-na 'I speak' (North Alaska), the other forms a different stem with a so-called possessive suffix, e.g. ilvit 'you (sg.)', ilaa 'he/she' (North Alaska). Aleut has a stem tx(i)-/ti- with suffixes for the first, the

second and the reflexive third persons, e.g. ti-n 'I/me', tx-in 'you (sg.)', cf. ada-n 'my father', adaan 'your father' (ada-in). These forms, which in enclitic position mark the subject and in proclitic position the object, correspond with the respective subject/object suffixes in Eskimo, e.g. ugagtu-tin 'you speak', Aleut tunux^htakux^h-tin; ugautigaa-tin 'he/she speaks to you', cf. Aleut txin tunur^htaasakur 'he/she speaks about you'. To assess the possible (always possible) Eskimo-Uralic relationship, one would have to compare the so-called possessive suffixes of both language families (cf. my 1959 paper p. 22 f.), or else look for possible cognates of the Uralic independent pronouns among other Eskimo-Aleut items, say, Eskimo manna 'this one, at this place' (sg. suffix -na), which vaguely recalls Finnish minä etc.

As pointed out already by Marcus Woldike in 1745 (mentioned by Sajnovics in his famous Demonstratio of 1770), to assess the relationship - "cognatio" - between different languages, it is necessary to take into account not only lexical items but also the grammatical structure, as a frame for evaluating the significance of a material similarity (in the case of Greenlandic Eskimo and Hungarian, Woldike arrived at a negative conclusion, finding no material evidence).

Perhaps the most striking point of grammatical agreement between Eskimo-Aleut and Uralic, noticed already by Rasmus Rask in the 1820's, are the number suffixes: Eskimo sg. zero, dual -k, pl. -t, Aleut sg. zero/-x^h (dislocated from uvular stems), dual -x, pl. -g (-n, e.g. Eskimo (North Alaska) tuttu qairug 'a/the caribou comes', tuttuk qairuk '(the) two caribous come', tuttut qairut '(the) caribou(s) come', sentences perfectly comparable, say, with Northern Samoyed ones.

In Eskimo-Aleut, these suffixes, or certain variants, occur also with a following possessive suffix, for the first, the second or the reflexive third person, e.g. Aleut

aniqdu-n 'my child', aniqdu-kin 'my two children', aniqdu-nin 'my children' (Esk. -nka, -tka, -kka); su-ku-n 'I took it', su-ku-kin 'I took them (two)', su-ku-nin 'I took them'. In addition there is a plural -i (or -ni), opposed to a singular -a (or -na) and a dual -k (like the simple dual), so-called third person possessive suffixes but actually number suffixes with anaphoric reference to a third person (possibly a noun in the so-called relative case, sg. -n), the number of which is specified by a following number suffix (sg. zero, dual -k, pl. -t), e.g. Eskimo (anuti) pana-a (the man's) his big knife', pana-k 'his two knives', pana-i 'his knives', pana-i-t 'their knives'; (anuti) uqautiga (the man) speaks to him/her', uqautigai 'he/she speaks to them', (anuti) uqautigaat '(the men) speak to him/her', etc.

In forms with a possessive suffix, Northern Samoyed has a plural -i- (followed by the "co-affix" -n-), in simple nominal forms an accusative plural, possibly the cognate of the plural -i- in Baltic Finnish and Lapp, maybe also of the Hungarian -i(-). To compare this plural -i- with the Eskimo-Aleut one, one would have to assume that the Uralic third person possessive suffixes represent former reflexive suffixes like the Eskimo-Aleut ones, leaving the former "third person" suffixes as simple number suffixes - with elimination of the singular -a. Then one could compare also the Uralic genitive in -n (if not also the "co-affix") with the so-called relative case of the Eskimo-Aleut "third person" forms, e.g. Aleut ada-ga-n ula-a 'his father's house', adagan tunuxtaasakun (-ku-a) 'his father talks about him' (vs. adaan tunuxtaasakux 'he talks about his - his own - father').

The Eskimo-Aleut verbal forms with so-called possessive suffixes, that is, with reference to a third person object (Esk. -a 'he - him', -i 'he - them', -a-t 'they - him' etc.), vividly recall the so-called objective conjugation in some Uralic languages, especially the one in Northern Samoyed.

The most important difference (apart from the above-mentioned object suffixes in *Eskimo*, the cognates of Aleut independent forms) is that in Uralic the subject is in the nominative (or the stem form), in *Eskimo-Aleut* in the so-called relative case ("ergative" construction), e.g. Aleut hla-m tunu^htaasakuu 'the boy talks about him', Piitra-m hla-ga-n tunu^htaasakuu 'Peter's son talks about him (a third person)'. In the simple dual and plural, however, the relative case does not differ from the "absolute" one. In Aleut, this construction is anaphoric only, whereas a fully specified object entails the "subjective" conjugation. In *Eskimo*, the "ergative" construction permits the specification of the object referred to by the verbal suffix, being opposed to a so-called half-transitive construction, with the object in the so-called instrumental case and, if any, the subject in the absolute case ("nominative"), e.g. (anuti) tuttu tuqutkaa '(the man) killed the caribou', tut-tut tuqutkai 'he killed the caribous', vs. (anun) tuttun^{ik} tuqutsirug '(the man) killed a caribou', tuttun^{ik} tuqutsirug 'he killed some caribou', a difference of "focus" or "logical stress" which comes fairly close to that of *Nenets*, as described by N.M. Tereshchenko. The instrumental sg. -^{ik} could possibly be compared with the Uralic accusative sg. -^a (*Nenets* -^a'), but as pointed out already by C.C. Uhlenbeck in 1906, the former obviously contains the relative sg. -^a, cf. the locative sg. Iglu-mi 'in the/a house', pl. Iglu-ni, Iglu-a-ni 'in his house' (rel. Iglu-a-n), and na-ni 'where' with the simple locative suffix -ni, found also in the demonstrative forms uva-ni 'here' etc. - Incidentally, the *Eskimo* system of local cases is practically identical with the Northern Samoyed one, including a prosecutive or prolativ, e.g. Southwest Alaska na-gun 'where, which way', perfectly comparable also with *Yukagir*.

This is not to advocate the comparison, just to indicate the structural implications: the "*Eskimo-Uralic*" hypothesis entails a "proto-language" of essentially the same

type as the one arrived at by the comparison of Eskimo with Aleut. However, what is a "proto-language"?

The classical - documented - example of a language splitting into geographically separate languages: Latin and the modern Romance languages and dialects, could not easily be taken as a general model. The vast territory of the actual Arctic Eskimos, from the Bering Strait to Greenland, or that of the Tundra Nenets, both linguistically rather uniform (so at least in a recent past), is something very different from the city of Rome with suburbs, the "cradle" of the modern Romance languages. Furthermore, certain Nenets clans are reported to have had regular matrimonial relations with certain Hanti clans, which amounts to an institutionalized bilingualism, known also from other parts of the globe (for example Indian tribes of the Amazon area). Therefore, it is quite possible to invoke what the late Morris Swadesh called the "mesh principle", to assume, say, some specific "affinity" or "contacts" between Samoyed and Eskimo (with Yukagir as a possible "missing link", etc.). The trouble is, however, that one could not possibly get to know anything about the social conditions of the speakers of our hypothetical proto-language(s), not to speak of the late Holger Pedersen's "nostratic", which could not possibly be reconstructed - as shown by the very example of the Romance languages compared with the documented Latin (for example, as is well-known, in the Romance languages there is no trace of the Latin future forms in -bo etc.).

Assessing the various possibilities one could not fail to conclude that, for example, the Samoyed languages are more closely related to the Finno-Ugric ones than to any other known languages, and that there are different Finno-Ugric "branches" etc. The comparative work within the narrower field should certainly precede any long range comparison, but what could happen? Starting, say, with Hungarian and looking for cognates of the various suffixes etc. one could easily end up with a "proto-language" practically

without inflections, some sort of a "primitive" language from which the observable languages would have "developed", say, by "agglutination" of lexical items, such as "pronouns", becoming suffixes, etc. This notion of "primitive", however, is nothing but the result of the method applied, and applying this method to the Romance languages one would get a result that is simply false. The empirical study of observable languages has revealed no such thing as a "primitive" language, just different expressions of human experience and an insufficient insight on the part of the linguists into the potentialities of linguistic variation, and historical linguistics in the proper sense, that is, the study of languages documented for some longer span of time, has shown that the so-called development is a process of refacing and restructuring, even though the mechanism is still poorly understood. For example, as pointed out long time ago by K.B. Wiklund and others, between Northern Samoyed and Lapp there are certain specific points of morphological agreement (the "co-affix" -n- etc.) which could hardly be due to chance nor to parallel development (also a possibility) and so should be explained, most simply, as archaisms, largely covered by innovations in the other languages of the family. The distinction between a uniform "proto-language" and the "mesh principle" disappears in the haze of the unknown past.

Long range comparisons are certainly legitimate - quite useful for assessing the value and limitations of the comparative method. Since, however, the results of the comparative work obviously depend upon the linguistic experience of the researcher, the only way of knowing more about linguistic change and contact problems is to broaden the field of empirical research, including a thorough study of the many "small" languages which before long may be submerged by the great ones. It is possible to believe in Adam and Eve, but the apple can not be re-eaten.

РАЗЫСЛЕНИЯ О СХОДСТВЕ ЭСКИМОССКИХ И УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

К. Бергсланд (Осло, Норвегия)

Резюме

По мнению автора статьи, вопрос о генетическом родстве эскимосских и уральских языков едва ли можно в данный момент считать проблемой, имеющей научную ценность. Несмотря на то, что сходство между этими языковыми семьями проявляется и на лексическом уровне и в грамматической структуре, проблема родства может быть поднята лишь после огромной "эмпирической" работы. Особенно остро чувствуется необходимость исследования "малых" языков.

SOME OPINIONS

Karl H. Menges (Columbia University,
New York, USA)

I was very glad to have been asked for my opinion. I shall follow the order of your questions:

1. I consider Uralic, Altaic, and Dravidian as genetically related, the degree of relationship among the three families being almost equal, in other words, Uralic is not closer to Altaic than it is to Dravidian, in all probability also the length of the period of separation being approximately the same. Together with Björn Collinder, I consider Jakagir to be Uralic, containing, however, certain non-Uralic, "Palaeo-Asiatic" features.

2. Likewise, I consider Uralic and Indo-European as genetically related. Here, the relationship is closer than in the case of either one of the 2 other families, Altaic and Dravidian, to Indo-European. The closeness of Uralic with I.-Eur. was certainly maintained on contiguous areas of dissemination (or habitat). The relations with Ket and Eskimo are so far beyond my activities, so that I cannot judge the situation. Concerning Ket, the late Prof. Dulson at Tomsk had some very intriguing ideas.

3. Miller is right when considering Japanese and Korean as Altaic, so that now the Altaic family can well be considered as consisting of, as I say, three "Inner Altaic groups", Turkic, Mongol, and Tungus (perhaps four "Inner" groups, if we consider *Ṭavaš* [*Čuvaš*] as independent), and three "Outer Altaic groups", Korean, Japanese, and Rjū-Kjū. I am strengthening Miller's statements in a forthcoming study. This entire, major, Altaic family is related to Uralic and Dravidian on a nearer, to Indo-European on a farther line of genetic relationship. With this, we already come to an earlier phase of genetic relationship, often

called Nostratic (Holger Pedersen, and presently the Moscow school of Il'ic-Svityč, with Dolgopol'skij et al).

4. The Čukči-Kamčadal languages seem to be far relatives of Uralic and also somehow to point toward America, but so far, I cannot venture any definite opinion on those problems, which are problems of genetic relationship. In as much as Uralo-Toxarian relations are concerned, they are preponderantly those of contact relationship, while some detail problems seem to go beyond a mere contact relationship, as e.g. the very interesting feature of the oblique-stem in the nominal declensions of Toxarian which otherwise is a typical feature of Dravidian, but apparently occurs in Altaic, too (I mentioned this already 10 years ago, in my article in *Orbis* XIII, Louvain, 1964, and later, in my book on the Turkic languages and peoples [Wiesbaden, 1968]). As seen from the foregoing, the main points of my interest are questions 1 and 3.

It is a most positive sign in the present situation of general and comparative linguistics that your Department is planning this forthcoming scientific conference. It will help present-day linguistics to get rid of innate prejudices and to move out of the impasse created by a narrow-minded approach to Indo-European - how does it happen that Indo-European should not be related, genetically, to any other language-family? - and an equally narrow-minded structuralism with all its variations and sub-groups. Your department is to be congratulated with this promising plan.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

К. Мантес (Нью Йорк, США)

Резюме

По мнению автора статьи, уральские, алтайские и дравидийские языки связаны друг с другом генетически; какагирский язык принадлежит к уральским языкам; уральские и индо-европейские языки являются родственными. Японский и корейский языки можно считать алтайскими. Большая алтайская семья связана генетически как с уральскими и дравидийскими языками, так и с индо-европейскими языками. Палеоазиатские языки находятся в далеком родстве с уральскими, отношения между тохарским и уральскими языками ограничивались лишь контактами.

Содержание - Contents

От редакции. О понятии "Восток"	3
<u>Беккер Э.Г.</u> К вопросу о развитии надежной системы в селькупском языке	9
Becker, E. Zur Frage der Entwicklung des Kasus- systems im Sëlкупischen. Zusammenfassung.	20
<u>Воеводина Н.М.</u> Аналитические конструкции с глаголом "начать" в группе нарымских говоров сель- купского языка	21
Wejewodina, N. Analytische Konstruktionen mit dem Verb "beginnen" im Sëlкупischen. Zusam- menfassung	26
<u>Куннап А.</u> К вопросу о некоторых гипотетических само- дйско-енисейских морфологических соот- ветствиях	27
Kunnar, A. Zur Frage einiger hypothetischer samoje- disch-enisceischer morphologischer Ent- sprechungen. Zusammenfassung	33
<u>Морев Д.А.</u> Финно-угроведение и исследование фонетики самодийских языков.....	34
Merev, Y. Finnno-Ugric Studies and Phonetical Inves- tigations of the Samoyed Languages. Summary.	42
<u>Милль Л.</u> Еще раз о Ямантаке	43
Mill, L. Once More about Yamantaka. Summary	47
<u>Насилов Д.М.</u> Взгляды акад.Ф.И.Видемана и проф.М.П.Веске на урало-алтайскую проблему.....	48
Nasilev, D. Ansichten von Akad. F.I. Wiedemann und prof. M.P. Weske über das Ural-Altaische Problem. Zusammenfassung	59
<u>Насилов Д.М.</u> К типологии выражения характера протека- ния действия в урало-алтайских языках ...	60
Nasilev, D. Zur Typologie des Ausdrucks der Aktions- arten in den ural-altaischen Sprachen. Zusammenfassung	71

<u>Палмайтис Д.</u> Место уралистики в разрешении бореальной гипотезы. Вопрос эргатива	73
<u>Palmaitis, L.</u> Experimental Reconstruction of the Common Borealic Morphology: The Problem of Ergative. Summary	96
<u>Ринчен Н.</u> О старых связях монголов с палеоазиатами по данным фольклора	97
<u>Rintschen, J.</u> Über die alten Verbindungen der Mongolen mit den Paläoasiaten nach Angaben der Folklore	104
<u>Тенишев Э.Р.</u> Мордовские заимствования в татарском языке	105
<u>Tenischew, E.</u> Die mordwinischen Lehnwörter im Tatarischen. Zusammenfassung	108
<u>Чариков С.Д.</u> О некоторых способах образования определительных наречий в монгольских языках	109
<u>Charekov, S.</u> On Some Ways of Adverb Building in the Mongolian Languages. Summary	118
<u>Austerlitz, R.</u> On Comparing Uralic with Other Language Families.	119
<u>Аустерлиц Р.</u> О сравнении уральских языков с другими языковыми семьями. Резюме.	130
<u>Bergsland, K.</u> Reflections on the Comparison of Eskimo and Uralic.....	131
<u>Бергсланд К.</u> Размышления о сходствах между эскимосскими и уральскими языками. Резюме.....	138
<u>Menges, K.</u> Some Opinions.....	139
<u>Менгес К.</u> Некоторые замечания. Резюме	141

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 455. ФИННО-УГОРСКИЕ НАРОДЫ И ВОСТОК. Труды по вос-
токоведению IV. На русском и английском языках. Тартуский
государственный университет. ЭССР, г. Тарту, ул. Пилкоо-
ли, 18. Ответственный редактор П. Нурмекууд. Корректор Н.
Чикалова. Сдано в печать 30.03.1978. Бумага печатная № 1
30x45 1/4. Печ. листов 9,0. Учетно-издат. листов 8,25.
Тираж 700. МВ 03846. Типография ТГУ, ЭССР, г. Тарту, ул.
Пялсона, 14. Зак. № 451. Цена 1 руб. 20 коп.